Министерство культуры, печати и по делам национальностей
Республики Марий Эл

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Национальная библиотека имени С.Г. Чавайна Республики Марий Эл

Региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России» Республики Марий Эл

Серия «Чавайн в XXI веке»

СЕРГЕЙ ЧАВАЙН.
ЛИЧНОСТЬ. ТВОРЧЕСТВО. ЭПОХА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 2

Йошкар-Ола
2026

УДК 08+821.511.151.0
ББК 83.3 (2 Рос.Мар)
Ч 12

Печатается по решению Учёного совета МарНИИЯЛИ

Редакционная коллегия:
Виноградова Т.В., Ключева М.А.,
Федосеева Н.А. (отв. за выпуск, составитель), Эрцикова Г.А.

Ч 12 **Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха:** Сборник научных трудов / составитель Н.А. Федосеева. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2026. – 198 с. Серия «Чавайн в XXI веке». Выпуск 2.

ISBN 978-5-94950-145-0

Знак информационной продукции 12+

В основу издания положены доклады, которые были заслушаны на II Всероссийской научно-практической конференции «Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха», посвященной 135-летию со дня рождения основоположника марийской литературы Сергея Григорьевича Чавайна (1888–1937). В центре внимания исследователей не только творческая биография С.Г. Чавайна и художественные особенности его произведений, но и уникальные архивные материалы, которые впервые вводятся в научный оборот.

Сборник научных трудов адресован широкому кругу читателей.

УДК 08+821.511.151.0
ББК 83.3 (2 Рос.Мар)

ISBN 978-5-94950-145-0

© Авторы статей, 2026
© МарНИИЯЛИ, 2026

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Мыйын возымаште мо сайже, мо осалже уло, тиде чыла марий шемерым йӧратыма гыч, марий шемерлан сылнымутан литературым шке марий йылмыж дене пуаш шоныма гыч лектын…»

(«Всё доброе, хорошее в моем творчестве родилось из любви к марийским трудящимся, из желания дать им художественную литературу на родном марийском языке…»)

Сергей Григорьевич Чавайн

На первой марийской научной языковедческой конференции 1937 года Сергей Григорьевич Чавайн для своих коллег по перу сказал нужные слова: «Литератур йылмым виянгдаш писатель ден поэт-влаклан Александр Сергеевич Пушкин деч тунемман. Пушкин руш йылмын ачажлан шотлалтеш. Кеч-могай писателят калыкын йылмыжым шкенжын возымаштыже кучылтын ок мошто гын, тудо калыкын йӧратыме писатель лийын ок керт. Тидым кажне писатель ден поэт-влакланат шинчаш кӱлеш» («Чтобы развивать литературный язык, писателям и поэтам надо учиться у Александра Сергеевича Пушкина. Пушкин считается отцом русского языка. Если писатель в своем творчестве не умеет использовать язык народа, он не может быть любимым народным писателем. Об этом надо знать каждому писателю и поэту»), которые актуальны и в настоящее время.

Сергей Григорьевич Чавайн был и остается ведущим маяком для всех поколений марийских писателей. Вот какую оценку дает его современник Н. Бирюков: «…Марийская область празднует его тридцатилетний юбилей. Вот он сидит, этот скромный, тихий человек, по существу создавший марийскую национальную литературу. Сидит, мерцая очками, изредка роняя шутку, реплику. Дешевого рода славой его не прельстишь. Он знает, что к чему, старый ведун. Он выслушает всех, встанет, скромно поблагодарит собравшихся за честь, поклонится собранию по-старинному, почти в пояс, и потом пойдет к себе, к лампе, в комнату, где книги, рукописи, заповедные тетради с народными песнями и эпосом. И перо его – в который раз! – отправится в чудесное путешествие».

5 октября 2023 г. в г. Йошкар-Оле состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция «Сергей Чавайн. Личность. Творчество.

Эпоха», посвящённая 135-летию со дня рождения основоположника марийской литературы Сергея Григорьевича Чавайна (1888–1937), внесшего неоценимый вклад в развитие марийского словесного искусства. Она стала логическим продолжением и углублением дискуссий, обозначенных на аналогичном форуме с одноименным названием, состоявшемся 5 октября 2018 г. в г. Йошкар-Оле. По итогам первой конференции в 2020 году издан сборник научных трудов – первый выпуск. Цель мероприятия состоит в осмыслении творческого наследия С. Чавайна в аспекте историко-культурных связей.

Учредитель конференции – Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. Организаторами выступили Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Национальная библиотека имени С.Г. Чавайна Республики Марий Эл, Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» Республики Марий Эл.

Перед началом научной дискуссии состоялось торжественное возложение цветов к памятнику Сергея Григорьевича Чавайна. В работе форума приняли участие ученые, работники культуры и образования, общественные деятели, студенты, учащиеся общеобразовательных школ и журналисты из Республики Марий Эл, Республики Татарстан, Удмуртской Республики, Республики Коми, Республики Мордовия. Мероприятие творческими выступлениями украсили ученики Национальной гимназии искусств Колледжа культуры и искусств имени И.С. Палантая.

Открывая конференцию, директор МарНИИЯЛИ Л.Я. Григорьева подчеркнула значимость наследия С. Чавайна и отметила, что на сегодняшний день еще много нераскрытых страниц из жизни и творчества писателя. На первой конференции были выявлены новые архивные находки. В частности, учительница из Республики Казахстан Б.Б. Ибраева-Тэн со своей ученицей осветили жизнь Сергея Григорьевича во время его работы в железнодорожной станции г. Аральска. Благодаря ряду таких фактов могут открываться перспективы сотрудничества с Казахстаном и другими регионами и странами.

В своем приветствии Первый заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл М.З. Васютин акцентировал внимание на том, что стихотворение «Ото» («Роща») Сергея Чавайна переведено на 45 языков мира и известно в разных уголках земли. Его произведения сегодня ставятся на сцене Марийского драматического театра им. М. Шкетана, артисты которого придают им новое дыхание.

С приветственными словами к участникам конференции обратились заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей

Республики Марий Эл И.Г. Садовин, директор Национальной библиотеки имени С.Г. Чавайна И.В. Щеглова, председатель Всемарийского Совета – Мер Канаш, Оньыжа Э.В. Александров, председатель РО ООО «Союз писателей России» Республики Марий Эл С.Д. Архипова.

На пленарном заседании доклад о личности и творчестве С. Чавайна в общественном сознании эпохи представлен кандидатом филологических наук, ведущим научным сотрудником МарНИИЯЛИ Н.А. Федосеевой. Она особо обратила внимание на творческие связи С. Чавайна, отметив, что общение с такими же талантливыми людьми, каковым является сам писатель, с первым поколением марийской интеллигенции, а также с активными деятелями культуры других народов благотворно влияло как на начало, так и на всю дальнейшую творческую деятельность писателя. Так, И.С. Михеев, посвятивший свою жизнь делу просвещения удмуртского народа, вдохновил классика марийской литературы к созданию учебников на марийском языке. Изданная С. Чавайном совместно с В. Ипатовым в 1910 году «Кумшо марла книга» («Третья марийская книга») по своему содержанию близка к пособию И. Михеева.

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета Т.И. Зайцева рассмотрела специфику удмуртского литературного процесса последних лет. Ею отмечены особенности функционирования традиционных реалистических тенденций и новых экспериментальных направлений; сделан анализ произведений писателей, которым присуще стремление синтезировать реалистические традиции прошлых лет с приемами искусства «новой реальности».

В своем выступлении кандидат филологических наук, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан М.И. Ибрагимов затронул современные направления исследований национальной словесности. Он подробно остановился на проблемах сопоставительной поэтики в изучении национальных литератур Поволжья.

Работа основных участников проходила в трех секционных заседаниях: «Творчество С. Чавайна в культурном и информационном пространстве», «Национальная культура и современность», «Языковая картина мира и художественное слово». Было заслушано около 50 докладов. Особый интерес вызвали выступления сотрудников Национальной библиотеки имени С.Г. Чавайна Е.Г. Петровой и А.Н. Булыгиной о первом исследователе творчества С. Чавайна Фёдоре Кузьмиче Казанцеве, научного сотрудника МарНИИЯЛИ О.М. Петрова о журналистской деятельности С.Г. Чавайна,

научного сотрудника МарНИИЯЛИ Н.В. Мушкиной о песнях на стихи С. Чавайна, младшего научного сотрудника Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН Е.В. Пантелеевой о поэзии В. Ар-Серги, старшего преподавателя Удмуртского государственного университета О.М. Максимовой об очерках В. Ар-Серги, студента Марийского государственного университета Д.Д. Захаровой о повести Яныша Ялкайна «Ужар жап», кандидата педагогических наук, заведующего лабораторией «Марийская школа» Марийского государственного университета В.Т. Михайлова о судьбах марийской интеллигенции в годы тоталитарного режима.

В рамках конференции работал круглый стол «Творчество М. Шкетана: история и современность», посвященный 125-летию со дня рождения классика марийской словесности М. Шкетана (Якова Павловича Майорова), сыгравшего немаловажную роль в становлении марийской драматургии и театра. На данной площадке интересным было выступление кандидата исторических наук А.В. Муравьева, он рассказал не только о жизни и творчестве марийского классика, но и об архивных документах, о проделанной работе по подготовке стендов и экспозиций для Дома-музея М. Шкетана. Обмен опытом, обсуждение и анализ произведений писателя позволили сделать вывод, что литературное наследие М. Шкетана интересно и для молодого поколения.

Отрадно, что конференция вызвала живой интерес, на ней прозвучали доклады студентов и магистрантов. Новый взгляд молодых исследователей на творчество С.Г. Чавайна даёт уверенность в том, что литературное наследие марийских писателей и в будущем станет предметом научного осмысления.

Организаторы и участники конференции выразили единодушное мнение о том, что подобные научные мероприятия необходимы, они позволяют сконцентрировать внимание на выявлении неизвестных ранее фактов, обсуждении актуальных вопросов, подготовке новых изданий, отражающих результаты литературоведческих, культурологических, исторических, языковедческих изысканий.

В ходе проведения и подведения итогов научного мероприятия участники конференции выразили благодарность организаторам и выработали следующие рекомендации:

– осветить результаты мероприятия в средствах массовой информации;

– по результатам научно-практической конференции подготовить и опубликовать сборник ее материалов;

– следующую конференцию провести через пять лет, в 2028 году;

– активизировать работу по открытию памятного знака на родине С.Г. Чавайна в д. Малые Корамасы Моркинского района Республики Марий Эл;

– рекомендовать телеканалу МЭТР совместно с Государственным архивом Республики Марий Эл, Национальной библиотекой имени С.Г. Чавайна, Национальным музеем Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева, Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева создать серию документальных фильмов о жизни и творчестве С.Г. Чавайна;

– рекомендовать Марийскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории им. В.М. Васильева совместно с Государственным архивом Республики Марий Эл, Национальной библиотекой им. С.Г. Чавайна, Национальным музеем Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева создать альбомное издание архивных документов и фотографий о жизни и творчестве С.Г. Чавайна.

УДК 821.511.151.0

Бояринова Г.Н.
г. Йошкар-Ола

С. ЧАВАЙНЫН «ЎДЫР-ВЛАК» ПОЭМЫЖЫН СЫЛНЫЛЫКШЕ

Статья посвящена выявлению особенностей поэтики поэмы С. Чавайна «Ўдыр-влак» («Девушки»). Подчеркиваются такие художественные особенности, как конфликт, идея, хронотоп, композиция, символические образы, авторское отношение к героям, психологизм, характер, язык произведения.

Ключевые слова: С. Чавайн, поэма, конфликт, композиция, монолог, символ, герой, язык.

«Ўдыр-влак» поэмым С. Чавайн 1934-ше ийыште серен. Тунам ял калык у илыш радамыш шогалын: колхоз илыш дене илаш тўҥалын. Лач тиде социал йодыш поэмын рўдыштыжӧ кия.

Действий олыкышто шудо солымо жапыште кая. Поэмын геройжо-влак Элнет олыкышто шудым солат. Нуно тыгай лўман улыт: Тачана, Оксина, Тайра, Майра, Натале ден Семон. Коклаштышт конфликт лектеш. Амалже тыгай: бригадир Семоным Натале кутыраш шогалта, тидлан шотымат муэш, рвезым шке векыже савырынеже, чонышкыжо вочнеже, сандене нуно пашаште вараш кодыт. Тайра ден Майра бригадирын каласыме шуанвондо марте солатат, канаш возыт. Лач Тачана ден Оксина гына Элнет сер марте шудым писын солен кают, бригаде ончылно лийже манын азапланат. Умылаш лиеш: пашаче ўдыр-влак чылаштым кожгатынешт, нунын семынак юватылде шогылтышт манын шонат, колхоз пашам ончыко шындат, соцтанҥасымаште молылан пример лийнешт.

Конфликтын тиде амалжым писатель келгемда, тудым пўсемден, вес проблемым нӧлталеш. Тидланже Натальын еш историйже дене палдара. Тудын кочажым мўндыр верыш кулак семын шынден колтеныт:

Натальын кочаже,
Тоштын косаже,
Мўндырнӧ коштеш,
Тайга мурым колыштеш… [2, с. 173]

Ачаж шотыштат мутым лукмо, тудын образшым антигерой семын сўретлыме. Ик семынже ӧрмаш лектеш, кузе кулакын икшывыжым колхозын клатшым вуйлатышылан шогалтеныт. Тидын нерген мутым автор ок лук. Лач тудын колхозлан энгекым кондымыж нерген палдара. Ўдырын ачаже колхозын лу пырняжым шолыштын, клатыште тыгак кумло пуд уржам йомдарыме.

Титакше тудын, манме. Натальыжат тӱшка пашаште пӱжвӱдым йоктараш ок шоно, тӱрлӧ амалым муын, эркын шогылтеш. Ужына, поэт конфликтын келге вожшым шымла, тудым быт могырым гына огыл, тыгак социал шӧрын гоч почеш.

Умбакыже поэмын сылнылыкшым шергал налына. Герой-влакым сӱретлымаште портрет йӧн изи огыл верым налеш. Поэмыштат тудо уке огыл. Налаш бригадир Семоным. Тудым «ош» эпитет гоч почын ончыктымо, тидым уэш-пачаш ушештарыме. Тиде арам огыл, волгыдо тӱс дене пырля тудын поро чонан улмыжат палдырна. Тугеже эпитет кумда значениян. Умбакыже тудым тыгайым ончыктымо:

Капкыл лӧза,
Кид-йол таза,
Чонеш пижеш койышыжат,
Луан огыл йылмыжат,
Пашалан гын пеш кожмак! [2, с. 167]

Писатель рвезым чоныш логалшым сӱретла, арам огыл тудым бригадирлан шогалтеныт. Текстыште тудым «он» манын ончыктымо, тудымат уэш-пачаш каласыме. Рвезын чон кӧргыштыжӧ мо кайымымат автор каласен кода. Теве тидым кузе палемдыме:

Йӱла, шолеш
Семонын шӱм,
Ынде шӱеш
Бригаде лӱм,
Почкалтарат, тиде раш [2, с. 173].

«Ужат, тудо чылт ошемын…» [1, с. 174] манмат шуко нерген ойла. Рвезе чынже денак йонгылыш лиймыжым умыла, санденак чонжо вургыжеш, тидыже тӱжвал тӱсшӧ гочат раш коеш.

Ӱдыр-влакын тӱжвал могырым сыныштым, могай улмыштым кӱчыкын, раш каласыме:

Майра ошо, Тайра шеме,
Чылт окса гай Оксина,
А Натале – косатале,
Тале, паче Тачана [2, с. 168].

«Окса гай Оксина» манме дене автор ӱдырын тӱжвал сынжым гына огыл, кӧргӧ могырым чатка, шергакан улмыжым палемда. Деталь «ойлышо», койыш-шоктыш ойыртемым луктын каласыше.

Поэме текстыште тӱшка портретымат шекланаш лиеш. Ӱдыр-влакын чаткалыкыштым, моторлыкыштым пеш кӱчыкын да раш иктешлыме: «ӱдыр-шамыч, мом ойлаш, шӱргышт чевер – чылт сандал» [2, с. 167]. Сандал манмыже чевер чиям ончыкта. Теве Натальыланат саде тӱсым тушкалтыме: «Натальын

шӱргӧ пеш чевер…» [2, с. 173] Тӱс нерген ойлаш гын, «ошо», «шеме», «чевер» мутлам ужына. Нуно тӱжвал тӱсым гына огыл, кӧргӧ чон моторлыкымат палемдат. Тыгодым Натале нерген ойлымо годым автор ӱдырын тӱжвал тӱсшылан кӧргӧ чонжым ваштарешла.

Поэме паша процессым почын пуа, садланак автор шудо солымо сомыл дене кылдалтше мут-влакым лыҥак кучылтеш: калак, сава [1, с. 168], сава ишке [1, с. 169] да м. Самырык-влакын солымышт сава йӱк гочат рашемеш. Ты эпизод оҥартыш мутлан пеш поян, тыгодымак ме йӱк йонгалтмым раш колына:

Кыжик-кожик, кыжик-кожик!
Кож-ж, кож-ж, кож-ж!
Йыж-ж-йышт, йыж-ж-йышт!
Чож-ж, чож-ж, чож-ж! [2, с. 168]

Умылена, серызе шудо солымо пашам сай пала, сава йӱкымат моштен келыштара.

Семонын солымыж шотышто тыгерак возымо:

Семонын сава чот йолга,
Вӱдла шудышто йога [2, с. 173].

Метафор, танҥастарымаш йӧнлан энертен, поэт геройын пашаче кумылжым почеш, саважат тудын пӱсӧ, кечыште чот йылгыжеш. Нине деталь-влак онча-ктымо эпизодым пойдарат, характеристике сомылыштат палдырнат.

Теве эше ик палемдымашым ончалына:

А Тайра ден Майра
Пеш пычкемыш улыт але.
Шинчаштышт – тӱтыра [2, с. 174].

«Пычкемыш» манме дене писатель ӱдыр-влакын тунемдыме улмыштым гына огыл, ончыл шонымашан огытыл, илыш деч вараш кодыт маннеже. «Тӱтыра» метафорат тидымак ушештараш полша. Нуным але илышлан тунык-тыман, ончыл шонымашан радамыш шупшылман, нунын дене умылтарымаш пашам ятыр ыштыман. Авторын шонымыж семын, тидыже комсомолын, партийын сомылжо.

Тыгай шонымашым ончыл радамыште улшо Оксина ден Тачана нумалыт. Теве Семон шотыштат нуно каҥашат. Тачана рвезым могай могырым, кӧлан тергаш ӱшаныме нерген шонкала: «комсомол, колхоз правлений але партгруппо» [1, с. 173–174]. Ӱдыр шкеже Семоным чамана веле огыл, йӧрата. Тунамак Тачаналан весе кӱлешанрак:

Но мер паша шергырак,
Колхоз илыш кӱшнырак… [2, с. 174]

Эскерена: персонажлан личный илыш шӧрын деч мер паша шергырак, кӱлешанрак. Тыге тунам илыш йодын, партий кӱштен.

Чавайн поэмыштыже символ сынан образ-влакым келыштарен, пушенге ден вондерын образыштым кучылтын. Иктыже шопке пушенге. Марий тӱвыраште тудо отрицательный семын онча́лтеш. «Шопке – дерево, используемое в качестве оберега, а также проклятое дерево… По поверью, шайтаны около него пляшут» [1, с. 265]. Поэмыште гын йӧратымаш йодышым почмаште кучылталтын, тудо тыгак геройын койыш-шоктышыжым почын пуаш полша:

Шопке
Ок шого шыпке,
Шопке лышташ –
Ӱдырлан йолташ:
Мура шырге,
Чарныде… [2, с. 170]

Тиде образ гоч Натальын тӱсшӧ келгынрак почылтеш. Ӱдырын йылме яклакаже, вожылмашым палыдымыже пенгыдемдалтеш. Автор «шопке» – «шыпке», «лышташ» – «йолташ» мут-влакым ик радамыште чаткан веранден. Умбакыже шопке нерген эше онай каласыме:

Йӱк пуышо уке,
Вожылын шопке [2, с. 170].

Пушенгын шкенжым тыге кучымыжо тудын йымалныже верланыше Семон ден Натале дене кылдалтын. Важмалдыкын моткоч онай келыштарыме.

Вес кушкыл – тиде шуанвондо. Тудын образше вияш да вончештарыме шотан. Ик семын, тиде кушкыл марте шудым солаш канашыме, вес могырым онча́лаш гын, тиде иман вондер йымалне канен кийыше-влакым «пӱшкылмӧ». Текстыште лудына:

Шуанвондо шу йымалне,
Чока шудо пун ӱмбалне,
Кият нуно, каналтен,
Могырыштым шыратен [2, с. 171].

Автор ироний йӧным кучылтеш. Тидыже вес корнылаштат палдырна. Теве Натальын пашам кузе ыштымыжым онча́лына: «Натале пешак талын лупша-тава саваж ден» [2, с. 168]. «Лупша-тава» манме дене автор ӱдырын сайын солен моштыдымыж нерген ойла.

«А Натале – косатале,
Тудым вожге куклыман» [2, с. 174].

манме дене автор тыгай кончышым илыш гыч корандыме шотышто шижтара.

Але налаш вес эпизодым. Тайра ден Майра Семон нерген тыге ойлат:

Тендам
Онча́лшогышым ышта,
Мелнам
Команым кӱэштыкта,
Муно лиеш ӱян,
Чапле лиеш сӱан… [2, с. 172]

Нине ӱдыр-влак васараш, каргашаш тале улыт, мутлан ең кӱсеныш огыт пуро, игылт налынат кертыт.

Поэме кышкарыш автор монолог-влакым моштен келыштарен. Иктыже тыге йонга:

– Ӱдыр-шамыч, соцтаҥас!
Тӱҥалына гын, кертынас! –
Кычкырале ош Семон,
Пош гай шӱла тудын оҥ. –
Солалтыза савадам,
Ида локтыл калакдам!
Шуанвондыш шуына,
Элнет сереш канена! [2, с. 168]

Бригадир бригаде ончылно тыгай задачым шында, шкеже веле тидын нерген жаплан монда, чевер ӱдыр тудым шке онгышкыжо вашке шупшыл сеҥа. Рвезе тидым вараш кодын умыла. Мучашлан гына тудо, шке титакшым пален, Тачана пелен лиеш.

Диалог семын чоҥымо мутланымашымат ужына:

Семон, тые мом тӧчет?
Мыйын йолем мо пӱчнет?
Сава ишкем лушкен лектын,
Солаш ок лий нимо семын.
Ачаленже мый ом керт,
Могай уло гын секрет? [2, с. 169]

Тылеч посна Натальын Семонлан ойжо [2, с. 169–170], Оксинан Тачаналан ойлымыжо, ӱдыр-влакын мутланымышт, нунын молым йомдарымышт нерген лудына [2, с. 170].

Кӧргӧ монолог семын келыштарыме ой нерген ойлаш гын, Семонын шонкалымашыжым пример семын ончыктыман. Качымарий ӱдыр-влакым эскера, иктыжым чонышкыжо пуртынеже:

Тӱжвач ончаш, кутыраш
Чылан улыт пеш мотор.
Кузе палаш, ойыраш,
Кӧжӧ поро, кӧжӧ тор? [2, с. 168]

Ужына, рвезе айдемым келгын ужын ок мошто, тӱжвал сыным палемда, тидыже тудын шукыжым тӱжвач гына шекланымыж нерген ойла. Натале нергенат автор палемден кода, ӱдырын келгын-нелын шӱлымыжым ончыктымо, «пуйто киен вел кынелын…: оваргалын ӱдыр оҥ, шинчаж онча йӱлалтен, шӱмыш воштак витарен» [2, с. 169]. Чоя Натале качым шке векыже савырынеже, тидлан чыла йӧным кучылтеш, рвезым жаплан пеленже «кылда».

Риторике сынан ой-влак поэмылан лирике сыным пуат, тыгак поэтын герой-влакым кузе ончымыжым, нуным аклымыжым почыт. Пашаште кожмак

улмым «вурс сава, шӱшкен кай» [2, с. 168] ойлончо палемда. Чынак, пӱсемдыме сава самырык пашаче кидыште модеш гына, иктыжын тудо чынже денак шӱшка гын, весын тыге огыл.

Поэт бригадир Семон шотышто тыге азапланен воза:

Эй, бригадир, тый, Семон,
Кушто кызыт тыйын чон?!
Вуй ӱмбалне, кидкопаште
Ала иктаж йолварняште?
Утлаш йӧсӧ ӱдыр деч,
Утларакше – кудыр деч.
Эй, Семон, мом ыштет,
Кишке возын кидышкет?.. [2, с. 170]

Тыште тыгак авторын Натале деке отношенийже почылтеш. «Кудыр» эпитетат «ойлышо». Тыште ӱпын могай улмыжым гына огыл, тыгак чон могай улмым каласыме, чояланымым ончыктымо. Арам огыл умбакыже ӱдырым кишке дене танастарен палемдыме. Коеш, каласкалыше геройлан Семон келша, рвезын чоя ӱдырын кепшылышкыже логалмыже тудым тургыжландара, тидын деч утлаш кӱлмым шижтарыме.

Сылнымут танастарымашлан поян. Икмыняр примерым ончыктен кодена: олык лопка – чылтак степь! [2, с. 167], пош гай шӱла тудын оң [2, с. 168], ну, Натале, чылт антале тыйын сават [2, с. 169] да м. Шудым солышо ӱдырвлакым важмалдыкын комбо дене танастарыме. Тыште марий вургем ойыртем гына огыл, тыгак солымо годым шулдырым шаралтыме семын коймо пуалтеш. Автор уто мут деч посна, образлан энертен, тидын нерген шижтарен кода. Пӱртӱс детальымат поэт ыштыме сомыл дене кылден ончыкта: «ший сава гыч пыл-кавашке тӧрштыл модеш кечыйол» [2, с. 167]. Ваштарешла келыштарыме ой поэмын конфликтше нерген ойла: кӧ йолагай, кӧ кожмак.

Сергей Чавайн диалект формымат моштен келыштара, «ок коеп» [2, с. 167] манеш, тыглай кутырымо шомакат верышкыже пурен шинчеш: «эй, калтак» [2, с. 167], уэш-пачаш каласымымат ужаш лиеш: «ӱдыр-шамыч, мом ойлаш» [2, с. 167], у мутымат пуртымо: «соцтанас» [2, с. 168], гипербол йӧнат келшыше: «Семон савам шупшылеш – важык кумдык виш лиеш…» [2, с. 168]. Пашам сӱретлыме эпизодлаште глаголлан кугу тӱткыш ышталтеш: «пӱжалт пытен Тачана, ноен шуын Оксина» [2, с. 170]; «шыдешка Тачана, ӧпкела Оксина»; «кият нуно, каналтен, могырыштым шыратен» [2, с. 171].

Теве Майра ден Тайра шкешт нерген тыге иктешлен ойлат:

Ончык лекташ она тӧчӧ,
Уто пай ден она лӧчӧ [2, с. 171].

Тыште автор глаголым рифме шотышто оңай келыштара: тӧчӧ – лӧчӧ. Нине ӱдыр-влак койыш-шоктыш шотыштат ойыремалтшын сӱретлалтыт, нуно

васараш, каргашаш вуйым пуат. Арам огыл, иктешлен, поэт тыге сера: нуным «туныкташ – чадыртаным ылыжташ…» [2, с. 171]. Ӱдыр-влак, мутлан, кӱсеныш огыт пуро, арам огыл Тачана ден Оксилан тыге вашештат: «Мийыза, кайыза, кутырыза, уна коеш, чытыза» [2, с. 172].

Поэмыште действий кенгежым, шудым солымо жапыште, Элнет олыкышто кая. Автор жап шотышто моткоч онай каласен:

Кече пелта. Жап эрта.
Эр
Кечывалан энгерта [2, с. 170].

Чынак, пашам ыштен, жапын писын эртымыжымат шижын от шукто, эр пеш вашке кечывалыш «шӱкалеш».

Поэмын чонгалтмаштыже колча йӧн кучылталтын. Икымше ден мучаш ужаш вашкылдалтыт, вашсолналтыт. Тыште Элнет олык, карш кол нерген ойлымо, шудо солымо пашам тӱнгалме да каслан мыняр ыштыме палемдалтеш.

Поэме марий ӱдыр-влакын пашаче кумылыштым почын пуа, нунын тӱрлӧ койышан улмыштым ончыкта. Вашпижмаш мораль йодыш дене веле огыл кылдалтын, тыгак класс кучедалмаш йодышын шӧрынжымат ончыкта. Эше тудо тыгак тӱшка пашан виян улмыжым, шоян эреак тӱжвак лекмыжым палемда. Сылнымут йылме шот денат поян, авторын тӱрлӧ йӧнлан энгертымыже поэмым сылнештара.

Литератур ден источник

1. *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология: Этнографический справочник. – Йошкар-Ола, 2007. – 312 с.

2. *Чавайн С.Г.* Чумырен лукмо ойпого. I том / К.К. Васин ден Г.С. Чавайн чумыреныт. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. – 336 с.

Galina Boyarinova

POETIC FEATURES OF S. CHAVAIN'S POEM "ÜDYR-VLAK"

The article is devoted to identifying the features of the poetics of S. Chavain's poem "Üdyr-vlak" ("Girls"). Such artistic features as conflict, idea, time-space, composition, symbolic images, the author's attitude to the heroes, psychological insight, character, language of the poem are examined.

Keywords: S. Chavain, poem, conflict, composition, monologue, symbol, hero, language.

УДК 821.511.151.0

Бояринова Г.Н.
г. Йошкар-Ола

С. ЧАВАЙНЫН «ОКТЯБРЬ» ПОЭМЫЖЕ: ЙЎКСАВЫШ ОЙЫРТЕМ

Статья посвящена анализу звуковой организации текста поэмы С. Чавайна «Октябрь». При воссоздании картины сражений, массовых сцен, автор использует образы природных явлений, знакомит с нововведениями в связи с установлением советской власти. При этом часто обращается к реальным звуковым эффектам, употребляет шумовой фон, обращается к повторам. Данные элементы играют на идею поэмы.

Ключевые слова: С. Чавайн, поэма, звуковая организация, конфликт, массовые сцены, антитеза, повтор.

Сергей Чавайнын «Октябрь» поэмыже 1920-шо ийласе марий сылнымутышто ик эн виянлан шотлалтеш. Поэт тудым 1928-ше ийыште возен. Поэмын лўмжӧ виян йонга, тудо Октябрь революций темылан сералтын. Тиде историй йыжын марий калыкын, чыла йорлын илышыштыже кугу савыртышан лийын. Нимодымо-шамыч у семын шўлалтен колтеныт, поян-влак гын мо улыштым йомдареныт. Таче кечын революций йодыш умбакыже шымлыме нерген темла, тудым тўрлӧ могырым палемдат, сай ден тупыньжо нерген ойлат.

Авторлан гын тудо – сай могырыш вончымаш, элысе чыла йорлылан гына огыл, чумыр марий калыклан пиалан илышым чоҥымаш. Мутат уке, революцийым поэт моктен, тудын лектышыжлан куанен илен, сай ончыкылыклан чот ўшанен.

Статьяштына «Октябрь» поэмым йўк могырым шымлен лекташ задачым шынденна, тиде сылнымут йӧн гоч авторын мастарлыкшым палемден кодынена.

Поэт революцийын йўкшым, тусо вашталтышым, социал йодышым пўртўс кончыш гоч почаш кумылан. Поэме мучко мардежын образшым шеклане-на. Тудо тўрлӧ тўсан, шӧрынан. Теве сылнымут тўҥалтышыште мардеж чот лўшкышӧ семын почылтеш:

Колыштат,
Пылышетлан
Тўрлыжат пеш шокта:
Йўд мардеж
Пеш лўшка,
Тўрлын-тўрлын мура.

Шем кожер
Пеш лӱшка,
Шыдешкен мӱгыра [1, с. 102].

Автор мардежым йӱдын образше дене кылден почеш. Йӱд – тиде тошто илышын символжо, тале мардеж «лӱшка», «тӱрлын-тӱрлын мура». «Шем» эпитет полшымо дене С. Чавайн пычкемыш илышым иктешла, тиде ужашыште тудо вияш формышто ончалтеш, тунамак вончештарыме значенийыште умылена. Мардежын тӱссӱретше кожерын образшым почмаште кӱлешан. Тудын вийже кугу, озыркан мардеж тӱня мучко коштеш, пуа, кожерымат чытырыкта, шыдешкыкта, мӱгырыкта. Палена, мардежын образше марий мифологий тӱняште кугу верым налын шога. Кугезына-влак тудым юмо дене тӧр ужынат, Мардеж ава, Мардеж он умылымаш чот шарлыше лийын. Тудын кугу вийжылан ӱшаненыт, кӱлеш годым полышым йодынат, туткар годым кумал сӧрваленыт.

Поэтлан тиде вий – тӱням эрыктыше куатан образ. Арам огыл умбакыже тудым тыге ончыктымо:

Мардеж чот шыдешкен,
Молан пеш талышнен?
Шем кожлам
Йӧрыктынеже –
Але пылым покта?
Кӱ олам сӱмырынеже –
Але вийым мокта? [1, с. 107]

Мутат уке, пӱртӱсын вийже моткоч кугу, нимучашдыме. Ужына, «шыдешкыше» мардеж чот толаша. Тиде ужашыште адакат шем кожлан образше кучылталтеш. Семантикыже изиш весе: «йӧрыктынеже» глагол революцийын образше дене чак кылдалт почылтеш, тошто кучем сӱмырлымым ончыкта. Арам огыл тудым «кӱ олан» образше пелен пуымо. Автор тыште риторике сынан ойлончо дене пайдалана, тушто «вий», «сӱмыраш» шомак-влак тӱткышым шке ӱмбакышт налыт.

Вара семын автор адакат пӱртӱс кончышышто улшо образ-влак деке намия. Мардежын образше кӱдырчан йӱр дене кылдалт почылтеш. Кава мӱгыра, волгенче волгалтеш, кӱдырчӧ кӱдырта:

Шыр-р-шор-р-шорт!
Шокталеш –
Кӱдырчӧ шергылтеш!
Йырым-ваш
Лӱшкымаш.
Пӱртӱс чот мӱгыра.
Лӱҥгалтеш,
Рӱчкалтеш,
Мландат чытыра [1, с. 107].

Поэт кӱдырчын кӱдыратле вийжым почеш, тидланже онартыш мутым келыштара. Мо онгайже, автор «шокталеш» глагол формылан энгерта. Шижына, поэт пӱртӱс кончыш деч лӱдман огыл маннеже, садланак ласкательный суффиксым кучылтын, тудыжо «шергылтеш» глагол пелен пуалтын. Кӱдырчын образше пӱртӱс кончышым келгемда, лопканда. Илыш толкынысо кугу лӱшкымашым умылаш келыштаралтеш, тымарте уждымо кончышым почаш манын, серызе «мланде чытыра» манын каласен. Чыла вере мӱгырымаш кайымым ончыкташ «лӱнгалтеш», «рӱчкалтеш» глагол-влакым верандыме. Кузе мардеж, талышнен, пӱртӱс вийым умбакыже виктарен колта, тугак калыкат, ик шоныш дене авалтын, шонен пыштымыжым шукта, маннеже поэт.

Сюжет виянгме дене мардежын образшат вашталтеш, тудо тӱн шонымашым почмо дене кылдалт сӱретлалтеш. Кузе озыркан мардеж деч вара пӱртӱс шыплана, лыплана, тугак революций толкын деч вара илыш вес лончыш вонча. Автор семын, сай могырыш, калыклан пайдале шӧрыныш:

Мардеж чарныш, тыпланыш,
Тӱтырат чылт шаланыш [1, с. 120].

Ужына, мардеж пелен тӱтыран тӱссӱретше пуалтеш. Кузе пӱртӱсыштӧ тудо ондак нӧлталтеш, эркын шалана, тыгак илышыштат калык тыгай тӱтыра гыч лектеш, шинчажым чынлан почеш, уш-акылжым волгалтарен колта, маннеже С. Чавайн.

Октябрьын волгыдылыкшым, эрыкым чылалан тӧр пуымыжым ончыкташ манын, поэт адак мардеж, волгенче ден кӱдырчын образыштлан энгерта:

Мардеж лекте, пуале,
Толыкан шӱшкалтале,
Волгенчат
Волгалтарыш,
Кӱдырчат
Рашкалтарыш [1, с. 122–123].

Ындыже тудо осал вий семын огыл, онычысылан вашталтарешлалт пуалтын. Тудо поро, сай вашталтыш лиймым иктешла. Илыш гармоний манмым пенгыдемдаш полша.

Шемер калыкын революций деч онычысо неле илышыжым автор тыгак йӱк могырымат онгай почеш:

Мемнан эл,
Марий вел
Нелын-йӧсын шӱла [1, с. 102].

Автор марий калыкым иктешлен ончыкта, чаманен, «нелын-йӧсын шӱла» манеш. Умылена, йывыртен илаш тудлан амал лийын огыл, шукынжо мерчен иленыт, пашам ыштен, йӧсланеныт, тыгодым поян-влак, чиновник могырым шыгыремдымашым чытеныт:

Ойгыра,
Йӧслана,
Коклан йӱкын шортеш,
Пеҥыжеш,
Шӱлыштеш:
Паша вийжым кӱреш [1, с. 102].

Тидым ончыкташ манын, писатель глаголлан энгерта, йӱк могырым тиде «йӱкын шортеш», «пеҥыжеш», «шӱлыштеш».

Йорлылан ваштареш поян кашакым шындыме. Нуным иктешлыше образ семын Чал-Пондашым лукмо:

Той саҥга,
Нер – маҥга,
Ала ия гыч шуэш,
Кычкыра,
Магыра,
Чылт ия гай коеш [1, с. 104].

Осал айдемын кузе коймыжым, озаланен илымыжым «кычкыра, магыра» манме. Тыге тудо йорлым шке кидыштыже кучен тунемын, йӱкым кугемден кычкырен, тыге оза улмыжым пеҥгыдемден. Карикатур сынан тиде образ Из-Эчанлан ваштарешла шынден сӱретлалтеш. Каласыман, нине кок образым почшыла, автор икгай шомак-влакым кучылтеш:

Еҥ тӱшка
Пеш лӱшка
Огеш лӱд Из-Эчан:
Кидыштет
Пычалет
Сай лиймек, кӧ лӱдман? –
Кычкыра,
Магыра,
Лӱшкалташ пеш полша [1, с. 108].

Ужына, ынде кучем Из-Эчан гай-влак кидыш вонча. Тудо тидын верч фронтышто кредалеш, моло дене пырля тӱшкаште «лӱшка», кидыштыже – пычал, тушман ваштареш тудо лӱддымын шога. Тыште «кычкыра», «магыра» манме тӱшка сценым чоҥымаште кӱлешан улыт, кучедалше калыкым сӱретлымаште палемдалтыт.

Поян-влакым автор шем курныж дене танастара, «ида урмыж» манеш:

Поян-влак – шучко курныж –
Те пийла ида урмыж:
Кӱдырчӧ рашкалта,
Вуйдамак шалата!
Буҥ-буҥ-буҥ!
Лӱч-лӱч-лӱч!
Та-та-та, та-та-та!.. [1, с. 110–111]

Калык тӱшкам вес сӱретыштат онай келыштарыме:

Кугу ола туманла,
Йырым-ваш йӱклана.
Кугу под
Шолмо гай
Ен тӱшка сургалтеш [1, с. 107].

Сургалтше олан образше шочеш, «туманла», «йӱклана» глагол-влак тидым ончыкташ кучылталтыт, автор, ен тӱшкам ончыкташ манын, «кугу под шолмо гай» танастарымашым келыштарен. Тыге лӱшкышӧ олан образшым сӱретлыме.

Тыште могай гына йӱкым от кол. Марш сынан, ӱжмашан, лозунг семын чонгалтме ойым лынак кучылтмо. Иктыже тыгай:

Ончык, тан,
Тошкал рын!..
Кинде, мир… власть – Совет!..
Вот пычал
Кидыш нал! [1, с. 107]

«Кӧ пырля – мемнан дек, кӧ посна – тушман век!..» [1, с. 108] манмымат колына. Тыге тунамсе жапын ойыртемалтше тӱсшӧ почылтеш, кучедалше калыкын тӱшка образше шочеш. У уверым кажныже вуча, мо кайымым чылан пален налнешт:

Мӱгыралт
Тӱнялан, у увер! [1, с. 108]

Калыкын онжо нерген кугемден каласыме, уто мут деч посна кӱчыкын тыге возымо:

Ленин йӱк –
Кугу йӱк,
Вошт шокта, ынлыза [1, с. 109].

Кугу кредалмаш кая, у кучем куштылгын ок тол. Автор чӱчкыдын, уэш-пачаш, кредалме сӱретым пуа, тыгодым икгай йӱкым палемда:

Бун-бун-бун!
Лӱч-лӱч-лӱч!
Та-та-та, та-та-та!..
«Эй, йолташ,
Сай лӱйышаш!» –
Лӱшкалтеш йырым-ваш… [1, с. 110]

Онартышмутым кучылтмо текстлан йӱк могырым поянлыкым ешара, тыгак кредалме сӱретым колаш да ужаш лийшым ышта:

Ура-а!
Ура-а!
Йорло йӱк шокталеш,
Йырым-ваш шергылтеш!.. [1, с. 110–111]

«Йорло йўк» манме дене тўшка калыкым каласыме, «шокталеш» формо авторын ончыктымо деке отношенийжым рашемда.

Кўшнӧ палемдышна: Из-Эчан йорло марий калыкым иктешлыше образ семын пуалтын. Тудын фронтышто кредалмыжым йўк могырым тыге келыштарыме:

Из-Эчан
Пеш шыдан
Пычалжым чот куча:
Викталта,
Сургалта…
Тушман койын пуча [1, с. 112].

«Сургалта» глагол полшымо дене геройын виян лўйкалымыжым каласыме. Ужына, тўнʻ герой моло дене пырля у Совет кучемым аралымаште чот талын кредалеш, уло вийжым пышта, лўддымылыкым ончыкта.

У илыш радамыште у кончыш-шамыч лектыт. Иктыже – радио. Тудын ойлымыжым автор онай келыштара:

Радио-влак каласат,
Тўня мучко лўшкат:
«Чылалан,
Чылалан,
Чылалан, шемерлан!
Колыштса,
Умылыза –
Кӧ пылышан, кӧ ушан.
Россий калык,
Шемер калык,
Поян властьым сеӊген» [1, с. 113].

«Каласат», «лўшкат» глагол-влакым кучылтын, С. Чавайн умбакыже дикторын ойжым пурта, тушто шемер калыкын тоштым сеӊымыж нерген ойлалтеш, у кучемын илышыш пенгыдын шогалмыжым йўк полшымо дене келыштарыме.

Совет власть куштылгын толын огыл, тидлан шуко пўжвўдым йоктарыме, ятыр айдемын илышыже кўрылтын. Поэмыште тидын нерген автор тыге ончыкта:

Ой, пеш шучко
Сибирь мучко
Йўрӧ чот пуля йўр.
Ой, пеш шучко
Сибирь мучко
Йогыш чот шемер вўр! [1, с. 116]

Метафор полшымо дене автор нелын толшо у илыш йогын нерген ушештара, тидланже пуля йўр чот йўрмӧ нерген ойла. Тидат йўк савышан ой лиеш. Кумдыкшат тидым келгемда: Сибирь мучко манме.

Чумыр Россий кумдыкышто илыш моткоч неле лийын:

Тюрьмаштат,
Шахтыштат
Шемер калык шортеш [1, с. 119].

«Шортеш» шомак ойлышан, шемерын илышыжым почын ончыктышо. Шинчавӱдан илышлан мучаш лийман, маннеже поэт.

Марий кундемышкат кугу вашталтыш толын. Ынде марий ең вуйлатыше радамыш шогалын, шке калыкше дене шочмо йылме дене мутлана. Тидым автор тыге ончыкта:

Керек-куш
Миен уж –
Марий ең вуйлата;
Кечыгут
Марий мут
Йырым-йыр раш шокта [1, с. 124].

Марий мутын йонгымыжым С. Чавайн моштен сӱретла. Тудын шонымыж почеш, шочмо кундемыштыже марий ең оза лийшаш, марий мут йырваш йонгышаш. Ужына, тиде йодыш таче кечынат пеш кӱлешан семын палдырна. Самырык-влак коклаште марий шомакын йомын толмыжо чыланнамат чот тургыжландара.

Поэт ончыкылык пиалан илышым ужнеже, шке кундемжым мокта, тидланже келшыше шомакым муэш:

Марий эл,
Эй, шӱмбел!
Колышт-ян, мо шокта? [1, с. 123].

«Шӱмбел» манме дене автор шке шочмо калыкшым, кундемжым, элжым йӧратымыж нерген ойла. Риторике сынан тиде обращений арам огыл кучылталтеш. Поэт мо кайымым ужаш, колаш йодеш.

Ял илыш вашталтеш, уэмеш. Марий кундемыш икымше трактор толеш. Тиде сӱретымат ужына:

Колыштат,
Пылышетлан
Трактор йӱк шокта пеш [1, с. 125].

У техникын толмыжо у илыш йыжыңым ышта, тракторын образше тыште символ сынан, тудын йӱкшӧ – у саманын йӱкшӧ, тӱсшӧ. Илыш куштылемын, совет айдемылан у власть шуко сайым конден, манеш поэт.

Вашталтыш тӱвыра илышыштат палдырна, тудо у семын ворана. Чыла вере клубым почыт, тушто калык кана, ушыжым пойдара. Тидын нерген поэмыште лудына:

Изижат,
Кугужат,
Каналташ тышке тол.
Мурымат,
Ойымат
Пылышет ден шке кол» [1, с. 126].

Писатель, обращений йӧн дене пайдаланен, у илыш радамыш вончаш ӱжеш, ушо калыкым ты пашаш ушынеже. Тыште ме поро ой, сай муро йӱкым «колына».

Тунемын гына онҵыко каяш йӧнан. Марий айдемым серызе ушаным, онҵыко ужын моштышым онҵыкта, тидланже антитезым кучылтеш, диалог йӧнлан энгерта, тӱшка ойым келыштара:

«Книжка –
Яришка», –
Ман вурсен тоштыеҥ.
«Книжка –
Уш тӱшка,
Книжкаште – уш-ыҥ», –
Ман ойлат,
Пеш моктат
Кызыт ынде чылан [1, с. 127].

Поэт поэме кышкарыште сар нерген ойлышыжла, тудо пытартыш лиеш, манын палемда. Тыгодым адак йӱк могырым онай келыштарымашым шекланена:

Буҥ-буҥ-буҥ!
Лӱч-лӱч-лӱч!
Та-та-та, та-та-та!..
Тиде сар
Лиеш сар
Поян-влак ваштареш.
Буҥ-буҥ-буҥ!
Лӱч-лӱч-лӱч!
Та-та-та, та-та-та!..
Тиде сар –
Кӱлеш сар –
Эн пытартыш лиеш! [1, с. 114].

Ужына, автор сар жапысе йӱксавышым моштен келыштара, тудо пытартыш лиеш манын, ӱшана. Чаманен гына палемдыман, сар ваштареш шогышо поэтын шонымыжо шукталтын огыл. Айдеме тукым, онҵыко каен, историй йоҥылыш-влак гыч келшыше шонымашыш луктын кертын огыл.

Иктешлен, тыге каласыман: поэме у сынан лийын, тидыже йӱк могырым келыштарымаштат почылтеш. Автор у ден тоштым ваш шогалта, шке

шонымашыжым вигак луктын каласа, у илышым мокта, шемерын пашажым кугемден ончыкта, лӱшкен шогышо калыкын образшым, ыштыме сомылжым йӱк полшымо денат келыштара. Йӱк тӱрлӧ тӱсан, шӧрынан. Тиде кредалме сӱретыште, пӱртӱс образ ден кончышым келыштарымаште, тӱшка сценым ыштымаште, тракторын ялыш толмым ончыктымаште, радио дене ойлымаште да моло вереат палдырна.

Литератур ден источник

1. *Чавайн С.Г.* Чумырен лукмо ойпого. I том / К.К. Васин ден Г.С. Чавайн чумыреныт. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. – 336 с.

Galina Boyarinova

THE SOUND ORGANIZATION OF S. CHAVAIN'S POEM "OCTOBER"

The article is devoted to the analysis of the sound organization of S. Chavain's poem "October". When reconstructing scenes of the battle, mass scenes, the author uses images of natural phenomena, introduces innovations in connection with the establishment of Soviet power. At the same time, S. Chavain often turns to real sound effects, uses background noise and repetitions. These elements play on the idea of the poem.

Keywords: S. Chavain, poem, sound organization, conflict, mass scenes, antithesis, repetition.

УДК 821.511.151.0

Бояринова Г.Н.
г. Йошкар-Ола

М. ШКЕТАНЫН ПОЭЗИЙЖЕ

Статья посвящена анализу поэзии классика марийской литературы М. Шкетана. Делается вывод о том, что, хотя им написано мало стихотворных произведений, но они отличаются острым публицистическим накалом, сатирической направленностью. Его любовная и пейзажная лирика наполнена грустью и нежностью.

Ключевые слова: М. Шкетан, поэзия, лирика, тема, идея, ирония, сатира, публицистика, герой.

Яков Павлович Майоров-Шкетаным ме тале драматург, шуко шӧрынан прозаик семын кӱкшын аклена, арам огыл тудо марий классик радамыште шога, вет марий сылнымутым пойдарымаште надырже моткоч кугу. Драматург семын тудо социал да психологий сынан драмым возымыж дене ончылно лийын, икымше тыгай жанр дене сераш тӱҥалын, койдарчыкым налаш гын, лач тудо сатир сынан пьесым возымыж дене ойыртемалтын. Прозо аланыште возен кодымыжат шкешотан. «Эреҥер» романже – ик эн виян, койдарчык ойлымашыже-влак тачат кӱлешан улыт, публицистикыште тыршымыжат ӧрыктара. А вет тудо шке вийжым лирикыштат терген. Статьяштына лач тиде шӧрынжым ончал лектына, возымо ойыртемжым палемдена.

Почеламутшо шуко манаш ок лий, туге гынат нуно тӱрлӧ темылан сералтыныт, жанр шотыштат ойыртемалтше улыт. Возымыжым жап могырым ончалаш гын, нуно тӱҥ шотышто 1921-ше ден 1923-шо, варажым 1925–1926-шо ийлаште, тыгак 1936-шо ийыште серыме улыт.

Теме рубрик велымат йӧратымаш нерген возымыжо шкешотан. «Йӧратымемлан» (1921) почеламутшо таҥжылан пӧлеклалтын. Тудын вуймутшак тидын нерген шижтара. Йӧратыме ӱдырын йӱкшат чонлан шерге, тудо «лыжган-шыман шокталеш» [1, с. 36]. Автор почеламутыштыжо портрет детальым кучылтеш, шинчаж нерген луктын каласа: «шем шинчат», «шинчат семалмет, ончалмет». Тыгак ӱдырын тӱжвал тӱсшым «мотор» манме иктешлыме шомак дене каласыме. Лирике геройын чонжо куаныше огыл, «мыйын чоныштем неле ойго шижалтеш» [1, с. 36] манме. Тидым ончыкташ манын, поэт антитезым келыштара: лыжга-шыма шомак – неле ойго, чон – уш. Кок гана каласыме «таҥем» шомак почеламутын тӱҥ шонымашыжым виктараш полша. Риторике сынан обращений кӱлешан сылнымут сомылым шуктымаште палдырна.

Шӱлык кумылым «Шкет чон» (1921) сылнышомакыштат шекланена. Тыштат риторике сынан йодыш, восклицаний озаланат: «Молан сылным ом уж мый канаш ушо чонемлан?» [1, с. 37]; «Вучем!.. Вучем!.. Кунам мылам илыш сылнын ояра!»; «Кунам мучаш ойгылан толеш але ик гана!» [1, с. 38]. Нуно текстлан келшыше пафосым пуат, темым почмаште кӱлешан улыт, тыгак лирике геройын койыш-шоктышыжым рашемдымаште сомылышт коеш. Лирике герой шкеже вуйым сакен, кас еда тӱрлым шонкала, тӧрзам почын, тӱням йыр онча, шеклана. Пӱртӱс образ-влак шонымашыжым рашемдат. Автор тыгай сӱретым почеш: шӱдыр кӱшнӧ, тудо чыл-чыл койын йӱла, шӱшпык мура, кӱшнӧ тылзе иеш, тудо «енглан чапшым ончыкта» [1, с. 37], кас ӱжара пылым чеверта. Сӱретлыме кумдык – мотор, чоным авалтыше. Туге гынат чон ок чӱчкӧ, молан манаш гын чонжым паремдаш нигӧ ок тол, шинчавӱдшымат нигӧ толын ок ӱштыл. Сентиментальный кумыл шочеш. Автор обращений йӧнлан кумдан энгертен. Лирике герой танже деке лектын ойла, «йӧратыме йолташем, мыйын кумыл моторем», «танем» манеш, ныжылгын пелешта. Ӱдыр чонешыже пижын, сӧралже дене келшен. Ужына, геройын кумылжо волышо. Тидым ваштарешла шындыме йӧнат палдара: пӱртӱс мотор, а геройын чонжо ок кане. Тудын чон шонышыжо пӱртӱс гармонийлан ваштарешлалтеш. Почеламутыш мер мотиват шынген. Текстыште лудына:

Мыняр гана калык ден
Келшаш шонен ушнышым –
Нигунамат нигӧ ден
Ужын омыл порыжым.
Калык осал кӱтымӧ ден
Илышемат шемемеш;
Тыйым, танем, шонымо ден
Шӱмем-кылем шыргыжеш [1, с. 38].

Автор адак оппозицийым кучылтеш: порылан осал шонышым шынден сӱретла. Чонжым лач тан нерген шонымаш паремда, шӱм-кылжым шыргыжыкта.

Тӱрыс ончымаште тыге лектеш: авторын геройжо тӱн шотышто шӱлык шоныш дене вӱдылалтын. Тидым философий шонымашан «Молан ойгыраш?» (1921) почеламутшат ончыкта. Тыштат шкет улмо мотив ончыко лектеш: еш ден – шкет.

Шкетан почеламутышто калыкын тӱшка образшым ончыко луктеш. Шукынжо ойганат, кузе илаш, манын шонат, кечкыж толашат, кече еда каргашат, кӱлдымыла урмыжыт, Юмылан кумалыт. Икманаш, ешысе быт сӱрет почылтеш, тудо отрицательный рӱдан, лирике геройлан келшыдыме. Сылнымутын идейже содержанийлан ваштарешла шындымаште коеш. Почеламут тыгай мучашан:

Мом толашаш! Икана
Возын колаш верештеш.
Тылеч вара вес гана
Илыш ок тол вет мыланна! [1, с. 38]

Шуко почеламутыштыжо илышысе у вашталтыш нерген ойлалтеш. Граждан рубрикылан келшыше «Жап шуын» (1923) мутсаскажым ончалына. Тушто пӱртӱс сӱрет кумда верым налеш. Автор теве молан тӱткышым ышта: кече ырыкта, мландым шымата, кумда пасу шыргыжеш, куралшым вуча. Метафор йӧн дене пайдаланен, автор мотор шошо кечын образшым сӱретла. Ял илышыш у технике толеш. Тыште тыге каласыме: кӱртньӧ пӱян у тырмам анавлак вучат. Неле пашан шенгек кайымыжым автор «чаклана» мут дене иктешла.

«Чонга рӱдӧ» (1936) почеламут у паша темым иктешла. Действий чонгаташте кая, йыр нӧлпер верланен. Лирике герой ты чонгаш каналташ толын, кумык возеш да колышт кия. Тудлан юзо мут шокта:

«Тыште сургаш тӱнгалеш
Гидростанцийын кугу вий.
Пич пычкемыш уремеш
Кечым чӱкта. Куан лий!» [1, с. 45]

Совет кучем илышым у семын виктарен шоген. Эл тунам чонгымо паша дене чот чапланен. Айдеме вийым моктышо тиде мурсаска ту жапын ойыртемалтше тӱсшым раш почын пуа. Автор электротулым кече дене танастара, кугу куаным пуышо семын сӱретла.

Поэзийжын вес йыжынже – пӱртӱс темылан возымо почеламутшо-влак. Ты радамыште кок почеламутым ончыктыман. Иктыже «Шошо толын» (1926) вуймутан. Палемдыман, автор лач шошо нерген возаш кумылан лийын. Очыни, тиде идалык жап тудлан лишыл улмаш, чонжым вӱчкен, сай кумылым шынгарен кертын. Поэт шошын образшым кумдан почеш. Тудым «чевер» эпитет дене келыштарыме. Олыкат кумдыкеш тӱзлана, ужарга. Пасушто, олыклаште кайык чаплын мура, калыкым куандара. Энерлаште кол модеш, тӱрлӧ семын шкенжым ончыкта: «тӧрштылеш, чумалеш». Тӱнжӧ, мо серызым, лирике геройым куандара – пасу паша. Тудо утыр талышна:

Пасу ӱмбалне
анаалаште
Шемын-ошын марийжат
коялеш.
Кормыж тичак
кормыжтен,
Пырчым налын
кудалта,
ӱдалта [1, с. 44].

Жап верыште ок шого, эре ончыко кая. А илышыште ўшаным автор самырык-влаклан ышта да тыге манеш: «рвезе каче ошкеда, тырмала» [1, с. 44], тудын ўмбак кечыжат ўшан дене онча. Арам огыл тыгай мучашым келыштарыме:

Кўшнӧ кече,
ырыктен,
Воштылалын,
кӧм ала
семала [1, с. 44].

«Илыш кушкеш» (1936) почеламутыштат пўртўс сўрет ден паша сўрет танлалт пуалтыныт. Текстыште тыгай пўртўс образ ден пўртўс кончыш-влак кўлешан сылнымут сомылым шуктат: мардеж, шурно вуй, тўтыра, ўжара, кече, энер, олык. Нунын ойыртемалтше сыныштым почаш манын, автор онартыш мутлан энерта: лай мардеж «выж-выж, выж-выж пуалеш»; шурнын вуйжо «чышт-чышт, чышт-чышт ышталеш»; ший энер «йыл-йыл, йыл-йыл коялеш», кече «шыр-шыр, шыр-шыр воштылеш» [1, с. 46]. Троп-влак чевер пўртўс сўретым почаш полшат, келшыше тўсым пуат, образым келгемдат, ужаш да колаш лийшым ыштат. Мутлан, автор тўтырам мамык дене танастара, тудо «выжге-вужге пўтырна», олык шудым леведеш, «яндар лупс ден нӧрталеш» [1, с. 45]. М. Шкетанын ўжаражат онай волгалтеш, «пыл-каваже тарайла» [1, с. 45] коеш.

Тыгай мотор кончыш паша муро дене танлалт сўретлалтеш, эрдене эр калык пасу пашаш, олыкыш лектеш:

Товар йўк ден муро йўк
Ик йўк лийын шергылтеш.
Олык мучко пеш мўндырк
Йынге-йонго сургалтеш [1, с. 46].

Илыш тўзлана, виян ончык тошкалеш:

У электр кече ден
Мемнан элна волгалтеш [1, с. 46].

Онай келыштарыме: кечым электротул дене кылден сўретлыме.

Шкетанын лирикыштыже посна верым муро семын келыштарыме почеламут-влак налыт. Иктыже «Рвезе муро» (1923) лўман. Тудо кум строфа гыч шога, кажныштыже посна сўрет пуалтеш. Икымше строфаште олык нерген ойлалтеш, тўн образ семын пеледыш лектеш. Тудым «чевер» эпитет полшымо дене иктешлыме да каласыме: «чевер пеледыш деч сай уке» [1, с. 39]. Кокымшо стихыште чодыран тўссўретше тўнын образшым кайык-влакын полшымышт дене рончымо да тыге иктешлыме: «шўшпык кайык деч сай уке» [1, с. 39]. Умбакыже авторын шинчаончалтышыже ял могырыш виктаралтеш, ял калыкым иктешлен келыштарыме, нунын шуко улмышт

нерген ойлалтеш. Туге гынат поэтлан рвезе-шамыч лишылрак улыт, ўшаным нунылан ыштыме: «рвезе калык деч сай уке» [1, с. 39]. Ужына, почеламутын идейжым автор пўртўс образла полшымо гоч почеш да тўҥ шонымашым текст мучаште веранда.

«У муро» (1923) почеламутышто пўртўс образла гоч ял калык илыш почылтеш, поснак рвезе еҥын ончыл шонымашан улмыжым ончыктымо. Тыгай пўртўс образ-влак пуалтыт: энер, пеледыш. Энер «йолгыжеш», «волгалтеш», тудын семынак:

Сай рвезе калыкна
Моторланен илалта:
Энер вўдла йолгыжеш,
Ончык кая – тунемеш,
Пеледыш гай пеледын
Ила, ушым погалын [1, с. 39].

Ялын у семын илымыжым ончыктымо, серызе ял суртан, поган, оралтан манеш. Тиде почеламутыштыжат кўшнö каласен кодымо мотив ушештаралтеш, ўшан рвезе тукымлан гына, лач нуно, ончык ончен, тунымын, илышым вес семын воранден колтышаш улыт.

«Тропим ден Тарля» (1926) почеламут такмак семын келыштаралтын. Икымше строфаште лудына:

Изи тореш шолыштет
Изи кисат илалеш:
Йоштек, тореш ялыштет
Йошт Тропимет илалеш [1, с. 40].

Тудын образшым карикатур семын сўретлыме, геройын могай улмыжым действий гоч почын пуымо: йыштик-йоштик кушталта, шуйык-шойык шўшкалта, терет-торет муралта. Тыге марий Тарлян чонжым тарватен кертын, сандене ўдырамашат изин-кугун веле коеш. Тудо «йöратен, койын-койын шупшалеш» [1, с. 41]. Мутат уке, тыште юмор шўлыш озалана. Тидыже шомакла гочат палдырна: «изи тореш шоло», «изи киса», «тореш ял». Текстыште чылажат тореш ышталтеш, герой-влакшат сатир сынан лектыт.

«Ковыра марийын мурыжо» (1926) почеламут тыгак юмор сынан. Тудын геройжо – Ондрий, могай улмыжым сылнымутын вуймутышкыжо луктын каласыме. Рушто чылдырий Ондрий тыгерак муралта:

Тирит-торот муралтем,
кушталтем,
лоп-лоп-лоп
совалтем,
топ-топ-топ
тавалтем [1, с. 42].

Тудо койышланаш йӧрата, шкеж нерген тыге муралта: «кертам, поенам, вийненам, сеҥенам» [1, с. 43]. Ватыж денат моктана, тудыжо пеш коя, ӧрден шинчын: «элтеш ок пуро» [1, с. 43]. Герой тудым «пеш йӧратем, шыматем, вӱчкалтем» манеш. Вара ожыж нерген мура: «покталтет – чымалтеш – кучен керт». Оралтыжат пеш чапле («кӱжгӧ-кӱжгӧ), оксажат сондык тич. Тидын нерген тыге манын мура: «оролем, чаманем». Икшывыжат шуко: вич эрге, марлан кайышаш ӱдыр. Икманаш, чыла тудын сай, моктанен колташ уло мо дене.

Герой пӧртышкыжӧ уна-шамычым конден. Нуным сийлыман, сандене эргешешке дек обращений семын лектын тыге каласа: «Вашкерак кочкаш-йӱаш ӱстембак кондеда – огыда?!» [1, с. 43]. Оза родыж-влакым пеш сийла да тыге муралта:

Тирит-торот… родем-влак
теммешкак
кочкалза!
Мӱй пӱрем
йӱктымем
йӱалза! [1, с. 43]

Мучашлан эргыж ден шешкыжлан ваштареш шогалаш кӱшта, ачадам пагалыза, манеш. Ужына, тыштат автор йӱшӧ еҥым воштыл сӱретла, моктаныме койышым вурса.

Шкетан тале публицист лийын, тидыже поэзийыштыжат пале кышам коден. Икмыняр почеламутшо илыш факт негызеш возалтын. Тунам, колымшо ийлаште, совет газетлаш ятыр вуйшиймаш пуреден, шукыж годым авторжат аноним лийын. Теве «Сӧсна возен» манме уверлан вашмут семын «Семже тошто гынат, мурыжо у шол» (1926) почеламут корныла шочыныт. Автор илыш гыч налме уверын геройжымат ушештара (Кудряшов), кушто пашам ыштымыжымат ончыкта (Шурнур общий отделыште школ инструктор), йырже лишыл еҥым (ватыже), родыжым (нудыжо) пашаште кучымыжо нергенат палемда.

Почеламут текст муро семын келыштаралтын. Икымше строфаште пӱртӱс сӱрет ончыкталтеш: изи вӱд, тудын серже, олык. Серын олыклан куанымыже тыште тӱҥ шонымаш лиеш. Кокымшо ден кумшо строфаште инспектор, тудын нудыжо да ватыже нерген ойлалтеш. Писатель портрет деталь гоч нудын шара шинчажым палемда. Кажне строфа «куана» мут дене мучашлалтеш, эшеже тиде шомак уэш-пачаш шым гана ушештаралтеш. Тиде арам огыл, тудо кӱлешан уверым «нумалше». Герой-влак шокшо верыште улмыштлан йывыртен илат.

Серышлан вашмут семынак «Кир ден сатум вискала, кир денак еҥым «вискала» лӱман стих формо дене серыме сылнымутшо шочын. Туштат кӧ нерген (Лукан Васли), могай вер гыч (Акашев район), кушто (Ятман кооператив),

кӧлан пашам ыштыме (пыркашык) палемдалтын. Тыгак тиде йӱшӧ «геройын» мом ыштен коштмыжым возымо: еҥым лӱдыктыл коштын, Орехов Васлим логар гыч перынеже улмаш. Тудын кидыштыже кир лийын. Тиде настам тудо пашаштыже кучылтын, тудын денак Ӱярня пайрем годым калыкым лӱдыктылын. Почеламутым обращений семын возымо, Лукан Васлилан тыге каласыме: «кертат», «пеш моштет», «сатулет», «еҥ вуйым шӱткалет». Мучашлан автор тыгай иктешлымашым ышта:

Туа, Васли, пашатлан,
Курымет «кужу» лиялже,
Тыгай еҥже Советлан
Пеш келша… казаматлан [1, с. 42].

Сатирын умдыжо да ироний йӧн дене пайдаланен, писатель илышыште вашлиялтше уда койыш нерген ойла, тыгодым посна айдемын койыш-шоктыш портретшым устан кучылтеш.

Религий ваштареш кучедалме 1920-шо ийлаште чот шарлен. Тидын нергенат автор возыде кодын огыл, «Черке приход совет але кооператив?» (1925) лӱман почеламутшо шочын. Тудын ончылныжат цитате верандалтын. Тушто тыге возымо: «Пайдам утларак налаш манын, южо кооперативный организаций черкылан «кӱлеш» товарым кызытат «ужалаш» тырша маныт» [1, с. 40]. Попын образшым карикатур йӧн дене ончыктымо:

Имаруш поп, йывыртен,
Кумда онжым кадыртен,
Урем воктен ошкылеш [1, с. 40].

Чумыр текст монолог семын ышталтын. Попын ойышкыжо тудын куанже пышталтын, а тудыжо кооперацийын полшымыжлан кӧра шочын. Монологышто глаголлан тӱткыш ышталтын. Поп тыге манеш: «уке лӱдмаш, ойгырымаш» [1, с. 40]. Амалже теве кушто: юмылташ «кооператий мыланна койын веле шӱмлана» [1, с. 40]. Мучашлан поп тыге иктешла:

Сорта пыта – кондалеш,
Окса ок лий – пуалеш;
Мемнан кӱсен оварташ
Ок сӱсане толашаш [1, с. 40].

Почеламут текстыште чылажат почылтшо. Ласкательный форман глаголым кучылтмаш почеламутлан ироний тӱсым пуа. Чумыр налмаште, текст сатир сынан, автор религий ваштареш шогымыжым вигак луктын каласа.

«Йолашетым от ужале мо?» (1926) сылнымутлан шочаш авторым «Пургедше» анонимын редакцийыш возен колтымыжо таратен. Тыштат арака йӱмӧ проблеме ончыко лектеш. Анонимын увертарымыж почеш, пале лиеш: «Коклала район исполкомысо (Шернур кантон) секретарь Метрий, кок тувыржым ужален, аракам йӱын» [1, с. 41]. Тыштат герой шке «ойгыжым» каласкала.

Тудын монологшо ойлышан: РИК паша эре поша, самогоным налаш взятке уке, вуйлатыше оксам ок пу. Автор ироний семын тыге иктешла:

Тыге манын, Метрийна
Ойгыра, шортеш, «котырна» [1, с. 42].

Умбакыже ужына: персонаж тувыржым ужала, тыге шержым тема. Арам огыл мучашыште тудым «ужава» манын ойлымо.

Иронийым ме авторын «Сӱан» (1921) почеламутыштыжат шекланена. Марий илыш-йӱла негызеш возымо ты сылнымут антитезе йӧн полшымо дене чоҥалтын: оҥгыр йӱк ик семын – муро йӱк вес семын; шергылт кая – эркын шокта; нур – тер. Автор сӱан калыкын тӱшка образшым карикатур йӧн полшымо дене келыштара. Икмыняржым ончыктен кодена. Сӱан вуйын сомылжым шуктышо шонго Матвуй кугызам налаш. Тудо юмоҥам кучен, но руштмыж дене тудым «йол коклашке вел пыштен» [1, с. 35]. Чаплын чиен шогалше шӱвырзӧ «шӱвыр шокташ тӧчылден, шӱвыр пучым йомдарен» [1, с. 36]. А теве чылдырий сӱан трушка ватыжым кыра, «еҥден коштат ман энда» [1, с. 36]. Ик сӱан марий имньым нимо укелан кыра: «аҥыртарен шогалтенат, карен кия: Овленыт!» [1, с. 36] Икманаш, автор кажне персонажым воштыл сӱретла. Иктешыже – чумыр сӱан калыкым. Икмыняр глаголым примереш кондена: руштылден, йомдарал ушыштым, карат, кырат, лупшкедат, шикшалтыт.

Тыге сӱан ӱдыр суртыш вашка. Толын шумекышт тыгай сӱретым ужына:

Толын улыт йӱшыжӧ –
Нер деч посна южыжо [1, с. 36].

Автор утыждене йӱмӧ кушко шуктымым ончыкта, шкендым шот дене кучаш кӱлмӧ йодышым шында. Тыгак пӧръеҥын ӱдырамашым шотлыдымыжым почын пуа. Ватыжым марий нимоэш ок уж, шкеж дене тӧр ок шынде, тӱрлӧ семын ишыктылеш. Теве сӱаныште мо лиймым гипербол йӧн полшымо дене кузе ончыктымо:

Вате-влакым ончет гын, –
Ӧрат ыле, палет гын!
Шӱргышт воктен ик верат
Кодын огыл пердеат [1, с. 36].

Шкетан тиде сылнымутыштыжо марийын уда койышыжым сӱан йӱла гоч ироний полшымо дене ончыкта. Тидланже пайрем калыкын тӱшка портретшым налеш да тыге иктешла:

Эй, тидым марий ок ончо, –
Арака чаркам вел шинча.
Ыжал огыл ватыжат,
Кушкеш адак шке нержат! [1, с. 36]

Сӱанын гӱжлымыжым почаш манын, автор тыгак «йоҥ-йоҥ-йоҥ-йоҥ», «тӱп-тӱп-тӱп» оҥартыш мутым, портрет детальым, ваштарешла шогалтыме

ойым, диалог йӧным кучылтеш. Йӱк дене «модмашыжат» онай. Тыште ме имньыш сакыме онгыр йӱкым, мурым шергылтарымым, тӱмырым кырымым, сӱан марийын карымыжым «колына».

Икмыняр произведенийыштыже писатель арака йӱмым вурсен воза, тудын куш конден кертмыжым почын пуа. Шижына, тиде йодыш М. Шкетаным тургыжландарен, санденак ятыр почеламутыштыжо тиде кончышым вурсен воза. Тудо марий шемерым ушан-шотаным ужнеже улмаш. Садланак тыгай сынан почеламут-влак шочыныт, тушто ироний озалана.

Чумыр налмаште, почеламутшо-влак тӱрлӧ форман улыт, ятыр йодышым шындымым ужына. Автор йӧратымаш темым почеш, тыгай почеламутшо шӱлык кумылан улыт. Тидымак философий темылан возымаштыжат шекланена. Пӱртӱс лирикыже ял паша дене кылдалт пуалтеш. Муро семын возымаштыже мыскара сын озалана, марийын койыш-шоктышыжо воштылтыш гоч почылтеш. Публицистике дене кылдалтше почеламутлаште Совет жапысе вуйлатышын уда койышыжо почылтеш.

Литератур ден источник

1. *Шкетан М.* Чумырен лукмо ойпого. I том: почеламут, пьесе-влак / С. Черных ямдылен, тудынак ончылмут ден комментарийже. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1990. – 392 с.

Galina Boyarinova

M. SHCETAN’S POETRY

The article is devoted to the analysis of poetry of the classic of Mari literature M. Shketan. Although he wrote few poetic works, they had been distinguished by a sharp journalistic intensity, satirical direction. His love and landscape lyrics are filled with sadness and tenderness.

Keywords: M. Shketan, poetry, lyrics, theme, idea, irony, satire, journalism, character.

УДК 821.511.151.0

Быкова Д.И.
Научный руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.
г. Йошкар-Ола

С. ЧАВАЙНЫН «ИЛЫШЕ ВЎД» ДРАМЫЖЕ: СЫЛНЫЛЫК ОЙЫРТЕМ

Статья посвящена анализу поэтики драмы С. Чавайна «Илыше вўд» («Живая вода»). Подчеркиваются такие художественные особенности, как конфликт, идея, фольклорно-этнографические элементы, эпистола, символические образы, хронотоп, язык действующих лиц.

Ключевые слова: С. Чавайн, драма, конфликт, песня, легенда, временные рамки, диалог, монолог, символ.

Сергей Григорьевич Чавайн марий литературлан негызым пыштыше, тудым пойдарыше, ик эн чапланыше писатель. Чаткан да ўшанлын серыше мутмастарын усталыкше илымыж годымак марий сылнымутышто пеҥгыде палан лийын. Поэтын литератур наследийже моткоч кумда. Тудо марий калыкын духовный илышышкыже кугу надырым пыштен. Сылнымутчо ятыр пьесым, почеламутым, поэмым, ойлымаш ден повестьым, романым, йоча-влаклан поэме-йомакым возен. Чыла гаяк жанрыште тыршен.

Сергей Григорьевичын кажне произведенийже лудшо-влакым илышым эскераш, тудын нерген келгын шонкалаш таратен, каҥашымаш ден шокшо ўчашымашым тарватен, вет писатель тусо жаплан келшыше проблемым, илыш кончышым мастарын ончыктен. Возымаштыже тўрлӧ сылнештарыме йӧн дене пайдаланен, эреак уым кычалаш тыршен. Статьяштына авторын кучылтмо сылнымут йӧн-влакын сомылыштым рашемдаш задачым шынденна. Тидлан С. Чавайнын «Илыше вўд» пьесыжым ойыренна, текстлан энертен, сылнештарыме элемент-влакым ончен лектынна.

Драме пролог дене тўҥалеш. Прологышто действий Октябрь революций деч ончыч кая. А умбакыже революций деч варасе тусо марий ялысе илышак ончыкталтеш. Икымше сўретыште вигак контраст йӧным ужына: «*Урем мучаште иквелне чапле у пӧрт, вес велне шӱкшӧ пӧрт. Яныk кугыза шӱкшӧ пӧрт окнам пудала. Вокτенже шӱкшӧ тувыран, чара йолан изи рвезе шортын шога. Чапле сурт гычын Онтон лектеш. Трупкам пурлын, Яныk кугызам ончен шога*» [1, с. 73]. Ваштарешла шогалтыме йӧным кучылтын, автор ялысе поян ден йорло кресаньык-влакын суртыштым ончыкта, вара семын койышшоктышыштын, илыш-йўлаштын ойыртемыштым палемда. Тидын денак конфликтын ик шӧрынжӧ кылдалтын.

Марий калыкын мифологий материалжым автор прологын кокымшо сӱретыштыже почын пуа. Тудо драмым сӧрастара, тыгак сылнымутын тӱҥ шонымашыжым виктараш кучылталтеш. Тиде ужашыште автор икмыняр мифысе сюжетым икверешкылден. Иктыже – Юмынӱдыр нерген. Кавасе ӱдыр марийым йӧратен шында, кава гыч лӱнгалтыш полшымо дене вола. Кок самырык еҥым йӧратымаш уша. Юмынӱдырым тыгак Керемет ватылан налнеже, тудо марий рвезылан ӱчым ышта: Кылмымужо дене пырля илыше вӱдым пуышо памашым петыра, ерыш шӱкшакым кышка, марийын шинчашкыже ошмам кудалта, уждымым ышта.

Вес сюжетше овда дене кылдалтын. Марий ялым овда карген. Тушто коло деч утла сурт лийшаш огыл манын каласен. Шкешт тиде верым коден каеныт. Амалже – шонго марий, имньыжым чаманен, тудын тупыш кишым йыген шынден, тыге кок овдам кученыт, кыреныт. Тидлан юмын тукым калык чот сырен да шакше пашам ыштен – карген коден.

Тиде сӱретыште драматург символ сынан ятыр образым кучылтын. Иктыже – лӱнгалтыш. Тудо марий калыкын Юмо тӱня дене кылжым ончыкта. Писатель тудлан кугу тӱткышым ок ыште гынат (тунам жапше тугай лийын, кучемын Юмо ваштареш кучедалме пагытше улмаш), образым таче кечын вес семын аклена. Шочмо калыкнан тӱняужмашыж дене кылден ончыман, вет мифысе образ тидым раш палемда. Вес символ – тиде памаш. Эр ӱжаран нӧлтмӧ жапыште тудын вӱдшӧ кугу виян. Тидын нерген тыге каласыме: «*Эргым, эр ӱжара еда памашыш толын йӱ, шӱргетым муш, пылышетым эрыкте, шинчатым шӱялте. Тыгай эр годым памаш гыч илыше вӱд йога. Кече ырыктымеке, ерыште йӱштыл. Вара тыланет еҥ шинча ок воч, йылмат ок пурылт. Тыйым йӱштат кылмыктен ок керт, шокшат когартен ок керт*» [1, с. 81]. Марий калык ожно пӱртӱс вийым ужын, аклен моштен, кӱлешыжлан кучылтын. Икманаш, айдеме пӱртӱс вийлан энертен моштен, шот дене илен, садлан чон денат, кап денат таза лийын. Тиде сӱретыштак, мутлан, рвезе марий маскамат сеҥен кертеш, Керемет дечат огеш лӱд, мастарын кредалеш, мландыште оза улмыжым ончыкта.

Ужына, легенде ден мифысе сюжет драмыште шындыме йодыш дене чак кылдалтын, идейым пенгыдемда, марий калыкын тошто годсо илышыжым, революций деч ончычсым да Совет жапысым кумданрак почаш полша.

Тыгак автор сӱретлен пуымо (описаний) элемент-влак дене шке произведенийжым сӧрастарен. Тыгай йӧн полшымо дене герой-влакын тӱжвал сыныштым палемдыме, тидыжым ремаркыште кучылтмо. Мутлан, ялысе пӧръеҥ-влакым ончыктымо годым, Сергей Григорьевич тыге воза: «*Илалшырак марий ден самырык марий толыт. Коктынат ару капкылан, пенгыде кид-йолан, яндар шӱргывылышан улыт*» [1, с. 81]. Тиде умылтарымашым мифысе сюжетым почмо годым шекланена. Тӱжвал портрет деталь-влак полшымо

дене серызе мыланна ожнысо марийын пеҥгыде, чатка лиймыштым ончыкта, тидланже эпитетым кучылтеш: «ару», «пеҥгыде», «яндар». Але вес примерым ончалына. Тудымат тиде сӱретыштак кучылтмо: «*Курык серысе рож гыч кок овда лектыт. Ӱпышт йолкопашт дек шумеш кеча, йолышт тупуй: таганже – ончыкыла, парняже – шеҥгекыла. Ик овдаже – шоҥго, весыже – самырык*» [1, с. 82]. Овда нерген легенде марий калыкыште чот шарлыше лийын. Тиде калыкын тӱжвал тӱс ойыртемыштым ончыктымо кӱлешан сомылым шукта. Портрет деталь-влак мыланна нунын ойыртемалтше палыштым ужаш полшат.

Марий рвезын шинчажым Юмынӱдыр кава дене таҥастара, капкыл моторлыкшым палемда: «*Шинчашкыже ончалат – кавала коеш, ӧндалеш гын, каважымат мондет… Изи тумо гай пеҥгыде, якте пӱнчӧ гай ару!*» [1, с. 83]. Геройын тӱжвал тӱсшым автор муро гочат ончыкта. Рвезе марий Юмынӱдырым тыгайым ужеш:

Шинчат яндар – шӱдыр гае,
Шӱргет чевер – полан гае,
Капет ару – шымавуч гай,
Ӱпет ошо – ош кыляш гай… [1, с. 83].

Моторлыкым ончыкташ манын, мурызо таҥастарымашым кучылтеш («шӱдыр гае», «полан гае», «шымавуч гай», «кыляш гай), тӱс символлан энгерта (чевер, ошо).

Мо онайже, драматург антитезе йӧным моштен шындара: илалшырак марий – рвезе марий, шонго овда – самырык, Юмо – Керемет. Действий кайыме семын ожнысо илыш Совет жапысылан ваштарешла шындалтеш. Социокультурный проблематикым почшыла автор поян ден нужнам ваш шынден ончыкта. Икманаш, конфликт лач тидын негызеш шочеш да виянҥеш.

Ремаркыште тыгак интерьер пуалтеш. Текстыште лудына: «*Улан колхозникын пӧрт кӧргыжӧ. Ӱстел ош шовыч дене леведме. Яндау омсан шкафыште – тӱрлӧ книга-влак. Пырдыжыште – портрет-влак. Кок окна коклаште – кугу воштончыш. Пӧртыштӧ олымбал олмеш тумо пӱкен-влак*» [1, с. 106]. Тиде изи ужаш полшымо дене писатель илышысе сай вашталтыш-влак нерген ушештарынеже. Чын, ялысе калык, колхозыш ушнен, шке илыш радамжым весемден, улан илаш тӱҥалын, маннеже автор. Тӱрлӧ у арвер дене пырля ме книга шкафлан тӱткышым ыштышаш улына. Тыглай колхозник лудаш-возаш веле огыл тунемын, ынде тудо книгалан шӱманҥын, шуко лудеш, уым пален налнеже, вуйушыжым пудыратынеже. Тидыже илышыште пеш кӱлешан сомыл.

Герой-влакын йылме ойыртемыштлан кугу тӱткыш ышталтын. Тидыже поснак Юмынӱдырын да рвезе марийын ойыштышт палдырна. Ваш кутырымаштышт нуно чон кумылыштым почын пуат, икте-весылан шӱмыштым почыт. Диалогышто ваш йӧратымашышт нерген чоным почын мутланымышт

годым нуно тӱрлӧ танастарымашым кучылтыт. Мутлан, Юмынӱдыр танже нерген тыге ойла: «*Ой, чукаем, мый тыйым пеш йӧратем: эр ӱжара гай тыйын тӱсет, казначи гай тыйын ушет…*» [1, с. 87]. А рвезе тыге вашешта: «Эр ӱжара гай моторжо тый шке улат. Тыйын кидет умыр юж гай лывырге, тыйын тӱрвет мӧрӧ вӱд гай» [1, с. 87]. Автор чӱчкыдынак «ӱжара» мутым кучылтеш. Тыште тудо тӱс моторлыкым ончыкта гын, памаш нерген ойышто пӱртӱс вий дене кылдалт пуалтеш.

Сылнымутчо герой-влакын репликышкышт тошто мутымат пуртен: «*Мызар ойлем*» [1, с. 73], тыгак руш мутым ужаш лиеш: «*Мечтаймылан*» [1, с. 109] да танастарымашым: «*Ну, йылмат, пряме бритве олмеш кучылташ йӧра*» [1, с. 108]. Руш профессор нерген ойлымо годым, рушла каласыме реплике шуко йонга, монологымат тыгак келыштарыме. Умылаш лиеш, шанчызе этнограф шкеже руш, сандене марла ок умыло, садланак кусарыше семын тудлан тунактышо Николай полша.

Шке чоншижмашыштым герой-влак тыгак муро полшымо дене ончыктат. Юмынӱдырымак налаш гын, тудо лӱнгалтышеш шинчеш, кӱшкӧ кӱзышыжла ныжылгын гына муралта:

Ой, марием, чукаем,
Ой, моторем, чеверем,
Мӧрӧ кочде, кум ий чытем,
Тыйым ужде, омак чыте… [1, с. 89].

Юмынӱдыр чылажге ныл мурым мура. Нуно йӧратымаш темылан пӧлеклалтыныт. Мурын содержанийыштыже онай образ-влак улыт. Икмыняржым ончыктен кодаш уто огыл. Волымыж годым мурымо текстыште порсын лӱнгалтышын образше тӱнгыш лектеш, тудым почаш мардежын, пӱнчын образышт полшат. Кокымшо мурышто улшо «шӱдыр – саска» умылымаш-шамыч кава ден мланде коклосе ойыртемым почаш кучылталтыт. Кумшо мурышто тиде теме умбакыже шуйна, тудым почаш манын, мурызо ӱдыр кӱ курык ден мӧр олыкын образыштым пурта. «Кӱзальым – волальым» ваштарешлымаш кава ден мланде илышым иктыш ушаш полша. Тиде мурышто риторике сынан йодышан ойлончо ден обращений шке ӱмакышт тӱткылыкым налыт.

Муро материалым автор вес сӱретлаштат пурта. Марий калык мурым эреак кучылтын. Пайрем ма, каныш, ойго – кумылым мурыш пыштен, чонышто мо улмым муро гоч палдарен. Теве налаш ӱдыр-каче-влакын мурыштым. Тудо весела кумылыштым луктын ончыкта. Самырык-влак муро гоч шке йывыртыме кумылыштым почыт, колхозым моктен, уло кундемыштлан тыге шергылтарат:

Элнет вӱдет – ший окаэт,
Комбыжо модалеш гын, пеш келшалеш.
Элнет вӱдет – шер сарает,
Колжо модалеш гын, пеш келшалеш.

Мемнан ялна – колхоз ялна,
Мемнан колхозна – большевик колхоз.
Колхоз илыш – улан илыш,
Меже мурена гын, пеш келшалеш» [1, с. 136–137].

Сылнымутан литературышто эпистолярный жанрым кучылтмаш ик эн онгай сылнымут йӧнлан шотлалтеш. Тудо икмыняр йыжыг гыч шога (серыш, сочинений, телеграмме, открытке, дневник да т.м.). Ты йӧным С. Чавайнат устан кучылтеш. Драме кышкарыште ме серыш йӧным ужын кертына. Ты серыш ик амал дене пурталтын: Николай Андреичын пӱрымашыжым увертара. Теве мо нерген ме пален налына: «*Царевококшайский Училищный Совет на заседании своем от 28 мая сего года постановил: за неблагонадежное поведение уволить Вас от занимаемой должности учителя Весъяльского народного училища с 1-го июня с.г.*

Сообщая о сем, прошу Вас, милостивый государь, школьное имущество в установленном порядке сдать вновь назначенному учителю господину Вишнякову.

Инспектор народных училищ Царевококшайского уезда Ткачихин» [1, с. 94].

Лудшо-влакым паша кузе кайыме дене палдараш манын, автор телеграммыште возымым пуртен. Тушто теве мом каласыме: «*Ондрий изай. Комсомолец-влак, погынен, моло рвезе-влакымат шкенан йыр чумырен, кум кече ударне ыштен, кӱ лончым пудыртен сеҥышна. Таве гыч, ташлен, вӱд йога. Колхозник-влак тыйым пеш вучат*» [1, с. 130].

Тыгак С. Чавайн «текстыште – вес текст» йӧным кучылтын. Тидым кӱшнӧ каласыме миф сюжетат ончыкта. Эшеже кугу немыч поэт Гёте нерген Баратынский поэтын почеламутшо шыҥдаралтын. Тудо Николайын шижмашыжым, интеллект кӱкшытшым палемдаш полша. Тудо тыгеракын йоҥга:

Тудлан почылталтын мечта ден пураш
Кугыжан кӱ полат и кӱчызын омаш.
Пӱртӱс дене тудо ик семын шӱлен.
Ту шижын ир шудыным кушмыжым кӱшкӧ,
Пушеҥге лышташын шомакшым умлен,
Тудлан сылнештал тын памашын мур йӱкшӧ.
Пылпомышсо шӱдырым тудо пален,
Тудден кугу теҥыз вӱдат мутланен» [1, с. 102].

Иктешлен каласаш гын, Сергей Чавайн шке возымо пашаштыже тӱрлӧ сылнештарыме йӧн-влакым кучылтын. Тиде миф ден легенде материал, муро, символ сынан образ-влак, серыш йӧн, телеграммым возымаш, геройлан келшыше йылмым келыштарымаш, вес сылнымут текстым пуртымаш. Нуно авторын идейный шонымашыжым пойдарат, событий радамым чаткам ышташ полшат. Муро-влак кумыл толкыным виянгдат, лиризм шӱлышым пуртат,

психологизм сомылым шуктат, нунын полшымо дене герой-влакын чоншижмашышт, йылме поянлыкышт почылтеш. Сылнештарыме йӧн-влак текстым да образ-влакым оҥайракым, шкешотаным, раш палымым ыштат.

Литератур ден источник

1. *Чавайн С.Г.* Пьеса-влак. Вич том дене лектеш. Визымше том. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо изд-во, 1968. – 337 с.

Daria Bykova

ARTISTIC FEATURES OF S. CHAVAIN'S DRAMA "ILYSHE VÜD"

The article is devoted to the analysis of the poetics of S. Chavain's drama "Ilyshe vÿd" ("Living Water"). Such artistic features as conflict, idea, folklore and ethnographic elements, epistles, symbolic images, time-space, and the language of the characters are emphasized.

Keywords: S. Chavain, drama, conflict, song, legend, time frame, dialogue, monologue, symbol.

УДК 821.511.151.0

Быкова К.В.
Научный руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.
г. Йошкар-Ола

С. ЧАВАЙНЫН «ЭЛНЕТ» РОМАНЖЕ: ЙӦРАТЫМАШ ЙОДЫШ

В статье анализируется любовная проблематика в романе марийского писателя-классика С. Чавайна «Элнет», рассматриваются сюжетные линии, связанные с главными героями.

Ключевые слова: С. Чавайн, роман, конфликт, герой, тема, проблематика, чувство.

Сергей Григорьевич Чавайн – марий сылнымутлан тӱҥалтышым пыштыше серызе. «Элнет» роман писательын творчествыштыже ик эн кугу произведений. Тиде романыште С.Г. Чавайн тӱрлӧ йодышым шынден да тудлан вашмутым сылнымутын тӱрлӧ йӧнжым, чияжым кучылтын пуэн. Тиде романын сылне вийже кугу. Арам огыл тудо марий литературын классике произведенийже радамыш пура.

Мутат уке, тыгай кугу сылнымутышто Сергей Григорьевич йӧратымаш йодышым ӧрдыжеш коден огыл. Вет йӧратымаш айдемын илышыштыже ик эн тӱҥ верым айла да тӱрлӧ семын почылтеш.

Роман тӱҥалтыштак автор мемнам Сакар да Чачи дене палымым ышта. Тидыже таклан огыл. Икмыняр жап гыч нуно ваш йӧратен шындат. Тидлан амалжат уло. Икымше гана Сакар ден Чачи чодыраште вашлийыт. Сакар ӱдырлан Кужу куп тайыл марте лекташ полша. Тиддеч вара Чачи чӱчкыдынак рвезе нерген шонаш тӱҥалеш, тудым Нӧнчык патыр дене таҥастара: «*Чачи корно мучко Сакарым шонен кайыш. Заводышко миен шуо гынат, Сакар ушыж гыч ок лек…Сакар тудлан чылт Нӧнчык патырла чучеш*» [1, с. 20].

Кокымшо гана ӱдыр ден рвезе смола заводышто вашлийыт. Тунам Сакар, икымше вашлиймашыштым шарналтен, пелештенат ок сеҥе. Чачи нерген тудо тыге шона: «*Могай чонеш пижше ӱдыр! Тыгай вате лиеш гын, Сакарын шӱкшӧ пӧртшат мызе пыжашла чучеш ыле! Кӧ шинча, ала юмо пӱрен гын, лиешат?*» [1, с. 86].

Лач Юмыжак нунылан пырля лияш пӱрен огыл. Сакар – ялысе тунемдыме пычкемыш рвезе. Лач тунемдымыже да руш йылмым палыдымыже тудлан кугу энгекым конда. Мланде пашам ышташ да йӧратыме Чачи дене илаш шонышо еҥым кенета тырмаш петырат, вараже тудо фронтыш логалеш, пленыште лиеш.

Йӧратыме айдемым йомдарымеке, Чачиланат шуко йӧсым ужаш перна. Тиде илыш нелылыкым сеҥаш тудлан Григорий Петрович Веткан полша.

Ялысе туныктышо Чачим Чужган Макар деч утара, сулыкыш пура. Ойго нуным пырля уша. Варажым Чачи Григорий Петровичлан ӱшанле йолташ лиеш. Очыни, йӧраташат тӱҥалеш. Произведений мучаште Григорий Петрович серышыште Чачилан тыгерак воза: «*Йӧратыме Чачиэм! Мемнан илыш корнына шижде иктыш ушныш. Тидым тыят, мыят ончычшо вучен онал. Туге гынат, мемнан илышна туге ваш тодалте – нигузеат кок век ойыраш ок лий*» [1, с. 273].

«Йӧратымаш тӱрлӧ йӧн дене толеш», – ойлат калыкыште. Тиде ой Чачи ден Григорий Петровичлан моткочак келша. Южгунам ойгеш шочшо йӧратымаш тыглай йӧратымаш деч виянракат лийын кертеш улмаш.

Йӧратымашын юзо вийже Чачим тунемаш тарата. Ялысе туныктышо вактене ончычсо пычкемыш кресаньык ӱдыр йӧршеш весе лиеш, шинчымашым налеш, илышын тамжым пален, тӱням умылаш тунемеш.

Григорий Петровичын илышыжым ончалаш гын, Чачи деч ончыч тудо Тамара Зверевам йӧратен. Тудыжо тыглай ӱдыр огыл, земский начальникын шочшыжо. Петербургышто тунемын, тушто шуко рвезым ужын гынат, ялысе туныктышо утларак чонеш пижше лийын. Тидын нерген автор тыге воза: «*Тамара кунар онча, тунар тудын ушыжо, ыҥылыдымын Григорий Петрович йыр пӧрдеш… Моло кавалер-влак дене таҥастара. Тыште ялысе учитель ыҥылыдыме мелодийже дене Тамаран чонышкыжо шеҥынак пура…*» [1, с. 60–61]. Тӱрлӧ шинчаончалтышан да тӱрлӧ класс гыч улмыштлан кӧра нунылан ойырлаш перна. Такшым умылаш лиеш: Тамаралан тиде кундемыште йокрок, сандене тудо мотор марий рвезым ужын шуктен, тудын пелен жапым пайдалын эртараш шона. Вет Григорий Петрович мотор гына огыл, тудо тунемше, талантан рвезе.

Туге гынат Тамаралан Чачи ден Ветканын кылже ок келше. Ӱдыр ушкала, туныктышым Чачилан ынеж пу: «*Тудо еҥын шинчаже Чачим шӱтен йӱшашла онча. Григорий Петрович савырнен ончале: пӧлем омсаште Тамара шога.*

– Тыге, Григорий Петрович… Тый, значит, тыгай улат улмаш. Мый тидым шинчен омыл. Тыйын чыла йӧратымашет ондалымаш улмаш, – Тамара каяш савырныш» [1, с. 166]. Тамара чынжымак йӧрата ыле гын, тыге куштылгын лектын ок кай ыле. Кунам айдемым йӧратет, тудым вес ӱдырлан от пу ыле. Тиде ситуацийыште Тамаран чын шонымашыжым раш ужаш лиеш.

Йӧратымаш йодышым почаш мыланна эше ик герой полша. Тиде Чужган Макар. Тудат Сакар семын Чачим йӧратен шынден. Чӱчкыдынак тудын деке пижедылеш, виеш марлан налеш. Ик гана виешлынеже ыле, но Чачим Сандыр лӱман ӱдыр утара. Чачи Макар дене ынеж иле, садлан тудын деч куржеш. Тыге Чачи Григорий Петрович деке логалеш: «*Чужган Макар колен гынат,*

колен огыл гынат, Чужган-влак Чачилан ынде илыш кечым огыт пу. Макар колен гын, Чачилан каторгыш каяш тӱкна, колен огыл гын, Чачин ачажым чуриктарат: олным, моло роскотым мӧҥгеш йодаш тӱҥалыт…» [1, с. 165]. Чынжымак, Чужганмыт Чачилан илаш огыт пу, садлан Григорий Петрович Макарым пуштеш.

Палемден кодыман, романым чоҥымо тӱҥ йӧн – ваштарешла шынден сӱретлымаш. Герой-влакын образыштым лач тиде принцип почеш келыштарыме. Йӧратымаш йодышым почмаштат тиде шижалтеш. Григорий Петровичлан ваштарешла Сакар сӱретлалтеш, а Тамаралан – Чачи.

Моло произведений дене таҥастарымаште «Элнет» роман моткоч ойыртемалтше. Тыште йӧратымаш йодыш йӧршеш вес семын почылтеш, молан манаш гын тудо айдеме деч гына ок шого. «Элнет» романыште йӧратымаш политике денат кылдалтын. Туге гынат тиде курымашлык йодышым С. Чавайн мастарын почын пуэн, йӧратымашым тусо жаплан келшышын сӱретлен. А тидыже произведенийым оҥайракым ышта.

Литератур ден источник

1. *Чавайн С.Г.* Сылнымутан произведений-влак: Элнет роман. Вич том дене лектеш. 3 том. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1967. – 330 с.

Christina Bykova

PROBLEMS RELATED TO THE THEME OF LOVE
IN S. CHAVAIN'S NOVEL "ELNET"

The article deals with the problems related to the theme of love in the novel "Elnet" of the classic of Mari literature S. Chavain. It also examines the plot lines related with the main characters.

Keywords: S. Chavain, novel, conflict, character, theme, issues, feeling.

УДК 811.511.152

Водясова Л.П., Чугунова Е.И.
г. Саранск

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. РАЗГУЛЯЕВОЙ*

Статья посвящена рассмотрению синтаксических средств выразительности на материале произведений Т. Разгуляевой, опубликованных в сборнике «Певердезь човалят» («Рассыпанный бисер») (2008). Отмечается, что они служат для создания эмоциональности текста, помогают автору более точно выразить мысль, привлечь внимание читателя; указывается, что Т. Разгуляева чаще всего использует авторскую пунктуацию, восклицательные предложения, риторические вопросы (единичные и повторяющиеся), что объясняется её стилистическими предпочтениями, которые в наибольшей степени помогают раскрыть художественную картину мира писателя.

Ключевые слова: Татьяна Разгуляева, сборник, выразительность, синтаксические средства.

Средства выразительности – это различные тропы, фигуры речи и разные приёмы, используемые писателями для создания уникальных эффектов в своих произведениях. Знание их арсенала позволяет читателю не только глубже проникать в содержание текста и сильнее привязываться к персонажам, но и успешно понимать и анализировать заложенный автором смысл.

Для более полной, точной, яркой и образной передачи мыслей, чувств и оценок автор произведения может использовать различные средства выразительности, которые оживляют высказывание, помогают ему более точно выразить мысль. Это могут быть фонетические (аллитерация, ассонанс, звукоподражание (ономатопея), лексические (антонимы, синонимы, гипербола, литота, метафора, сравнение, фразеологизмы и пр.), синтаксические (анафора (единоначатие), восклицательные предложения, градация и др.) средства выразительности.

*** Благодарности:** исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы и Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева) по теме «Функционально-семантический подход в изучении грамматики в школьном и вузовском курсах родного и русского языков».

В своей статье мы проанализируем синтаксические изобразительно-выразительные средства, которые встречаются в сборнике рассказов, новелл и басен Татьяны Разгуляевой «Певердезь човалят» («Рассыпанный бисер») [3].

Татьяна Разгуляева – один из известнейших авторов, чьи произведения написаны на одном из мордовских языков – эрзянском. Она член Союза писателей России, Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Республики Мордовия, в настоящее время возглавляет художественно-публицистический и общественно-политический журнал «Сятко» («Искра»). Из-под её пера вышло немало очерков, публицистических статей, рассказов, новелл, миниатюр и др., в которых рассказывается о красоте родного края, любви, приносящей радость, несбывшихся ожиданиях, связи человека с природой и пр.

В сборнике Певердезь човалят» («Рассыпанный бисер») мы выделили несколько синтаксических средств выразительности. Рассмотрим их более подробно, представим те контексты, в которых они используются.

Авторская пунктуация. Это постановка знаков препинания, не предусмотренная пунктуационными правилами [4; 5]. Авторские знаки обычно передают добавочный смысл, вложенный в них писателем. Они служат средством выражения радостного или горестного чувства, настроения. Т. Разгуляева обычно использует многоточие. Это объясняется тем, что в качестве единицы текста она часто «строит» паратаксис, представляющий собой такие сочетания предложений, семантическая и грамматическая связь которых размыта и эксплицитно или имплицитно не выражена. Паратаксис воспроизводит устный тип речи, отличающийся особой эмоциональностью. Большинство предложений, входящих в подобные соединения, не располагают полным грамматическим оформлением, исходя из этого их пунктуация отличается своеобразием, изобилующим восклицательными предложениями и/или многоточиями: *Ды мон мезе… ёвтынь тейтеренстэнь инжеденть, кадык столь пурны…* [3, с. 9] «Да я что… рассказала [её] дочери о гостье, пусть стол собирает…». В качестве авторского знака писатель также использует тире, причём у неё этот знак препинания не заменяет другие. Оно служит для обозначения авторской паузы, которая символизирует переход от одного мгновения к другому или смену событий, мыслей, восприятий. Каждое такое высказывание получает «больший» семантический вес: *Сёксесь, келя, свал эрси сырнень. Алкукс, цивтёрдыця тюсось – сонзэ* [3, с. 56] «Осень, говорят, всегда бывает золотой. На самом деле, искрящий цвет – её»; *…Охонька покштянок мерсь, келя, те тополенть кондят ломантькак улить. Неть – видечинь кис аштицят* [3, с. 62] «…дед Охонька (Афанасий) сказал, что якобы есть и люди, похожие на этот тополь. Они (букв.: эти) – за правду стоящие».

Риторические вопросы. Это особое средство создания эмоциональности речи, выражения авторской позиции Т. Разгуляева использует наиболее часто.

Она вводит в текст как единичные, так и повторяющиеся риторические вопросы. Спецификой ее стиля является то, что риторический вопрос (или серия риторических вопросов) часто представляет собой как бы реплику диалога. В последующем высказывании автор продолжает свои размышления. Единичный риторический вопрос чаще всего служит для подтверждения высказываемой мысли. Изолированный от контекста, он означает, что читающий или слушающий и сам может догадаться о мнении автора или уже осведомлён о нём, и было бы излишним давать конкретный ответ: *…Ёвтынзе [авась] неть валтнэнь, ансяк ловтаня чамастонзо кемема эзинь нее. Сельместэнзэяк редявсь сизема.* ***Эли, алкукс, авань седеесь мари вадрянтькак, берянентькак?*** [3, с. 55] «…Произнесла [женщина] эти слова, только на бледном лице [я] не увидела веру. И в глазах [её] виднелась усталость. Или, на самом деле, материнское сердце чувствует и хорошее, и плохое?». Для лучшего достижения своей прагматической цели автор использует повторяющиеся риторические вопросы, которые служат для повышения накала произведения. Благодаря особой экспрессивности, переходящей в восклицания, они выражают различные сильные эмоции – негодование, горечь, возмущение: *...прясь пешксе минень-сюнонь мельде.* ***Мекс сестэ эзитинь чарькоде? Мекс покшкавтнинь? Паряк, стямаль икелеть куманжа лангс, энялдомаль сельведь марто?*** [3, с. 36] «…голова полна разных мыслей. Почему тогда не поняла [тебя]? Почему капризничала? Может, [надо] было встать на колени, умолять со слезами?». Как единичный риторический вопрос, так и повторяющиеся риторические вопросительные предложения в произведениях Т. Разгуляевой обычно служат для выражения внутреннего состояния героя, представляющего часто душевную дисгармонию, чувство печали, а иногда и страдание: *Нусманя ёжось кершизе Алёнаньгак.* ***Зярдо сон ней мени неть мельтнеде-арсематнеде? Ули-арась берянентъ пезэ? Зярокстъ, каня, пингензэ перть сави эртеземс истят стакачитнес?*** [3, с. 38] «Печальное настроение окутало и Алёну. Когда она вырвется от этих мыслей-желаний? Есть ли конец у плохого? Сколько раз, интересно, за [свою] жизнь придётся ей удариться о такие трудности?». В редких случаях риторический вопрос выступает средством создания драматического эффекта: *Цёрась стамбарнэ кутмордымим ды палымим.* ***Мекс пси турванзо марявсть кельметь? Мекс*** [3, с. 36] «Парень тихонько обнял и поцеловал [меня]. Почему [его] горячие губы показались холодными? Почему?». В рассказе «Питней казне» («Дорогой подарок») он служит для обрисовки ситуации, выполняет изобразительную функцию: *...авам комась ды кувать пурнась вейс пшти татайкатнень. Эрьва кода ладсинзе-велявтнинзе.* ***Ансяк паморькстнэ арази пурнавить?*** [3, с. 41] «…мама нагнулась и долго собирала острые осколки. По-разному их складывала-поворачивала. Только крошки разве соберёшь?».

Восклицательные предложения. Как известно, предложения этого типа выражают эмоциональное отношение автора к описываемому (гнев, иронию, сожаление, радость, восхищение). Т. Разгуляева достаточно часто вводит их в текст своих произведений для создания эмоционального настроя: ***Кирдевтеме, цёрынекс теть чачомаль! Авать пайстомочизэ! Ужо, тетясь парятанзат илейсэ!*** [3, с. 21] «Непослушная, мальчиком бы тебе родиться! Несчастье матери! Погоди, отец даст (букв.: попарит) [тебе] прутом!». У писателя они могут служить способом выражения побуждения к действию: *Тейтернесь састыне мольсь покштянзо малас ды эчке вайгельсэ пижакадсь:* ***«Кепедить кедеть!»*** [3, с. 15] «Девочка тихонько подошла к деду и грубым голосом крикнула: «Подними руки!» или, напротив, запретом для его осуществления: ***Иляк токше авань! Иляк!*** [3, с. 30] «Не трогай маму! Нельзя!». Кроме одиночного восклицательного предложения, писатель в ряде случаев использует серии вопросительных предложений: *А уш пиренек кодамоль! Мезе тосо ансяк эзь касо!* [3, с. 72] «А уж огород [у нас] какой был! Что только там не росло!». Особой эмоциональностью отличаются предложения, в состав которых Т. Разгуляева включает языковые единицы, являющиеся приёмом создания эмоционального пафоса текста [1; 2; 6]. Среди них восклицательные частицы [1, с. 72]: *Неевлинка,* ***кода*** *кецясь авам!* [3, с. 41] «Видели [бы вы], как радовалась [моя] мама!»; ***Мезе*** *ансяк тесэ арась!* [3, с. 63] «Чего только здесь нет!», междометия: ***Вай,*** *ды те сезьганось!* [3, с. 60] «Ой, да это сорока (та)!», восклицательные частицы и междометия одновременно: ***Вай, кодашка*** *улевель уцяскам-паром!* [3, с. 58] «Ой, каким было бы счастье-добро [моё]!», сочинительный союз *ды* «и», «да»: *Тия-тува ашонть ланга певердезельть раужо-тюжа чова паморькскеть.* ***Ды*** *неть килееень видьметь!* [3, с. 59] «Кое-где на белом были рассыпаны тонкие чёрно-жёлтые крошечки. Да это семена берёз!».

Градация. Это стилистическая фигура, заключающаяся в последующем нагнетании или, наоборот, ослаблении сравнений, образов, эпитетов, метафор и других выразительных средств художественной речи. Она может быть восходящей (усиление признака) и нисходящей (ослабление признака). В рассматриваемом сборнике мы выделили только один пример использования градации: *Истя минь тонь марто мезеяк а тейтяно, суртнэ вана а лыкавтовитькак, чувтомсть* [3, с. 18] «Так мы с тобой ничего не сделаем, пальцы и не пошевелить, одеревенели».

Анафора, или единоначатие. Повторение отдельных слов или оборотов в начале предложения Т. Разгуляева использует для усиления высказанной мысли, образа, явления: ***Виресь*** *увнось…* ***Те вирьсэнть*** *сон свал марявсь истямокс – аволь гайтев, певтеме, кода пек васоло гайгиця баяга, кода сув потс саезь ютаздентъ ледстнема.* ***Виресь*** *музгордсь сыре атякс, нать, секс, мекс алкукс сырель…* [3, с. 52] «Лес гудел … В этом лесу он всегда казался таким –

негромким, бесконечным, как далеко звонящий колокол, как вошедшее в туман воспоминание о прошлом. Лес ворчал словно старик, наверное, потому, что на самом деле был старым…».

Композиционный стык. Повторение в начале нового предложения слова или слов из предыдущего предложения, обычно заканчивающих его, не является распространённым в произведениях Т. Разгуляевой. В рассматриваемом сборнике мы выделили только один пример использования композиционного стыка: – *...прябезарьксэсь таго кува-бути ранаяк лыты. Нать, зярдояк* ***а превии.*** *– Касы,* ***превии****...* [3, с. 18] «– …непутёвая снова где-то с утра шляется. Наверное, никогда и не поумнеет. – Вырастет, поумнеет».

Многосоюзие. Эта риторическая фигура, состоящая в намеренном повторении сочинительных союзов для логического и эмоционального выделения перечисляемых понятий, также мало используется Т. Разгуляевой. Мы выделили только один пример, оформленный с помощью сочинительного соединительного союза *ды* «и», «да»: *Уцяскав читнень а велявтсыть.* ***Ды*** *Коля а бажияк тенень. Парочизэ – винась.* ***Ды****, кортыть, сонзэ ули лия аваломанезэ* [3, с. 30] «Счастливые дни не вернуть. Да Коля и не стремится к этому. Добро [его] – водка. Да, говорят, у него есть другая женщина».

Повтор. С целью усилить значение образа, какого-либо понятия Т. Разгуляева пользуется приёмом сознательного употребления одного и того же слова или сочетания слов: *Тейтернесь кирнявтнесь ды кенярдозь пижнесь: – Тусть!* ***Панинек, панинек!*** [3, с. 16] «Девочка прыгала и радостно кричала: – Ушли! Прогнали, прогнали [мы их]!».

Синтаксический параллелизм. С его помощью Т. Разгуляева стремится выделить, подчеркнуть высказанную мысль. Он характеризуется одинаковым построением нескольких рядом расположенных предложений: *Эйкакштне кассть тетянь лембень апак сода. Сынь сонзэ эзизь некшнеяк паро ладсо.* ***Чокшне сы – удыть, валске туи – удыть*** [3, с. 30] «Дети росли, не зная отцовского тепла. Они его по-хорошему и не видели. Вечером придёт – спят, утром уходит – спят». Кроме синтаксического параллелизма, для усиления высказанной мысли автор в этом контексте использует и повтор слова удыть «спят».

Таким образом, Татьяна Разгуляева в своих произведениях для создания особого эмоционального настроя, привлечения читателя использует различные синтаксические средства выразительности. Наиболее используемыми являются авторская пунктуация, восклицательные предложения, риторические вопросы (единичные и повторяющиеся). Другие средства синтаксической выразительности (градация, многосоюзие, композиционный стык и пр.) являются немногочисленными и встречаются достаточно редко. Это объясняется тем, что у писателя есть свой стиль и она использует те средства выразительности, которые в наибольшей степени помогают раскрыть её художественную картину мира.

Литература и источники

1. *Водясова Л.П.* Частица как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в мордовских языках // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 70–73.

2. *Водясова Л.П.* Роль художественной метафоры в произведениях современных мордовских прозаиков // Евсевьевские чтения. Серия: Эмотивность художественного текста и способы ее репрезентации: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы для молодых ученых «51-е Евсевьевские чтения». – Саранск, 2015. – С. 136–140.

3. *Разгуляева Т.* Певердезь човалят: ёвтнемат, новеллат, прозасо баснят = Рассыпанный бисер: рассказы, новеллы, басни в прозе. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. – 80 с. – Мордов.-эрзя яз.

4. Современный русский язык: учебник / под ред. С.М. Колесниковой. 2-е изд., испр. – М.: Флинта, 2016. – 559 с. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28782445. (Дата обращения: 20.12.2023).

5. Эрзянь кель. Синтаксис: тонавтнемапель = Эрзянский язык. Синтаксис: учебник / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 208 с. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26135561. (Дата обращения: 20.12.2023).

6. *Vodyasova L.P.* The development in students concepts of language aesthetic ideal while studying stylistics // Modern science. – 2017. – № 7. – P. 132–134. URL: https://elibrary.ru/item.asp?Id=29908051.

Lyubov Vodyasova, Evgeniya Chugunova

SYNTACTIC EXPRESSIVE MEANS IN T. RAZGULYAEVA'S WORKS

The article is devoted to syntactic expressive means in the works of T. Razgulyaeva, published in the collection "Peverdez Chovaliat" ("Scattered Beads") in 2008. It has been emphasized that they serve to create emotionality in the text, help the author to express the idea more precisely, to attract the reader's attention. T. Razgulyaeva uses the author's punctuation, exclamatory sentences, rhetorical questions (single and repeated), which is explained by her stylistic preferences. These means help to reveal the artistic picture of the writer's world.

Keywords: Tatyana Razgulyaeva, collection, expressiveness, syntactic means.

УДК 821.512.145

Галиева Л.Ш.
г. Казань

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАНСУРА ВАЛИЕВА

Статья посвящена исследованию жанрового разнообразия в творчестве известного татарского литературного критика Мансура Валиева. М. Валиев внес значительный вклад в развитие татарской литературной критики, привлекая внимание читателя новыми жанровыми формами. Среди литературно-критических жанров в творчестве критика особое место занимают беседы, проблемные и обзорные статьи, рецензии.

Ключевые слова: литературная критика, жанры литературной критики, Мансур Валиев, беседа, татарская литература.

Татарская литературная критика второй половины XX в. богата на имена авторов, которые своим ярким творчеством оставили заметный след в истории литературы, а некоторые из них по сей день радуют читателей своими находками. Среди них особое место занимает литературный критик и писатель Мансур Валиев. Классик татарской литературы А. Еники буквально сразу увидел молодое дарование, отметив, что среди молодых литературоведов, которые обратили на себя взор в последние годы (речь идёт о 1970-х гг. – Прим. *Л.Г.*), Мансур Валиев является одним из самых перспективных [5, с. 186].

Мансур Валиев уже более полувека играет важную роль в развитии литературно-критической мысли татарского народа, делится своими творческими изысканиями и по праву является одной из самых значимых фигур своей отрасли. Литературно-критические статьи М. Валиева появились в татарской периодической печати в 1970-е гг. Молодой критик буквально с первых статей и заметок приковал к себе внимание писательской братии. Как отмечает исследователь творчества М. Валиева Ф. Габидуллина, особый резонанс литературной общественности вызвало «Открытое письмо» (1972) М. Валиева к известному прозаику Фатиху Хусни, в котором критик выступает как принципиальный читатель со своей четкой позицией к литературе и прямолинейно пишет о недостатках произведений [3, с. 593]. М. Валиев высказал недовольство в письме и относительно творчества молодого писателя Ахата Гаффара. Статья о нем «Письмо молодому писателю» увидела свет и в первом сборнике литературно-критических статей М. Валиева «Герои нашего времени», который был издан в Казани в 1978 г. Обращение к автору, диалог и полемика с ним наблюдаются и в других статьях критика.

Содержание первого сборника литературно-критических статей М. Валиева позволяет сделать вывод о том, к каким темам и проблемам обращает свой взор начинающий критик. Как видим, он стремится найти героя своего времени, его интересует молодое поколение и место молодых писателей в общем потоке развития татарской литературы.

В своем творчестве М. Валиев обращается как к творчеству писателей, так и к творчеству поэтов. Причем уже с первых статей прослеживается стремление критика к сравнительно-сопоставительному анализу. Так, в статье «Молодые» он сравнивает повести начинающих прозаиков татарской литературы Мусагита Хабибуллина, Диляры Зубаировой и Азата Ганиева. Обращаясь к судьбе героев повестей, М. Валиев подчеркивает, что они, как и авторы этих повестей, проходят этап поиска себя.

В довольно-таки объемной статье для начинающего критика, посвященной поэзии Р. Файзуллина, М. Валиев выделяет и общие тенденции, характерные, например, советской литературе: «В основе советской литературы лежит чувство любви к родной стране» [1, с. 13]. Раскрывая тематический диапазон и образность поэзии Р. Файзуллина, критик приходит к выводу о том, что это творчество по праву может занять свое место в ряду классической литературы. Эта литературно-критическая статья наглядно показывает мастерство молодого критика и в плане построения структуры статьи. Обращенность к Лермонтову и Сибгату Хакиму в начале статьи находит логическое завершение в ее конце.

Небольшая по объему обзорная статья М. Валиева «Преданность» посвящена сборнику молодых писателей. Следует отметить, что критик в своем творчестве часто обращается к начинающим мастерам пера. Его статьи не только раскрывают талант молодых писателей, но и направлены на показ недостатков в их творчестве. М. Валиев стремится уловить наиболее яркие моменты творческих исканий и при этом делает общие выводы, которые ценны для литературного развития в целом. Так на примере рассказов Г. Сайфутдинова он подчеркивает те недостатки, которые прослеживаются в развитии современного жанра рассказа.

Второй сборник статей литературного критика М. Валиева увидел свет в 1982 г. Открывает его статья «Борьба за человечность». Ф. Габидуллина характеризует эту статью как рецензия на книгу Гарая Рахима «Мелодии в стихах» (1978) [3, с. 595–596]. Однако объем и широта мысли статьи позволяют ее отнести к полнокровной литературно-критической статье. В этой же книге критик останавливается и на сборнике поэтических произведений Мударриса Аглямова, обращается к творчеству таких прозаиков, как Амирхан Еники, Миргазиян Юнус, Аяз Гилязов, Валентин Распутин, Гариф Ахунов и др. Творческие портреты этих и других авторов выполнены М. Валиевым с четкой ориентацией на творчество, почти не углубляясь в биографические факты.

Как отмечает Ф. Габидуллина: «М. Валиев широко использует различные жанры литературной критики. В их череде доминируют рецензии, написанные

на отдельные сборники. В то же самое время он выступает и с обзорами, проблемными статьями, биографическими очерками, творческими портретами» [3, с. 602]. Среди жанров литературной критики, которыми оперативно пользуется критик, отдельным особняком стоит жанр литературной беседы. Подробный анализ жанра беседы в творчестве М. Валиева был сделан нами в одной из статей [4]. Здесь лишь остановимся на некоторых интересных фактах в творчестве критика относительно этого жанра. М. Валиев обращается к жанру литературной беседы еще в начале своего творческого пути, в 70-е гг. прошлого столетия. Так, в первом сборнике литературно-критических статей была размещена его беседа с писателем Аязом Гилязовым. Здесь общение ведётся в традиционном понимании этого слова – идёт прямой диалог критика и писателя. Несколько иначе представлена беседа в книге критика «В конце века» (1993). В пояснении к заглавию книги стоит приписка – беседы о современной жизни и литературе. Вопрос же возникает при чтении уже первой статьи этого сборника. Статья «Героизм» не выстроена в жанре диалога, здесь нет беседы с кем-либо. Не отвечают требованиям жанра и некоторые другие статьи этого сборника. Напрямую к жанру литературной беседы относится лишь опубликованная в книге статья «Три беседы с аксакалами». Однако делать поспешных выводов в связи с этим явлением не стоит. Конечно, было бы интересно узнать мнение самого критика относительно данной приписки. Мы же можем лишь предполагать, что, возможно, критик имеет в виду некую заочную беседу с писателем или героями произведений. В любом случае, это повод вновь порассуждать о творчестве М. Валиева в более широком плане и углубляясь в сущность жанра. Тем более что среди его бесед есть и беседы с самим собой – диалог молодого критика Мансура Валиева и современного Мансура Валиева-Баржылы.

Почти на всем протяжении творческого пути М. Валиев находится в поиске интересной формы подачи информации для читателя. Не случаен, наверное, тот факт, что критик окончил в свое время факультет журналистики Казанского университета. Именно мышление журналиста позволяет М. Валиеву оперировать разными жанрами и находить наиболее оптимальные способы преподнесения анализа творчества или произведения. Так, в начале 1990-х гг. он ведет еженедельные обзоры литературных и политических событий на страницах газеты «Шәһри Казан» («Город Казань»). Позднее они найдут свое место в книге М. Валиева «Волны жизни» под названием «В те дни…» [2]. Характеризующийся сменой событий этот период оказал заметное влияние и на общественно-литературный процесс. Обзоры М. Валиева состояли из двух частей: произведения и события. Естественно, такая работа требовала от критика большой самоотдачи. Однако эти публикации позволяют сегодня очень четко представить картину происходивших событий и быструю реакцию на них творческого мышления. Пусть даже будучи не столь продолжительной, эта «летопись» представляет собой важную нишу в жизни критика.

В творчестве М. Валиева немало и проблемных статей. Среди них можно выделить статьи «Преданные», «О духовном опыте», «Критики», «Реалисты

и идеалисты», «Зачем нужны поэты?» и др. В них мастерство критика раскрывается особенно ярко. Выражая свою обеспокоенность за будущее татарской литературы, за ее развитие, М. Валиев ищет ориентиры. И на этом пути он видит необходимость найти героя, некий идеал для подражания.

Литературовед А.М. Закирзянов, анализируя историю развития литературоведения и литературной критики в 1980–2000 гг., отмечает М. Валиева среди тех критиков, которые внесли значимый вклад в развитие татарской литературной критики и представили на суд читателя разнообразие жанров литературной критики [6, с. 465]. С этими словами нельзя не согласиться. Действительно, литературный критик М. Валиев за более полувековой творческий путь сумел оставить глубокий след в развитии татарской литературно-критической мысли. Он по праву занимает особое место среди тех, кто обогатил жанры татарской литературной критики. Творческие находки и решения критика были признаны в свое время многими деятелями литературного поприща. Его творчество заслуживает дальнейшего более широкого и разнопланового изучения.

Литература и источники

1. *Вәлиев М.* Безгә ак болыт булырга язмаган шул... // Яшьләр мәйданга чыга. Тәнкыйть мәкаләләре. – Казан: Татар. Кит. нәшр., 1978. – 12–30 б.

2. *Вәлиев М.* Тормыш дулкыннары: Эссе, язмалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 287 б.

3. *Габидуллина Ф.* Мансур Вәлиев // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда / 8 т. / [фәнни мөх.: Д.Ф. Заһидуллина, Ә.М. Закиржанов]. – Казан: Фолиант, 2021. – 592–605 б.

4. *Галиева Л.Ш.* Жанр беседы в творчестве Мансура Валиева // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4 (101). – С. 232–234.

5. *Еники Ә.* Мансур Вәлиев // Казан утлары. – 1978. – № 3. – 186 б.

6. *Закиржанов Ә.М.* Әдәби тәнкыйть һәм әдәбият белеме // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда: 7 т. – Казан: Фолиант, 2019. – 448–470 б.

Lyaysan Galieva

GENRE DIVERSITY OF LITERAL CRITICAL ACTIVITY OF MANSUR VALIEV

The article is devoted to the study of genre diversity in the works of the famous Tatar literary critic Mansur Valiev who has made a significant contribution to the development of Tatar literary criticism, attracting the reader's attention with new genre forms. As for the literary critical genres, conversations, problematic and review articles, and reviews occupy a special place.

Keywords: literary criticism, genres of literary criticism, Mansur Valiev, conversation, Tatar literature.

УДК 821.511.131-1, 821.511.132-1

Ельцова Е.В.
г. Сыктывкар

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА АШАЛЬЧИ ОКИ И АЛЕКСАНДРЫ МИШАРИНОЙ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Проведен сравнительный анализ поэтических произведений первых женщин-поэтов удмуртской и коми литератур Ашальчи Оки и А. Мишариной. Материалом для исследования послужили стихи любовной тематики, анализ которых позволил выявить фольклорную основу творчества рассматриваемых поэтов, в особенности песенный характер их стихов. В центре внимания – общность и индивидуальные особенности образов лирической героини и ее любимого человека.

Ключевые слова: коми поэзия, удмуртская поэзия, любовная лирика, лирический герой, художественный образ, мотив.

В 1978 г. англичанин, доктор философии и филологии Дж. Г. Коутс написал статью «A komi poetess» («Коми поэтесса») о творчестве А. Мишариной. Проанализировав первую книгу писательницы «Тэ – менам кок ув му» («Ты – моя родина», 1977), исследователь делает заключение: «Некоторые литературоведы с удовольствием сравнили бы А. Мишарину с удмуртской поэтессой Ашальчи Оки только потому, что обе они женщины. Но поэзия этих двух авторов развивалась неодинаково. Кто знает, как расцвел бы талант молодой писательницы из Удмуртии, если бы она так рано и трагически не покинула литературу. Мишарина в ее возрасте опубликовала уже втрое больше стихов, а ведь ее путь в литературе только начинается! Значит, незачем и сравнивать»[1] [16, p. 369]. Действительно, на первый взгляд, жизнь и творчество двух финно-угорских писательниц – удмуртки Ашальчи Оки (1898–1973) и коми А. Мишариной (1946–2013) – несопоставимы. Жизненный путь каждой из них индивидуален (хотя в некоторых деталях обнаруживается эпизодическое сходство: к примеру, обе получили педагогическое образование, какое-то время проработали учительницами в школе), а самое главное – они являются представителями разных исторических эпох и поколений. К различным периодам относится и их литературное творчество: годы творчества Ашальчи Оки – 1919–1928 гг., А. Мишариной – 1966–2010 гг.

[1] Переводы прозаических и стихотворных текстов с английского, удмуртского, коми языков приводятся в подстрочном переводе автора статьи. – *Прим. Е.Е.*

Акилина (Лина) Григорьевна Векшина (Ашальчи Оки) родилась 4 (16 апреля) 1898 г. в д. Кузебаево Граховской волости Елабужского уезда Вятской губернии. Училась в начальной и двухклассной школах, затем в Центральной вотской учительской школе. После ее окончания сдала экзамены в Елабужской епархиальной учительской семинарии на право работы учительницей и уже в 16 лет работала по специальности. В 1914–1918 гг. проработала в разных школах, затем была направлена на учебу в Казанский университет. По окончании рабфака в 1921 г. ее зачислили на филологический факультет, а затем на медицинский, который А. Векшина окончила в 1927 г. по специальности офтальмология [12, с. 58–59]. С работой сельского врача-окулиста и была связана вся ее дальнейшая жизнь. Творчество Ашальчи Оки невелико по объему: это тридцать семь стихотворений, вошедших в сборники «Сюрес дурын» («У дороги», 1925), «О чем поет вотячка» (1928), а также рассказы для детей и взрослых, автобиографическая проза, научно-популярные статьи. Все они создавались в периоды с 1918 по 1928 г. и с 1956 по 1968 г. Наиболее плодотворными в творчестве писательницы считаются 1924 и 1925 гг. [15, с. 379]. Творческий путь Ашальчи Оки драматичен: в конце 1920-х гг. писательница прервала литературную деятельность в связи с постоянной занятостью на основной работе. Усугубило ситуацию и то, что в 1930-е гг. она дважды подвергалась арестам, была несправедливо обвинена в связях с националистами, а после освобождения отказалась от дальнейшего творчества, предпочтя созданию стихов деятельность врача-окулиста в сельской больнице.

Иная жизненная и творческая судьба была уготована коми писательнице Александре Петровне Мишариной (Петыр Саньӧ). Родилась она спустя почти полвека после Ашальчи Оки – 19 декабря 1946 г. в с. Большелуг Корткеросского района Коми АССР. Училась в школе родного села, затем окончила школьное педучилище № 1 им. И. Куратова в г. Сыктывкаре. После завершения учебы вернулась в родное село и шесть лет работала учительницей младших классов, в 1975 г. переехала в Сыктывкар, где долгие годы работала в редакциях литературно-художественного журнала «Войвыв кодзув» («Северная звезда»), газеты «Йӧлӧга» («Эхо»), на коми радио. С 2006 г. жила в родном селе [4, с. 35–37]. Литературным творчеством А. Мишарина начала заниматься в 1960-е гг., во время учебы в педучилище. В 1977 г. издан ее первый сборник стихов «Тэ менам – кок ув му». Его появление было замечено и высоко оценено исследователями коми литературы. Так, поэт и литературовед А.Е. Ванеев отмечал: «В истории коми литературы более значимых женщин-поэтов еще не было» [2, с. 56]. А. Мишариной пройден полувековой творческий путь: за это время ею опубликовано восемь книг для взрослых и детей, среди них – «Войвыв дзоридз» («Северный цветок», 1980), «Коми муӧй, сьӧлӧмшӧрӧй» («Коми край мой, милый», 1981), «Рытъя сёрни» («Вечерний разговор», 1991), «Сьӧлӧм

дой» («Боль сердца», 1996), «Шань сьӧлӧмӧн сьыла» («Пою от сердца доброго», 2005). В год смерти писательницы был издан еще один ее сборник стихов «Чужан муын, гортын» («На родной земле, дома», 2013).

О взаимных творческих связях между двумя поэтессами говорить сложно: их разделяют эпохи. Но изначально роднит их то, что обе они – первые в истории своих национальных литератур женщины-поэты. Л.П. Федорова считает, что появлению и становлению женского литературного творчества в удмуртской литературе способствовали доступ женщин к образованию и их вовлеченность в культурно-просветительскую жизнь общества, а также – развитие журналистики на родном языке, поддержка и влияние личности и творчества писателей-мужчин, социокультурная среда региона и страны в целом [14, с. 51–52]. В этом потоке в 1920-е гг. и расцвела поэзия Ашальчи Оки. Тогда же, в первые десятилетия XX в., и в коми литературе появились произведения, созданные женщинами: это переводы и оригинальные детские пьесы для постановки на школьной сцене А. Сухановой (Ӧньӧ Агни) (1884–1925), переводы из Библии Ф. Забоевой (1850–1943), детские стихи Ю. Поповой (Войт) (1896–1980). Все эти авторы – школьные учителя, создававшие, как правило, учебную и развивающую литературу для детей. Сегодня их творчество известно лишь узкому кругу читателей и специалистов: период первой половины XX в. не стал временем появления на небосклоне коми поэзии оригинальной поэтессы. Лишь А. Мишарина, обратившаяся в 1960-е гг. к созданию поэзии на родном языке, была воспринята именно как первая женщина-поэт в истории литературы коми.

И Ашальчи Оки, и А. Мишарина пишут в своих стихах, прежде всего, о женщине, стремясь выразить переживания, чувства и состояния женской души. Безусловно, судьба женщины в первые десятилетия XX в., в годы революции, Первой мировой и Гражданской войн отлична от судьбы женщины во второй, более «спокойной», половине столетия. Это находит отражение в творчестве двух поэтесс. Исследователями творчества Ашальчи Оки все тридцать семь ее стихотворений рассматриваются как единый цикл, посвященный удмуртской женщине, в котором показаны бесправность, униженное положение женщины в семье и в обществе, раскрыто ее душевное состояние в лирико-драматической тональности, выражена противоречивая позиция писательницы к образу жизни удмуртской женщины [15, с. 380]. Стихи А. Мишариной, как правило, обращены к внутреннему миру женщины, к ее душе. Любовь к родному селу и родной земле, к близким людям, к неброской красоте северной природы в ее лирике раскрываются сквозь призму женской души, женского, порой даже материнского взгляда на мир.

И все же, несмотря на различие жизненного и творческого пути писательниц, тем и мотивов их поэзии, ничто не сближает их теснее, чем лирика,

посвященная любви. По мнению литературоведа И.Е. Васильева, Ашальчи Оки, подобно А. Ахматовой, «научила женщин говорить», и говорить, прежде всего, о любви [11, с. 491]: значительная часть ее творческого наследия – это любовная лирика. О ее роли в творчестве поэтессы справедливо пишет в своей работе и венгерский исследователь П. Домокош: «В большинстве стихотворений Ашальчи Оки отражена любовь как счастье, ожидание, разочарование, пробуждение чувств, стеснительность – одним словом, любовь с ее изменчивостью, красочностью, психологическими переливами изображается со всеми мельчайшими симптомами» [3, с. 253]. В творчестве А. Мишариной стихи о любви также занимают важное место. Лирика о любви, особенности создания в ней образа лирической героини – тот мост, что соединяет творчество двух женщин-поэтов.

Одним словом, образы лирической героини и ее любимого человека – ключевые в стихах о любви Ашальчи Оки и А. Мишариной.

Образ лирической героини в поэзии обоих авторов глубок и многозначен. В стихах выражены ее эмоции, понимание любви и жизни. Героиня стихов Ашальчи Оки удмуртскими литературоведами характеризуется как «живой человек с горячим любящим сердцем, ощущающий свою связь с природой, мечтающий о высокой любви» [6, с. 67]. То же можно сказать и о лирической героине стихов А. Мишариной: она открыта сердцем и светла душой, любит чисто и бескорыстно. Чувства ее безответны – любимый человек принадлежит другой – и по причине нравственных принципов героини их союз невозможен. Но эти чувства освещают жизнь женщины, украшают каждый ее день и делают ее взрослее, мудрее. Героиня счастлива тем, что любит и ее любимый человек существует: «Аттьӧ сыысь, мый тэ тані эм. // Тэ вӧсна ӧд шоныдджык мем карас, // И став бурсӧ бара вӧчны дась» [9, с. 31] (Благодарю тебя за то, что ты есть. // В городе мне от этого теплее, // И я готова делать добро).

Жизнь героинь стихов Ашальчи Оки и А. Мишариной наполнена любовью. Так, куда бы ни пошла героиня стихотворения Ашальчи Оки «Нюлэскы ветлыкум» («Приходя в лес», 1924), всюду видит дорогой сердцу образ: ягоды черной смородины напоминают ей глаза любимого, луговые цветы – его лицо, щебет птицы в полях – его голос. Схожие мотивы есть и у коми поэтессы. Героиню ее стихотворения «Кӧсйи тэнӧ вунӧдны» («Хотела тебя позабыть», 1972) всюду преследует образ любимого: она видит его на работе и в лесу, во сне и во время творческого вдохновения. При этом, в отличие от поэзии удмуртки, стихи Мишариной наполнены горечью. Прием антитезы, лежащий в основе названного стихотворения, раскрывает переживания героини, борьбу ее чувств и разума. Разум убеждает ее в невозможности ответной любви, и героиня постоянно повторяет слова о желании забыть любимого, предпринимает действия, способствующие этому: «Кӧсйи тэнӧ вунӧдны, / Паныдасьны

полі» (Хотела забыть тебя, / Боялась встретиться); «Уджӧн кӧсйи пӧдтысьны, / Вунӧдны мед тэнӧ» (Работой хотела задушить себя, / Чтоб забыть о тебе); «Сэсся вӧрӧ шойччыны, / Пальӧдчыны муні» (Потом в лес пошла, / Чтоб прийти в себя); «Думайті, мый вунӧда, / Кор ме узьны воді» (Думала, забуду, / Когда усну); «Сэсся кывбур гижигӧн / Вунӧді нин быттьӧ» (Когда писала стихи, / Забыла как будто) [10, с. 183]. Но все ее усилия тщетны, поскольку чувства оказываются сильнее доводов разума.

Исследователи творчества Ашальчи Оки и А. Мишариной (Т.Г. Владыкина, Л.П. Федорова, П. Домокош, И.Е. Васильев, В.А. Латышева) неоднократно отмечали, что структура их поэтических произведений наполнена народно-поэтической образностью, фольклорной символикой. В.А. Латышева пишет: «Поэзия А. Мишариной еще не порвала своих связей с фольклором, и в этом ее сила: образы и ритмы ее стихов близки к интонациям, образам, ритмам народных песен, причитаний» [7, с. 127]. На песенный характер стихов обращают внимание и исследователи творчества Ашальчи Оки: «Ашальчи стремилась выразить переживания, чувства и состояния женской души, достигая психологической достоверности и художественной убедительности простой и в то же время емкой системой поэтических средств. Истоки этой системы в народном творчестве. Из фольклора пришла в поэзию Ашальчи песенность» [11, с. 491]. Причем творчество удмуртки, исторически более раннее, возникшее на заре появления национальной литературы, более привязано к устному народному творчеству: фольклор – душа поэзии Ашальчи. Следует добавить, что лучшие стихи о любви А. Мишариной стали песнями; на музыку положены и стихи Ашальчи Оки.

У обеих поэтесс близость с устным народным творчеством проявляется в особенностях создания образов лирической героини и ее любимого человека. Так, образ героини и у Ашальчи Оки, и у А. Мишариной земной, приближен к земле: зачастую лирическая героиня предстает в образах природы родного края – дерева, травы, цветов, ручья, птицы. Наиболее часто среди них встречается образ дерева (куста), что объясняется особенностями мировидения удмуртов и коми, в картине мира которых дерево, лес являются едва ли не центральными. Воплощение же человека, в частности женщины, в образе дерева – традиционный образ не только фольклора коми и удмуртов, но и их литератур. При этом каждым автором для образа лирической героини выбрано дерево, характерное для той местности, где живет автор, близко ему и любимо им. Так, в стихотворении А. Мишариной «Сувтны эськӧ пелысьӧн» («Встать бы мне рябиною», 1976), в одном из вершинных произведений поэтессы, героиня выражает мечту предстать перед любимым человеком в образе цветущей рябины: «Сувтны эськӧ пелысьӧн / Тэнад ӧшинь улӧ. / Дзоридзавны син водзад, / Гажӧдны быд тулыс [10, с. 188] (Встать бы мне рябиной / Под твоим окном.

/ Цвести перед твоими глазами, / Радовать каждую весну). Образ цветущего весеннего дерева, изначально символизирующий весну, молодость, красоту девушки, в данном случае становится еще и символом горького одиночества героини (как горьки ягоды рябины по осени), понимания ею невозможности быть рядом с любимым. Лирическая героиня стихов Ашальчи вообще растворена в природе Удмуртии; в стихотворении «Сюрес дурын» («У дороги», 1925) девушка представляет себя в образах белой березы, шелковых трав, цветов, ручья. Молодость и красота влюбленной девушки в стихотворении «Чияпуэд сяськаяське» («Вишня цветет», 1925) отождествляются с весенним цветением вишни. А в стихотворении «Даур» («Время», 1919) героиня – пожилая женщина, которая сравнивает себя, свою ушедшую молодость с садом, не цветущим в морозы, с травой, не растущей зимой. Еще один образ лирической героини стихов Ашальчи Оки – это мотылек с израненными крыльями в стихотворении «Лулы мынам» («Душа моя», 1925).

Любя, лирические героини стихов Ашальчи Оки и А. Мишариной готовы самозабвенно служить желанному человеку, отдать ему все самое дорогое, подарить весь мир. Героиня стихотворения коми поэтессы «Тэныд» («Тебе», 1979) окрылена любовью и мечтает подарить любимому аромат гулкого светлого бора, звон чистого быстрого ручья, всю тайгу. Но чувства ее безответны, и создается впечатление, что взлет ее души напрасен, а огонь, зажженный в сердце любовью, гаснет. Она сокрушается: «А тэ сійӧс, бӧрд кӧть, / Мусаӧй, эн казяв. / И дзик нинӧмсӧ / Эн гӧгӧрво. / Горш дін гӧрддзасис, / И син доръясӧй вазис: / Мыйта вайи! / Нинӧмыс эз во… [10, с. 197] (А ты их, хоть плачь, / Милый мой, не заметил. / И ничего / Не понял. / В горле ком застрял, / И глаза намокли: / Сколько всего я тебе несла! / Ничего не дошло…). Но это не так. Не чувствует тепла лишь человек, не отвечающий на любовь героини. Саму героиню любовь возвышает. Мечтая подарить любимому весь мир, красоту родной земли, она сама получает все это в подарок. Весь мир раскрывается ей навстречу и становится для нее подарком любви. Самый дорогой подарок героини стихотворения Ашальчи Оки «Туж бадзым кузьымме…» («Бесценный подарок», 1923) – ее горячее любящее сердце. При этом любовь ее, поначалу казавшаяся взаимной, – ведь любимый человек принимал подарки девушки (вышитые полотенца, красивые кисеты), целовал ее, – оказывается безответной. Любовное разочарование девушки выражается в образе растоптанного под ногами сердца: «Марлы бен басьтыса / Пыд улад тон лёгад? / Туж бадзым кузьымме – / Пӧсь, зырдась сюлэмме? [1, с. 89] (Зачем же ты взял / Топтать под ногами / Самый большой мой подарок – / Мое горячее, пылающее сердце?). О предчувствии первого любовного разочарования, о предощущении горечи от того, что чувства героини могут остаться без ответа или будут отвергнуты, стихотворение Ашальчи Оки «Яратонэ öз ке» («Если любимый не…», 1924).

Трагедия героини в том, что вместе с утратой любимого человека для нее словно бы теряется смысл жизни. Ей, живущей ради него, готовой подарить ему все самое лучшее и дорогое, одной уже не нужны ни безответное чувство, ни сама жизнь. Если любимый не прочтет ее стихи, то пусть они станут птицей и взлетят в небеса. Если не увидит он ее вышитого пояска, то пусть он упадет в озеро и станет тиной. Если милый не придет, пусть засохнут собранные на лугу ромашки. Если не узнает о ее слезах, пусть слезы лягут на землю белым туманом. И – кульминация стихотворения: если не возьмет любимый плачущее, кричащее от боли сердце девушки, пусть оно камнем утонет на дне Камы. Трагедия, выраженная в этом стихотворении, поистине народная, уходящая корнями в народные песни, баллады, рассказы об утопившихся девушках, брошенных любимыми. Однако отчаяние лирической героини, сопряженное с мыслями об уходе из жизни, здесь, на мой взгляд, не настолько фатальное. Авторский взгляд на мир позитивный, глубоко жизнеутверждающий. Любовь героини, не уверенной в ответном чувстве молодого человека, не убивает ее: она растворяется в окружающем мире, птицей взмывая в небеса, тиной погружаясь в озеро, белым туманом опускаясь на землю, камнем ложась на дно реки. И лишь образ засохших луговых цветов – ромашек – несет в себе символику смерти, несостоявшейся девичьей любви, ее несбывшейся мечты.

Лирические героини стихов Ашальчи Оки и А. Мишариной наделены способностью мечтать и надеяться на лучшее: несмотря ни на что, они находят в себе силы жить дальше. Об этом стихотворение Ашальчи «Мон визьтэм вал азьло…» («Я глупа была раньше», 1924): «Мон али но визьтэм, туж визьтэм: / Тулыс ву куараез кылыса, / Ӧрекчи вӧтъёсыз вӧтасько, – / Ӧрекчи вӧтъёслы оскыса, / Зэв шудэ азьланьын, дыр, шуса, азьланес витисько… [1, с. 76] (Я и сейчас глупа, совсем глупа: / Когда слышу звуки весенней воды, / Обманчивые сны вижу, – / Обманчивым снам верю, / Счастье мое еще впереди, говорю, и будущее жду…). Такова и героиня стихов А. Мишариной: душа ее, светлая и добрая, освещает ее жизненный путь, дает силы жить, дарит надежду на лучшее, как в стихотворении «Менам сьӧлӧм» («Мое сердце», 1977): «Быдтор сьӧлӧм крукыштӧ, / Быдтор сьӧлӧм кылӧ. / Нораа зэв бӧрддзылӧ, / Ог и тӧдлы – йӧктӧ. / Уна сылы мӧрччылӧ, / Но век овны тшӧктӧ [9, с. 22] (Все сердце замечает, / Все оно слышит. / То плачет печально, / Оглянуться не успею – уже танцует. / Много ему достается, / Но всегда заставляет жить).

В произведениях устного народного творчества внешность человека нередко сопоставляется с явлениями природы, с небесными светилами. При этом в древней и современной культурной традиции образы небесных светил имеют множество символик. Их главная символическая функция связана с мотивом поклонения красоте: природа – критерий человеческой красоты, ее

идеал. У человека часто выявляются черты, сходные с чертами природы, и это делает его прекрасным, как небесные светила. Солнце, луна, месяц, звезды традиционно выступают и наивысшим проявлением красоты в сказках удмуртов, марийцев, мордвы [См.: 13]. В фольклоре используется и первичная, связанная с физической природой соляриев, символика освещения – способность солнца, луны, звезд испускать свет, рассеивать тьму, освещать землю, а также символика блеска, сияния, сверкания и символика жара, тепла.

В лирических песнях коми, в свадебных и похоронных причитаниях зачастую используется устойчивый круг художественных средств, формульных образов, связанных с небесными светилами. Так, солнце нередко встречается в сочетании с образом матери: «шондіöй-мамöй» (солнце-матушка), «лун шондіöй-матушкаöй» (полуденное солнце-матушка), «югыд шонді» (ясное солнце). Умерший близкий человек представлен в образе пылающей свечи («öзъян сись»), также связанном со светом. А непостоянство в любви милого в лирических песнях отождествляется с месяцем, то появляющимся в небе, то вновь исчезающим: «Ог töд, мыйла тайö тöлысь, / Кор югдöдö, кор и оз. / Мыйла тайö татшöм милöй, / Кор любитö, кор и оз» [5, с. 30] (Не знаю, отчего этот месяц / То светит, то пропадает. / Отчего таков мой милый, / Когда любит, а когда и нет).

Переход номинативного смысла в символический носит поэтический характер и рождает художественный образ, который впоследствии становится устойчивым выражением, перешедшим из фольклора в устную и письменную речь. Предмет любви лирической героини в стихах Ашальчи Оки и А. Мишариной представлен сквозь призму авторского мировидения. В противовес «земному» характеру образа героини образ ее возлюбленного «небесный»: он идеализирован, возвышен, по аналогии с народными представлениями об идеальной красоте создан путем сопоставления внешности человека с небесными светилами: солнцем, луной/месяцем, звездами. Героиня стихов Ашальчи Оки «Шунды кадь ик чебер» («Как солнце, прекрасны», 1925) и «Гажан муртлы» («Любимому человеку», 1923) обращается к нему: «Шунды кадь ик чебер / Котырес бамъёсыд, / Инъёсысь кизили – / Чебересь синъёсыд» [1, с. 84] (Как солнце, прекрасны / Круглые щеки твои, / Небесные звезды – / Красивы глаза твои); «Тон – мынам шундые» [1, с. 92] (Ты – мое солнце). В образах солнца, светлой звездочки, серебряного месяца представлен и любимый человек героини стихов А. Мишариной: «Югыд кодзув енэжын кö ворсö, / Эскыссьö мен, быттьö тайö тэ, / Эзысь тöлысь петö рытъядорсö, / Бара тэön сійöс чайта ме. // Кодыр шонді петö кымöр костысь, / Сылöн тэ кодь стöч жö чужömбан» [8, с. 71] (Светлая звездочка в небе если играет, / Мне верится, будто это ты, / Серебряный месяц выходит к вечеру, / Опять мне кажется, что это ты. // Солнце, выглядывающее из-за туч, / Лицом на тебя похоже).

Поэтессами используется смыслосимволика эстетического характера. Созданные ими образы символизируют внешнюю красоту любимого человека лирической героини: он приравнивается к солнцу и луне, отождествляется с ними. Думается, обоих авторов привлекли заложенные в этих образах семантика, ассоциации: традиционная фольклорная и литературная поэтизация небесных светил, их возвышенность, идеальность, сопоставленная с внешней красотой, сиянием, излучаемым светом. В итоге в творчестве обоих авторов внешний облик любимого человека так же возвышен (и высок), наполнен светом и вместе с тем недоступен для лирической героини, как недоступны для людей эти светила. Поэтому и лирика двух поэтесс – это, как правило, лирика неразделенной любви. При этом внешняя красота любимого в их стихах часто противопоставлена его душевному холоду, равнодушию, нечуткости, безучастности, которые причиняют лирической героине душевную боль. Именно поэтому героиня упомянутого выше стихотворения А. Мишариной «Тебе» упрекает любимого: «не заметил», «не понял», «не дошло». Похожими словами и анафорическими повторами условного союза «ке» (если) и отрицательной частицы «öз» (не) выражает свое отношение к возможному равнодушию своего любимого человека и героиня Ашальчи Оки в стихотворении «Если любимый не…»: «öз ке чирды» (если не прочитает); «öз ке адзы» (если не увидит); «öз ке лыкты» (если не придет); «öз ке тоды (если не узнает); «öз ке басьты» (если не возьмет) [1, с. 106–107]. Упоминание о холодности любимого в противовес горячему любящему сердцу самой героини встречается уже и в раннем программном стихотворении удмуртки «Тон юад мынэсьтым» («Ты спросил у меня», 1919). Здесь его образ складывается из одного штриха-вопроса: «Тон юад мынэсьтым: / – Марлы бен кылбуръёс гожъяськод / Чик юнме кужымдэ быдтйськод?» [1, с. 33] (Ты спросил у меня: / – Почему ты пишешь стихи, / Понапрасну растрачивая силы?). По мнению героини, для него непонятны и недоступны ни полет ее души, ни поэтическое творчество, без которого, как и без любви, для нее самой немыслима жизнь.

Таким образом, в способах создания образов лирической героини и ее любимого человека в стихах о любви Ашальчи Оки и А. Мишариной, в характерах, в содержательном наполнении стихов немало схожих моментов, обусловленных и особенностями развития женского письма вообще, и общими особенностями национального (финно-угорского и пермского) мировидения, фольклора. При этом историей развития литератур и уникальностью каждой из них обусловлена и оригинальность их творческого самовыражения.

Литература и источники

1. *Ашальчи Оки.* Чыртывесь=Ожерелье. – Ижевск : Удмуртия, 1998. – 152 с.
2. *Ванеев А.* Панöм сьыланкывъяс // Войвыв кодзув. – 1977. – № 8. – С. 56–60.

3. *Домокош П.* История удмуртской литературы / П. Домокош. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.

4. *Ельцова Е.В.* «Эм саридз менам – олӧм…» (Александра Мишариналӧн лирика) / Е.В. Ельцова // Войвыв кодзув. – 2016. – № 12. – С. 35–45.

5. Ипатьдорса фольклор / сост. А.К. Микушев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 184 с.

6. История удмуртской советской литературы. В 2 т. – Т. 1. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 252 с.

7. *Латышева В.А.* Классики и современники: статьи о литературе / В.А. Латышева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. – 240 с.

8. *Мишарина А.П.* Войвыв дзоридз / А. П. Мишарина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 112 с.

9. *Мишарина А.П.* Тэ менам – кок ув му / А. П. Мишарина // Куим сьыланкыв. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. – С. 6–45.

10. *Мишарина А.П.* Шань сьӧлӧмӧн сьыла / А.П. Мишарина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. – 302 с.

11. Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная моногр. – Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. – С. 486–502.

12. *Помелов В.Б.* Удмуртские литераторы Кузебай Герд и Ашальчи Оки / В.Б. Помелов // Гуманитарный трактат. – 2017. – № 11. – С. 55–61.

13. *Симонова О.Е., Гимадова Н.Х.* Символика небесных светил в сказочном фольклоре мари, удмуртов, мордвы / О.Е. Симонова, Н.Х. Гимадова // Nauka-rastudent.ru. – 2014. – № 12 (12-2014). URL: http://nauka-rastudent.ru/12/2310/ (дата обращения: 17.04.2020).

14. *Федорова Л.П.* Первые страницы женского письма в удмуртской литературе // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 43–53.

15. *Федорова Л.П.* Текстологический аспект изучения творчества Ашальчи Оки // Многоязычие в образовательном пространстве. – Т. 5. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – С. 373–381.

16. *Koates J.G.* A komi poetess (A. P. Misharina) / J.G. Coates // Neohelicon. – 1978. – Volume 6. – Issue 2. – pp. 359–369.

Elena Eltsova

LOVE LYRICS OF ASHALCHI OKI AND ALEXANDRA MISHARINA: GENERAL AND SPECIFIC

A comparative analysis of the poetic works of the first female poets of the Udmurt and Komi literatures, Ashalchi Oka and A. Misharina, is carried out. The material for the study was love poems, the analysis of which allowed us to identify the folklore basis of the poems, especially the song-like nature of their poems. The focus is made on the commonality and individual features of the images of the lyrical heroine and her beloved.

Keywords: Komi poetry, Udmurt poetry, love lyrics, lyrical hero, artistic image, motive.

УДК 821.511.131

Зайцева Т.И.
г. Ижевск

ТРАДИЦИОННЫЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ПРОЗЫ: НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА РОМАНА

Рассмотрена специфика удмуртского литературного процесса последних лет. В центре внимания автора – развитие жанра романа в творчестве отдельных современных прозаиков. Описаны поиски нового литературного героя в национальной художественной словесности в изменившемся культурно-историческом контексте. Отмечены особенности функционирования традиционных реалистических тенденций и новых экспериментальных направлений; сделан анализ произведений писателей, которым присуще стремление синтезировать реалистические традиции прошлых лет с приемами искусства «новой реальности».

Ключевые слова: современная удмуртская проза, литературный процесс, традиция, новаторство, жанр, роман.

Уважаемые участники конференции, разрешите присоединиться к высказанным ранее словам благодарности организаторам и устроителям столь серьезного и значимого мероприятия, направленного на изучение, сохранение и популяризацию культурного наследия и творчества великих представителей марийского народа в контексте всей нашей многонациональной российской культуры. Позвольте в качестве предисловия к докладу высказать некоторые соображения. Представляемый доклад является попыткой обозначить проблему и актуальность заявленной темы, а также описать некоторые особенности современного удмуртского литературного процесса на материале творчества конкретных авторов. Исследование в данной области начато нами совсем недавно. В осмыслении новейшего литературного материла докладчиком использовался имеющийся уже опыт работы над книгой «Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек». Важно отметить, что процесс работы над этим изданием длился более семи лет. При этом автору-исследователю, находящемуся непосредственно внутри самого литературного процесса, с большим трудом удалось систематизировать материал, осмыслить его, дифференцировать те или иные тенденции развития. Безусловно, у коллег были и есть замечания к этой работе, что-то отмечается верно, с чем-то категорически нельзя согласиться. В частности, относительно

удмуртской художественно-документальной прозы. Так, указывалось на ошибочность отнесения к области художественной литературы произведений авторов, не являющихся профессиональными писателями. Например, включение произведений о репрессированных основателях удмуртской автономии или основоположниках удмуртской литературы, написанных учеными-историками или журналистами. Время подтвердило корректность наших усилий привести в определенную систему литературный материал изучаемого периода, в особенности литературу последних порубежных лет. И все же – к чему столь долгое предисловие? Просто хочется обратить внимание слушателей на то, что докладчик представляет собой человека, который в силу смены поколений не находится в центре литературной и культурной жизни республики, где основное место сегодня занимает молодежь. Безусловно, проблема взаимосвязи творческих поколений, вопрос трансляции культуры – сложнейшая тема для отдельного разговора. Теперь же, еще раз хочется отметить, не обладая всей полнотой информации, мы предлагаем аудитории доклад-попытку осмысления формирующихся в настоящее время в удмуртской прозе художественных тенденций и направлений. Постараемся кратко представить основные образующие начала текущего литературного процесса, наметить возможную методологию его исследования. Без подобной предварительной работы нельзя составить целостную картину развития литературы Удмуртии в XXI в.

Пожалуй, к удмуртской прозе вполне применимы утверждения отечественных литературоведов, что в настоящее время для русской литературы и литератур народов России характерен кризис как принципа жанровости, так и жанрового сознания в целом. Изменение основ жанрообразования, а вернее разрушение его канонов, формотворческие процессы, пожалуй, более всего проявляются в жанре романа. В частности, Наум Лазаревич Лейдерман отмечал, что эволюция жанровых форм, как правило, осуществляется в рамках структурного принципа «ведущего жанра» историко-литературной системы [2, 3]. Добавим, не только сам жанр романа, но и опыт его автора может рассматриваться как проявление определенных сдвигов в развитии национального художественного слова.

В 2021 г. известный финно-угорский критик Виктор Шибанов опубликовал в «Литературной России» статью информационно-справочного характера со своими размышлениями об удмуртском романе. Он пишет, что за последние пять лет в национальной литературе появилось семь романов и верно замечает, что для немногочисленного отряда удмуртских прозаиков – это серьезное количество. [См.: 4]. Речь идет о романах Сергея Матвеева «Нылкышно саюлын» («На фоне женщины», 2020; букв. перевод «В тени женщины»), Марии Векшиной «Оӵ кар / Ӧч кар» («Город Оӵ / Вопреки», 2018; букв. перевод «Город Иж / Навредничай»), Риммы Игнатьевой «Игнаш сайкемын» («В вотчине Игнаша», 2020; букв. перевод «В выселке Игнаша»), Алены Петровой (псевд.

Дарали Лели) «Зорнамер но Занна» («Зорнамер и Занна», 2020–2022), Петра Захарова «Камит» («Камит», 2021–2022), Леонтия Кривошеева «Удмуртъёс. Дауръёс пыр» («Удмурты. Сквозь века», 2020), Лии Малых «Усьты синъёстэ» («Открой глаза», 2023). В настоящий момент перечень удмуртского романа расширился. Так, Ульфат Бадретдинов обозначил жанр своего недавно изданного отдельной книгой произведения «Туннэ – ӵуказелэн кутсконэз» («Завтра начинается – сегодня») как роман. К приведенному списку произведений добавим роман протодиакона Михаила Атаманова (отца Михаила) «Санӥ. Пилемъёс доразы берто…» («Александра. Облака возвращаются домой»), публикующийся в настоящее время на страницах республиканского журнала «Кенеш». Сами названия этих романов дают возможность уловить некоторые тенденции проявления формотворчества в современной удмуртской прозе.

Следование принципам экспериментальной прозы свойственно творчеству С. Матвеева, М. Векшиной, А. Петровой; традиции удмуртской классической литературы, развивающейся под знаком «нового реализма», так или иначе продолжают Р. Игнатьева, Л. Малых, Л. Кривошеев, М. Атаманов, У. Бадретдинов (речь идет лишь об авторах названных произведений). Жанрово-стилистические эксперименты наших авторов, скорее всего, связаны с попытками обновления статичных форм удмуртской литературы, поисками новых возможностей художественной передачи материала, со стремлением усилить воздействие на современного читателя. Один из ключевых авторов удмуртского экспериментального романа – Сергей Матвеев. Особую популярность он приобрел в «девяностые» годы в молодежной среде в связи с выходом в свет романа «Шузи» («Придурок»). Экспериментальный характер матвеевской романистики зафиксирован в авторских определениях жанра: «роман-зулен» = «роман-болтовня», «роман-уйбыртон» = «роман-бред», «роман-арбыт» = «роман-годовой цикл». Роман «Нылкышно саюлын» обозначен автором как «роман-чигвесь» = «роман-монисто». В новом романе Матвеева достаточно значимым оказывается реалистический пласт повествования, зачастую автор обращается к конкретному жизненному материалу. В целом, конечно же, романы этого писателя ориентированы на стилистику западной литературы.

Роман С. Матвеева «Нылкышно саюлын» состоит из семи глав, названия которых по ассоциации воспроизводят цвета радуги («Горд пырыос» = «Красные крупинки», «Гордалэс-ӵуж пырыос» = «Оранжевые крупинки», «Ӵуж пырыос» = «Жёлтые крупинки» и т.д.). Причем каждая глава делится еще на три части, выделяя нюансы основных цветов. Вместе с тем в самом тексте цветовых эпитетов очень мало. По всей вероятности, цветовые метафоры в названиях глав связаны со стремлением оттенить воспоминания героя о важных в его жизни женщинах (матери, жене, ровесницах, случайных увлечениях и др.). Примечательно, что в одном из эпизодов «я»-повествователь открыто признается о своих симпатиях к творчеству Ромена Гари. И еще. В структуре

романа ощутимо стремление к циклизации, к совмещению разноприродных жанровых форм; отсюда – эстетическая игра, эксперимент, следование классическим канонам.

Возможности экспериментальной прозы по-особому раскрываются в романе М. Векшиной. Ощущается воздействие на удмуртскую словесность медийных приемов. Марго, героиня романа «Оч кар / Öч кар», – начинающий писатель. В продолжение практически всего сюжета она испытывает творческие муки, поскольку находится в процессе создания романа. Героиня существует на грани двух «параллельных» миров, каждый из которых представляет собой Ижевск в разных ипостасях. Население Ижа разделено на две части: рабочие завода и интеллигенция; между ними – большая река и пруд. Есть в романе и временной сдвиг в будущее, в 2080-е гг. Эмоциональный тон произведения – это ирония по отношению к писательству и писательской среде. Марго не знает чем завершить свою книгу, на ее памяти наставления, что в литературном произведении у героя должен быть антагонист. Действительно, так просто – создать образ врага, победить этого врага, а возможно, и погибнуть в этой борьбе – чем не эффективный финал… По мысли Векшиной – это не только просто, но и слишком примитивно. Художественная стратегия М. Векшиной во многом обусловлена стремлением зафиксировать и воспроизвести процесс художественного труда, т.е. углубиться в подсознание творческой личности.

Оценивая результаты экспериментов, следует отметить, что неизбежно приходится решать вопросы литературной критики, так или иначе сводящиеся к оценочным категориям: «творческий успех» или «творческая неудача». В целом у Векшиной все же наблюдается некая формальная стилизация под архаику (в частности, имена персонажей, топонимика, исторические факты и др.) и нарочитая полемика с традицией. Тем не менее желание писательницы приблизить архаическое к запросам современного читателя вызывает интерес. По большому счету, несмотря на искусственность ряда сюжетных ходов, натянутость эпизодов, нарушающих общий замысел произведения, Мария Векшина хорошо владеет приемами художественной выразительности, образности.

Динамичность современной жизни, смена социокультурных ориентиров, появление новых читательских запросов создают потребность в появлении произведений экспериментального и развлекательного характера. Подобных авторов-экспериментаторов в удмуртской литературе немного. Эксперименты нужны для динамики литературного процесса. Однако не менее важной остается проблема углубления культурного контекста современных романов, их интеллектуальной наполненности.

Классические традиции удмуртского романа в современной удмуртской прозе развивает, прежде всего, Михаил Атаманов. В центре внимания автора – судьба народа в трагические периоды истории. Эпохальные события (революция, коллективизация, выселение раскулаченных крестьян в северный коми

край, военное лихолетье и трудные послевоенные годы) в романе М. Атаманова «Санӥ. Пилемъёс доразы берто…» показаны в преломлении судеб отдельных людей и целых семей удмуртской деревни Куарсашур. В произведении создан образ удмуртской женщины Санӥ=Александры, который словно вобрал в себя духовный опыт древних удмуртских крестьянских семей, приверженных законам родовой неразрывности. Автор делает героиню воплощением национального идеала женщины. Воссоздание реальных событий и фактов, описание географических объектов, упоминание местных топонимов и гидронимов, обращение к подлинным человеческим судьбам и т.д. позволяют автору конкретизировать образ Санӥ, сделать его более рельефным, запоминающимся. Поскольку М. Атаманов – писатель воцерковленный, он стремится приоткрыть метафизическую сферу бытия человека, особую способность совестливого труженика быть сопричастным к тайнам бытия природы, божественного начала в мире. В романе большое место занимает православный контекст, есть здесь церковные молитвы, каноны и понятия на удмуртском языке (о. Михаил недавно принял монашество в одном из местных монастырей; он хорошо известен как автор перевода библейских текстов на удмуртский язык, в роман введена его собственная переведенная текстовка). С мотивом молитвы в той или иной степени связан в романе прием исповедальности. В произведение также включены авторские раздумья о земном и небесном предопределении человека, что всегда было присуще отечественной литературной классике. В образе Санӥ писателю важно показать способность удмуртской женщины сохранять нравственные принципы рода (народа) вопреки всем испытаниям. В этом видится и влияние, и перекличка с творчеством В. Распутина, который изображал русскую женщину как хранительницу России. Впервые в национальной прозе в этом произведении М. Атаманова убедительно, эмоционально сильно изображены эпизоды и сцены, рассказывающие о трудовом героизме в военные годы удмуртских колхозников и колхозниц, несущих в душе христианскую веру.

В современной удмуртской романистике обнаруживается тенденция к изображению истории поколений, семейных хроник, вернее – истории рода. В центре романа Риммы Игнатьевой «Игнаш сайкемын» – история жизни нескольких поколений семьи рекрута-беглеца Игнаша и сиротки Ульяны. На обширном историко-этнографическом и бытовом материале построен роман учителя и районного краеведа Л. Кривошеева «Удмуртъёс. Дауръёс пыр», обращенный к жизнеописанию главы древнего удмуртского государства «Арчыкара» Богодана и его потомков. Важная роль в такого плана романах принадлежит авторской концепции. К сожалению, приходится говорить о некой неопределенности или прямолинейности принципов и приемов выражения авторской позиции в названых романах применительно к истории народа и государства в их взаимосвязанности. Множество сюжетных линий и действующих лиц, большое количество информации запутывают читателя, утомляют. Как

правило, позиция персонажа определяется позицией самого автора. Словом, современному удмуртскому роману не хватает многомерного, психологически глубокого образа героя с индивидуальными особенностями характера. На наш взгляд, в современной удмуртской прозе в целом недостаточно психологической глубины в разработке характеров и в освещении событий прошлого и настоящего. Красноречивый пример. На сцене удмуртского драматического театра недавно состоялась премьера новой постановки пьесы по роману классика национальной литературы Геннадия Красильникова «Начало года». Авторы постановки и актеры, как нам представляется, далеки от понимания красильниковского психологизма в изображении подлинных драм и чувств героев. А ведь история литературы – это история изображения человеческого характера.

В заключение доклада есть смысл назвать еще несколько имен писателей, не создавших современные романы, но определяющих лицо сегодняшней литературы республики. Среди прозаиков следует выделить Вячеслава Ар-Серги (Сергеева Вячеслава Витальевича), в особенности его открытую, смелую публицистику последних лет, отличающуюся яркой гражданской позицией. В серии интервью Ар-Серги центральной и местной прессе, каждая из которых становится событием в культурной жизни республики, писатель высказывает свое видение ситуации по наболевшим вопросам состояния национальных литератур в современном мире. Писатель считает, что сохранение и развитие каждой национальной культуры – это спасение генофонда человечества. Особенно остро он говорит о необходимости развития национальных языков, как основе, на которой создаются культурные ценности.

Насущные вопросы времени – в поле зрения Анатолия Перевозчикова. Этого автора объединяет с У. Бадретдиновым обостренное восприятие проблем общества, в образах героев воплощены особо драматические эпизоды жизни. Доминируют черты классического реализма, характерно «жизнеподобие», главная особенность – социальная рефлексия. Если раньше, как правило, положительный герой являлся носителем нравственно-этического кода национального и народного, то в произведениях Перевозчикова и Бадретдинова происходит смещение в сторону сожаления об утрате нравственно-этических констант. Герою присуща неуспокоенность, свойственно желание восстановить справедливость, понять сущность изменений, внесенных в жизнь народа перестроечными, постперестроечными и другими реформами последних десятилетий. Например, все это наблюдается в повестях и рассказах А. Перевозчикова, составивших книгу «Сьӧлыктэм сьӧлык» («Невольный грех», 2017). Большой прозаической удачей является повесть У. Бадретдинова, «Айгуль – Толэзь сяська» («Айгуль – лунный цветок», 2020). Говоря о творчестве У. Бадретдинова, следует «вернуться» к его роману «Туннэ – ӵуказелэн кутсконэз». Автор поставил

перед собой сложнейшую задачу – соединить в единое художественное целое разные начала и стили, а именно, документальное, вымышленное и даже мистическое. Чтобы объединить в одном произведении историю жизни известного удмуртского поэта-публициста, просветителя и крупного общественного деятеля Максима Прокопьевича Прокопьева (1884–1919) и описание судеб большого количества выдуманных персонажей (вплоть до сверхъестественных), требуются огромный художнический такт, мастерство, профессиональный опыт. Органического синтеза историко-документального материала и авторского вымысла, благодаря которому в национальной литературе мог бы появиться новый художественно-документальный жанр, не произошло. Попытка писателя совместить образно-художественное с фактом действительности заслуживает внимания и специального разбора, поскольку является проявлением одного из признаков тенденции современной литературы.

Сюжетные линии произведений Елены Миннигараевой, по большей части реалистических, обогащены размышлениями героя о том, как поступить в предлагаемых обстоятельствах, об одиночестве, о человеческих слабостях, о преклонении людей перед ложными авторитетами. Как правило, ее герой – «маленький» человек, который как персонаж уступает масштабному видению конфликта традиционным героем, однако это компенсируется более глубоким проникновением автора в окружающую действительность. Отсюда более интимный контакт героя с миром вещей. Серьезно обогатили удмуртскую литературу произведения Е. Миннигараевой, написанные в жанре детектива или фэнтези, вошедшие в ее книги «Сьӧд сюлык» («Платок-покрывало», 2016) и «69 ар ортчыса, яке Кытчы кошко дэймонъёс» («Через 69 лет, или куда уходят Боги?», 2019). Достаточно умело сочетая фантастическую условность с бытовыми реалиями, писательнице удается ярче показать приметы времени.

В контексте сказанного следует обязательно упомянуть авторов литературы так называемого наива (непрофессиональная литература, социально-культурное творчество, самодеятельная литература). Этот пласт литературы особенно ярко представлен творчеством Любови Ганьковой, автора более десяти книг, ставших читаемыми и популярными. За книгу «Палтури»(«Журавушка», 2019), представленную повестью-воспоминаниями, рассказами, зарисовками, поговорками и стихами, получила Литературную премию правительства Удмуртии. В настоящее время она на пенсии, проработала в разных сферах народного хозяйства, основная специальность – бухгалтер. Известность приобрела и книга Алевтины Васильевны Карповой «Лобо, лобо писпу куаръёс» («С деревьев листья облетают», 2020), долгие годы трудившейся в колхозе. Жанровые особенности наива – детальное описание событий и их оценка с точки зрения ценностной системы автора, открытость, эмоциональность, языковая свобода автора, обогащение национальной лексики за счет ведения в текст устаревших

слов, выражений, фразеологизмов и целых народных высказываний. Все это расширяет выразительные возможности языка удмуртской литературы.

С учетом вышеизложенного уместна цитата из статьи в газете «Удмуртский университет» профессора-филолога Т.В. Зверевой: «Мы переживаем уникальное время, в котором произошла трансформация культурного поля: впервые за весь период существования литературы писателей и поэтов в ней больше, чем читателей. <…> …все эти процессы находят лишь косвенное отражение в критике, которая, кстати, занимает периферийное место в современном литературном мире. Однако самое грустное, что очень хорошие произведения не находят отклика у читательской аудитории. Возникла «черная дыра» или «зона слепоты»: литература продолжает свое существование, но она как бы невидима массовым читателем» [1]. И еще: «Вне книжной культуры человек теряет самого себя и способность критического осмысления действительности». В этой связи имеет смысл подчеркнуть особую значимость для современной удмуртской прозы жанра романа, влияющего как на дальнейшее развитие литературы и укрепление ее связей с читателем.

Литература и источники

1. *Зверева Т.В.* О роскоши – «своем» времени и чтении // Удмуртский университет. – 2023. – 23 июнь.

2. *Лейдерман Н.Л. Т*еория жанра: исследования и разборы. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 904 с.

3. *Подшивалова Е.А.* Категория жанра в номинации Н.Л. Лейдермана // Филологический класс. – 2015. – № 1 (39). – С. 7–11.

4. *Шибанов В.Л.* Разве можно без врагов? Размышления о сегодняшнем удмуртском романе // Литературная Россия. – 2021. – 25 март.

Tatyana Zaytseva

TRADITIONAL AND EXPERIMENTAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN UDMURT PROSE: ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL GENRE

The article examines the specifics of the Udmurt literary process of recent years. The author focuses on the development of the novel genre in the works of individual modern prose writers. The search for a new literary hero in national fiction in the changed cultural and historical context is described in the article. The features of the functioning of traditional realistic tendencies and new experimental trends are noted; an analysis of the works of writers who are characterized by the desire to synthesize the realistic traditions of past years with the techniques of the art of the ‘new reality’ is made.

Keywords: modern Udmurt prose, literary process, tradition, innovation, genre, novel.

УДК 82.0 (091) 82-14

Зиявадинова О.С.
г. Сыктывкар

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ЛИРИКЕ В.М. ВАНЮШЕВА И А.Е. ВАНЕЕВА: ДИАЛОГ КУЛЬТУР*

В статье освещен широкий спектр философско-эстетических идей и художественных особенностей воплощения темы природы в поэзии А.Е. Ванеева и В.М. Ванюшева в литературно-культурном контексте Поволжья. Представлена система идей, связанных с пониманием человека и природы в произведениях авторов, исследована специфика образного мышления, отраженная в поэтике природоописаний. Прослежена эволюция взаимоотношений природы и человека в произведениях авторов, особенности ее художественного изображения, основные природные мотивы, образы, виды, которые в комплексе отражают основные мотивы натурфилософии XX столетия, позволяющие раскрыть идейно-эстетическое своеобразие литературы и культуры в целом.

Ключевые слова: коми поэзия, удмуртская поэзия, А.Е. Ванеев, В.М. Ванюшев, человек, природа, национальные образы мира, философская картина мира, национальное сознание, мироощущение этноса, культура, традиции, опыт патриархальной жизни.

Существуют писатели, значение творчества которых со временем только возрастает: каждое поколение читателей находит в их произведениях нечто новое, созвучное своей эпохе, одновременно актуальное и вечное. К числу таких творцов относятся А.Е. Ванеев (1933–2001) и В.М. Ванюшев (1936). Все ведущие идеи, тенденции в художественном искусстве, культуре XX в. нашли в их произведениях свое яркое воплощение, а сами они являются ключевыми фигурами в литературно-художественной жизни целой эпохи. Перечитывая лирику авторов, заново открываешь незамеченное прежде, переосмысливаешь, казалось бы, знакомое, погружаясь в новые глубины, возможно, одна из причин настоящей литературы – ее неисчерпаемость. Поэзия А.Е. Ванеева и В.М. Ванюшева – прежде всего поэзия духовного опыта, и в качестве таковой она обладает силой воздействия не только на литературу и эстетику, но и на духовно-культурную жизнь народа в целом. Укорененность в национальной культуре, опора на мифопоэтические образы определили своеобразие их поэзии, творчество авторов внесло ощутимый вклад в развитие финно-угорской словесности в XX в.

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ ИЯЛИ Коми НЦ УРО РАН: «Художественный опыт коми литературы в социокультурном контексте» (2026-2030 гг.). FUUU-2026-0005

Изучение творчества А. Ванеева и В. Ванюшева в аспекте духовно-культурного своеобразия представляется плодотворным и оправданным с точки зрения возможности реконструкции «философии жизни» поэтов, авторского мировидения, художественно воплощенного национального образа мира. Связь с родом, с окружающим миром, чувство земли, память, духовная традиция определяют нравственную концепцию человека в поэзии А. Ванеева и В. Ванюшева. В их лирике воплощается активная духовная сила памяти как высшей привязанности человека к земле, природе, к прошлому. Парадигма «природа – человек – родовой дом» в контексте поэзии авторов реализуется как некая духовная субстанция, «корневая» основа личности, универсальный концепт, тождественный понятиям мир (крестьянский), народ, человечество, по своей семантике приближающийся к пониманию «вселенского начала» (Ф.М. Достоевский). Подобная организация топоса реализует творческие ориентиры на восприятие человека в традиционно-культурном контексте. Вековой, исконный уклад народной жизни, лежащий в основе поэтического мироустройства авторов, это стержень, цементирующая идея. Природа в творчестве А. Ванеева и В. Ванюшева – это целая философия, воссоздающая авторскую концепцию бытия, прекрасная, глубоко поэтичная, жизнеутверждающая.

Артур Ванеев – член Союза писателей СССР (1965), народный поэт Республики Коми (1996), переводчик, исследователь коми поэзии, творчества основоположника коми литературы И.А. Куратова, лауреат Государственной премии Коми АССР им. И.А. Куратова (1979), заслуженный работник культуры Коми АССР (1988), общественный деятель, руководитель научной группы по созданию энциклопедии «Республика Коми».

Поэзия автора – размышления о северном крае, характере коми человека, его прошлом и настоящем, обычаях народа, поиск бытийных констант и основ человеческого существования, взаимоотношений с окружающей средой. О.И. Шайтанов утверждает, что, «открывая природу», каждая национальная культура открывает себя, свою самобытность [10, с. 14]. Проблема взаимоотношений человека и природы занимает А. Ванеева на протяжении всего его творческого пути; без понимания натурфилософских ее истоков и своеобразия созданный им художественный мир окажется закрытым для читателя. Осмысление природы в художественном сознании коми поэта можно назвать натурфилософским, т.к. естественная среда была для него постоянным объектом наблюдений и размышлений, понималась как вечная основа жизни человека. Понимание мира в лирике автора включало в себя вопрос о месте человека в природе и отношения природы к человеку, как один из важнейших для его индивидуальной мировоззренческой системы. Проблемы, в которых выразилась натурфилософская мысль, это – человек в масштабе земли, природа, определяющая национальную целостность, идентичность, определяющая пространственный менталитет народа-этноса.

Лирические произведения автора родились из духовной потребности художника вернуться к самому себе, к истокам народной души, к той «глубине природы», из которой он вышел. В них показаны окружающий мир и народный коми мир, увиденные глазами интеллигента, возвращающегося «к себе первоначальному», находящегося в нравственном поиске, пытающегося раскрыть в собственной жизни возможности, заложенные в нем природой, культурой, судьбой и вечностью. Произведения А. Ванеева объединены важнейшей для поэта темой глубинной взаимосвязи природы с национальной историей, мироощущением этноса, культурой, традициями, опытом патриархальной жизни.

Природа пронизывает небольшими вкраплениями почти все его тексты, она выступает не только в виде развернутых или свернутых статичных пейзажей (конкретных, символических или «вечных» картин), но и в форме динамичной, постоянно меняющейся живой стихии. Эта стихия существует не только вокруг материального вещественного мира, но проникает вовнутрь, в сферу духовного и философского диалога, в психологическую «оболочку» личности, независимо от контекста. В лирике А. Ванеева пейзаж возникает мотивированно, это ландшафт происходящего. Как правило, поэтическая роль природоописаний наполнена семантикой философии природы как одного из естественных откровений: по сравнению с жизнью отдельного человека, с его индивидуальной биографией, имеющей и начало, и конец, природа – один из немногих конкретно существующих перед нами видимых и осязаемых символов вечности. Выход в природу лирического героя – это выход в некую «иносферу», увеличивающую его масштаб за счет сближения с «материей вечности» [8, с. 114].

В стихотворениях «Гулыд яг» («Светлый бор»), «Чужан сиктын» (В родном селе), «Талун асылыс сёдз» (Сегодня утро ясное), «Войвывса гожём» (Северное лето), «Тёвся кыдзъяс» (Зимние березы), «Еджыд эрдъяс» (Земля белоснежная) описания природы, функционально связанные с социальной проблематикой, формируют соответствующий эмоциональный тон повествования. Поэтика природы здесь традиционна: непосредственные пейзажные описания, символико-рефлексивные, развернутые в образы природные мотивы и их вариации. Коми край в представлении поэта неповторим, отличается особой сказочной красотой:

Торъя муса овлӧ чужаніныд,
Ставыс сэні югыд, сӧстӧм, бур:
Сӧмын мича рӧмъяс аддзӧ синмыд,
Ньӧти тепкан кок улад оз сюр.
Югыдджыкӧсь сэні тувсов войяс,
Шемӧсмӧдӧ вӧр-ваыслӧн мич:
Торъя югӧр шондіыс сэн койӧ,

Мне мила земля моя родная:
Кажется мне – вся она светла.
Не дорога – радуга цветная
Предо мной ровнешенько легла.
Даже ночи вешние светлее,
Даже лес там выше и стройней,
Даже солнце ласковей под нею,

Торъя шӧвкӧн лӧставлывлӧ видз.
Шаньӧсьджык сэн весиг арся зэръяс –
На вылӧ и элясьны оз позь.
…Мӧд ног гортӧс казьтывны ог вермы,
Мед кӧть сэсся эскасны коть оз
[4, с. 77].

Даже травы шелка зеленей.
Я и в дождь осенний грешным словом
В горький час в сердцах не оболгу.
Не скажу о родине плохого.
Верьте иль не верьте – не могу.
[6, с. 13]. (Перевод А. Смольникова.)

В цикле сонетов А. Ванеева о родной земле «Чужан сикт йылысь сонетъяс» (Сонеты о родном селе) – соединение пейзажной и философской лирики. Пейзажной лирике поэта присуще традиционное последовательное, неспешное повествование с использованием приема психологического параллелизма и живописной детали. Как правило, это пейзаж с привычным «местным колоритом», вызывающий ассоциации с землей-кормилицей. Перед читателем – чувственно зримая и слышимая красота мира. Впечатляет живописность многих пейзажных стихотворений о деревне, о родной природе, в которых ностальгия по отчему дому воплощается в идиллическую картину, возникает лирический портрет деревни как живого существа: «Эм чужан сикт» (Есть родное село), «Товся асыв» (Зимнее утро), «Кутшӧм сӧстӧма дзирдалӧ лым» (Как девственно сверкает снег), «Ме локта гортӧ» (Я возвращаюсь домой), «Сӧстӧм пожӧмъяс» (Чистые сосны).

Кымын ола, пыді гӧгӧрвоа
Вӧрлысь мывкыд, сылысь этш да сям.
Сійӧ меным кыв-вора и ловъя,
Мӧвпалысь, и вильшасьысь, и рам.
Кымын ола, ясыддыка аддза,
Кутшӧм дона вӧр и ва, и му.
Корсюрӧ нин чайтсьӧ, мый ме ачым
Парма чуркйын быдмысь ловъя пу
[3, с. 66].

Чем дольше живу, тем все глубже понимаю
Разум леса, его силу и нрав.
Он для меня красноречивый и живой,
Думающий, озорной и скромный.
Чем дольше живу, тем яснее вижу,
Как мне дороги лес, и вода, и земля.
Иногда мне кажется, что я и сам –
Дерево, растущее в родной парме.
[5, с. 7]. (Перевод Г. Иванова.)

В трудах об обусловленности особенностей национальной литературы своеобразием создающего его народа Г.Д. Гачев утверждает, что всякая национальная целостность есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психология), склада мышления (Логос): первое очевидное, что определяет лицо народа – это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю… Здесь коренится и образный арсенал национальной культуры (архетипы, символы), метафорика литературы, сюжеты искусства – все весьма стабильные [7, с. 27–28].

Для лирического героя А.Е. Ванеева, стремящегося удержать в памяти очертания деревьев, земли, облаков, идущего проселочными дорогами, «по деревням», это означает вернуться к истокам культуры, к природе, к осознанию

своего долга перед родной землей. Для поэзии коми автора характерно осознание собственной идентичности, стремление найти «код» к первоначалам жизни, к первозданной природе:

Эм коми му.
Эм чужан сикт,
И керка,
Кӧні потан менам вӧвлі,
Кӧн мукӧд пӧрысь пӧчъяс моз жӧ дзик
Се мусса пӧчӧй сьывліс меным: «Ӧввӧ!»
[3, с. 51].

Земля есть коми,
Есть село родное
И старый дом в таежном том краю
Где бабушка,
Склонившись надо мною,
У люльки пела: «Баюшки-баю!»
[6, с. 35]. (Перевод И. Лашкова.)

В 1988 г. А.Е Ванеев опубликовал сборник «Войвывса сонетъяс» (Северные сонеты), в который вошли стихотворения, посвященные природе коми края, людям, живущим на этой земле, родителям.

Особенности мировоззрения и мировосприятия А.Е. Ванеева во многом определяются направлением развития философии природы, которая становится одним из важнейших элементов его концепции мира и человека. Описания природы – общая и важнейшая черта его поэтики, складываясь в систему, они обусловливают эстетическое и философское единство произведений, отражают логику его творческой эволюции. Идеи натурфилософии о целостности и гармонии природы и человека, их отношений друг с другом, соотносящиеся с народной философией и этикой, являются организующими в поэтике природоописаний автора.

Василий Ванюшев – член Союза писателей Российской Федерации, доктор филологических наук, действительный член Международной педагогической академии, главный научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, профессор Удмуртского государственного университета. Он лауреат Государственной премии Удмуртской Республики (1996), Всечувашской национальной премии им. И.Я. Яковлева (1992), заслуженный работник культуры Удмуртии (1986), заслуженный деятель науки Удмуртии (1995), заслуженный работник культуры Чувашии (1995), народный писатель Удмуртии (2006), почетный гражданин Кизнерского района Удмуртии (2008), лауреат Всеудмуртской национальной премии имени Кузебая Герда (2009), лауреат премии Правительства Удмуртской Республики (2014). Награжден орденом Дружбы (2012) [9, с. 72].

Особая любовь поэта к теме природы была замечена после публикации его первой книги – сборника очерков о родном крае «Нити времен» (1972) на русском языке, сборников стихотворений «Выжыосы» («Родные корни», 1975), «Шунды но гудыри» («Солнце и гроза», 1980) [1, с. 75]. Темы родной Удмуртии, взаимоотношения человека и природы, города и деревни, связь вре-

мен и поколений для В.М. Ванюшева определяющие: «Я Удмурт», «Друзья, и хлеб, и чистая вода», «Я шел, собираясь прочистить родник…», «Лето», «Ласточки», «Ростки», «Из лесу», «Приезжаю зимою я к маме…», «Снег», «Смородиновый куст», «Цветы».

Вековой, исконный уклад народной жизни, лежащий в основе его поэтического мироустройства – это стержень, цементирующая идея, природа в творчестве В. Ванюшева – это целая философия, воссоздающая авторскую концепцию бытия: она прекрасная, глубоко поэтичная, жизнеутверждающая.

Образ родника из стихотворения «Я шел, собираясь прочистить родник…» – обозримая упорядоченная гладь. Стихия воды создает атмосферу движения, динамики, перемещения. Вместе с тем это исследование движения человеческой души в самых ее, казалось бы, незаметных проявлениях, переданное через тонкие зарисовки различных мгновений в жизни природы:

Я шел, собираясь прочистить родник,
Чтоб всякий к нему благодарно приник.
Был путь к роднику через речку непрост –
Там хлюпал подгнившими досками мост.
И я подновил его дряхлый настил,
Чтоб всякий без страха мостом проходил.
Родник все зовет, все торопит – беги!..
Да кто-то калину сломал у реки,
И цвет белоснежный привядший опал…
Но я ее ствол по пути подвязал.
Спешу к роднику...
Только вижу вокруг
Дела, что моих дожидаются рук.
Когда я пришел к роднику, то вдали
Уж солнце скрывалось за краем земли.
Родник, не гневись, припозднился чуть-чуть,
Недальний, но хлопотный выдался путь.

(Перевод Б. Романова.)

В лирике удмуртского поэта чувствуется уважение к мощи плодородия земли и природы в целом, его убежденность в естественной красоте и гармонии жизни. Прекрасное в природе – ключевая категория в эстетике автора; в ее понимании он полагается на народное традиционное сознание, естественнонаучные знания и свой собственный опыт. В результате во всем наследии В.М. Ванюшева утверждается объективность красоты мира, при этом красота не ограничивается внешними, «портретными» чертами: вся жизнь в природе прекрасна. В лирике чувствуется неподдельное родство с окружающим, восхищение, детское удивление. Детскость – это свежесть восприятия, эмоциональность, радостная открытость миру и доброта.

Явления природы, как правило, изображаются В.М. Ванюшевым в динамике. Удмуртский поэт учитывает один из основных принципов существования материи (в художественном образе) – движение, процессы, перемещения, взаимопереходы и взаимодействия, которые отражают изменчивость жизни природы. Динамичность пейзажа создается подбором глагольных форм: «солнце садилось, «спешили из чащи грибной», «все зазеленело», «густеет ночь», «тропинка петляла несмело», «плясали колосья». Движением отмечена также жизнь человеческого общества и личности, причем формы движения в значительной мере повторяют те, что характерны для природного мира (циклы трудовой, общественной жизни, этапы биографии отдельного человека).

Мотив возвращения к истокам (возвращение в деревню, погружение в древнюю историю удмуртов) является одним из основных в произведениях В.М. Ванюшева. Возвращение в отчий дом, в лоно природы дарует лирическому герою утраченную гармонию:

Снова снится деревня родная,
И гляжу я с холма на поля,
Сверху мельничный пруд узнавая,
Нашу кузницу и тополя…
Это кровь моих прадедов властно
Призывает в родные места…
Как давно я уехал!
Но всюду
Образ отчего дома берег!...
И деревня, как детство, мне снится,
И зовут дорогие поля;
И вздыхает, склоняясь, пшеница,
И, желтея, шумят тополя…

(Перевод Б. Романова.)

Образ отчего дома в данном контексте обретает дополнительный метафорический смысл: дом как гарантия защищенности, как центр мира с внутренним единством и упорядоченностью, объединяющий все поколения, основа стабильности и надежности, олицетворение родной природы и космического устройства, стержень национального мира. Родная деревня, родной край, отчий дом в широком смысле являются энергетическим центром, идеальным миром, куда лирический герой, уставший от цивилизации, от отсутствия в ней природного начала, возвращается, чтобы обрести новые силы. Дом символизирует в данном случае освоенное пространство, где человек рождается и куда возвращается из любых странствий, где находится в безопасности, в гармонии с мирозданием. Ассоциативно в читательском сознании возникает образ евангельского блудного сына, странствующего и возвращающегося.

Большинство стихотворений В.М. Ванюшева посвящено весне и осени; эти два времени года примыкают, с одной стороны, к зиме – полюсу мрака, неподвижности и забвения, с другой – граничат с летом, которое проявляет себя как безудержная стихия расцвета окружающего мира, захлестывающая энергия, скрепляющая вселенную воедино. Разработка лирико-философских тем осуществляется автором в рамках условно автономной художественной картины, что придает запечатленному в ней фрагменту бытия самодостаточный характер. В произведениях поэт ярко и глубоко выражает самую сущность природы – многообразие и вечную изменчивость. В лирике можно встретить элементы сказочного пейзажа (сплошной дремучий лес, глушь дубрав, россыпь звезд, лесная чащоба), придающие определенную таинственность изображаемому. Плавное повествование, богатое перечисление природных образов и их описание, последовательное развитие темы движения как основы существования земного мира – основные черты поэтики пейзажной лирики В. Ванюшева.

В эволюции творчества В.М. Ванюшева и А.Е. Ванеева параллельно развиваются две тенденции: одна, тесно связанная с культурной парадигмой рубежа веков, обусловленная преимущественно эстетическими приоритетами, а вторая – надэпохальная, определяющаяся главным образом потребностью в выражении духовного опыта. Пейзажная лирика авторов полна непосредственности, остроты восприятия природы, пейзажи проникновенны, стихи наполнены свежестью. Художники и мыслители напомнили своим творчеством, что природа как объект искусства – ценнейшая, доступная всем реальность.

Литература и источники

1. *Богомолова З.А.* Писатели и литературоведы Удмуртии. – Ижевск, 2006. – 219 с.
2. *Ванеев А.* Бара кылалӧ йи… – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. – 72 л.б.
3. *Ванеев А.Е.* Ловъя би. Кывбуръяс да поэмаяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 257 л.б.
4. *Ванеев А.Е.* Гыяс: кывбуръяс да поэмаяс. – Сыктывкар: 1999. – 368 л.б. с.
5. *Ванеев А.Е.* Снежная Республика моя. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. – 76 с.
6. *Ванеев А.Е.* Наша ягода – брусника: Стихи / пер. с коми. – М.: Современник, 1983. – 159 с.
7. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира: Курс лекций. – М.: Акад., 1998. – 245 с.
8. *Сильман Т.И.* Заметки о лирике. – Л.: Советский писатель, 1977. – 224 с.
9. Ученый. Поэт. Публицист: к 85-летию со дня рождения и 60-летию творческой деятельности В.М. Ванюшева: коллективная моногр. / УдмФИЦ УрО РАН; сост. и отв. ред. Р.В. Кириллова. – Ижевск, 2021. – 292 с.
10. *Шайтанов И.О.* Ф.И. Тютчев: поэтическое открытие природы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 127 с

Olga Ziyavadinova

MAN AND NATURE IN THE LYRICS OF V. M. VANYUSHEV AND A.E. VANEEV: DIALOGUE OF CULTURES

The article covers a wide range of philosophical and aesthetic ideas and artistic features of the realization of the theme of nature in the poetry of A. E. Vaneev and V. M. Vanyushev in the literary and cultural context of the Volga region. A system of ideas related to the understanding of man and nature is presented, the specifics of figurative thinking reflected in the poetics of nature descriptions are studied. The evolution of the relationship between nature and man in the works of the authors, the features of its artistic depiction, the main natural motifs, images, views, which in combination reflect the main motifs of natural philosophy of the twentieth century, allowing to reveal the ideological and aesthetic originality of literature and culture as a whole, are studied.

Keywords: Komi poetry, Udmurt poetry, A. E. Vaneev, V. M. Vanyushev, man, nature, national images of the world, philosophical picture of the world, national consciousness, worldview of an ethnic group, culture, traditions, experience of patriarchal life.

УДК 811.511.151

М.А. Ключева
г. Йошкар-Ола

ИМЕННОЕ ЧИСЛО В ПАМЯТНИКЕ МАРИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ «НАЧАТКИ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ...» (1841)

В статье представлено исследование грамматической категории числа имен существительных в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения» (Кючикъ катехизис), изданного в Казани в 1841 г. Анализ проводится в сопоставлении с марийским литературным (лугово-восточным) языком, луговыми диалектами, а также с языковыми данными памятников марийской письменности XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: марийский язык, волжский диалект марийского языка, памятники письменности, именная морфология, грамматическое число.

В данной статье представлена часть нашего исследования именной морфологии памятника марийской письменности 1841 г. «Начатки христіанского ученія или Краткая священная исторія и краткій катихизисъ, на черемискій языкъ луговаго нарѣчія переведенные въ Казани 1839 года» [12; 13][1]. Предмет анализа – показатель числа имен существительных в тексте этой книги и особенности его применения.

В марийском языке большинство имен существительных изменяется по числу. В форме единственного числа показатель числа отсутствует (нулевой суффикс), а для выражения множественности в современном литературном лугово-восточном марийском языке используются показатели *-влак* (основной в официальном стиле), *-шамыч* (может маркироваться как диалектный [27, с. 40]), *-мыт*, *-ла.* Первые два записываются через дефис со словом, а *-мыт* и *-ла* – слитно. Суффикс *-мыт* используется со словами, выражающими групповую множественность людей (в основном термины родства, собственные имена), *-ла* – обычно с именами существительными, имеющими пространственное значение [33, с. 8].

В марийских диалектах показатели *-шамыч*, *-мыт*, *-ла* характерны для говоров лугового наречия, тогда как *-влак* вошел в литературный язык из восточного наречия. В говорах восточного наречия (малмыжском, шурминском) и примыкающим к ним говорах лугового наречия (Мари-Турек, Косолапово) встречается показатель *-лак* (как фонетический вариант *-влак*) [6, с. 53; 4, с. 61].

[1] Ранее был также составлен электронный словарь по данному памятнику письменности [10] и описана его глагольная морфология [11].

В моркинско-сернурском говоре лугового наречия отмечается также показатель множественного числа *полко*, в основном с существительными, означающими людей [6, с. 33] < рус. *полк* (для обозначения множественности лиц одного пола (круга) или вида (семейства) [23, с. 93]. В сернурском подговоре вместо *-шамыч* может использоваться *-шач* (с. Казанское, п. Сернур) [6, с. 33; 19, с. 135]. В йошкар-олинском говоре лугового наречия ввиду фонетических особенностей аффрикат в этом диалекте соответствием обще-луговому *-шамы**ч*** является *-шамы**ц***.

В северо-западном наречии показатели множественного числа: *-влӓ, -мыт* (*-мӹт*), *-ла* (*-лӓ*), *-шӓмӹц* (*-шӓц*), *-полык* [7, с. 100][2]. В горном наречии – показатели *-влӓ, -мыт* (*-мӹт*), *-ла* (*-лӓ*), *волкы* [23, с. 89]. В литературном горномарийском все показатели множественного числа записываются слитно со словом, кроме *волкы*, который записывается раздельно (~ мар. Л *полко*, мар. СЗ *-полык*).

В «Начатках…» присутствует только один показатель множественного числа – основной для лугового наречия *-шамыч* (записывается как *ша́мычь* ~ *шамычь* через дефис со словом или раздельно, реже слитно). В предисловии исследуемого памятника также содержится указание на фонетический вариант *шамыц* для ареала йошкар-олинского говора лугового наречия[3]. Полное избегание показателя *-ла* в словах, означающих пространственные понятия, вступает в противоречие с ожиданиями его применения, с точки зрения современного носителя марийского языка, в некоторых конкретных случаях: *ве́рь-ша́мычь штэ* ‘в местах’ – литер. только *верла**ш**те*, *ве́рь ша́мычь шкѐ* ‘в места’ – литер. только *верлаш(ке)*, *ола̀-ша́мычь штэ* ‘в городах’ – литер. только *олала**ш**те*. Соответственно, и в Корпусе марийского литературного языка [14]: *верлаште* (734 словоупотребления), *вер-шамычыште* (0), *вер-влакыште* (2); *верлашке* (275), *вер-шамычышке* (0), *вер-влакышке* (0); *олалаште* (317), *ола-шамычыште* (0), *ола-влакыште* (0).

Однако полное отсутствие других показателей числа кроме *-шамыч* в «Начатках…» – далеко не уникальная ситуация. В первой «Черемисской грам-

[2] В северо-западном и луговом наречиях некоторые исследователи отмечали наличие показателя множественного числа *-(ы)шт: -ышт* (моркинско-сернурский говор) [6, с. 33] ~ *-шт* (волжский говор) [18, с. 13] ~ *-шт* (*-ышт, -ӹшт, -ыш, -ӹш*) (северо-западное наречие) [7, с. 100]. Но этот формант фактически является притяжательным суффиксом 3-го л. мн. ч. (POSS.3PL) [7, с. 102–104; 30, с. 23], поэтому в ряду суффиксов множественного числа его не рассматриваем.

[3] Цитата: «...въ приходахъ: Азановскомъ, Акашевскомъ, Кузнецовскомъ, Цибикнурскомъ и Нурминскомъ, въ словахъ множественнаго числа, кончающихся на шамычь, вместо буквы ч надлежитъ употреблять букву ц. Напримѣръ: вмѣсто пашà-ша́мычь дѣлà, эргэ-ша́мычимъ сыновь, должно читать: пашà-ша́мыцъ, э́ргэ-ша́мыцымъ» [21, страница без номера в начале книги].

матике» тоже встречается только один показатель числа – *шамыцъ* [28], в Катехизисе 1804 г. – только *влѧ* [20], а в книгах лугового наречия 1870-х гг. и позже – только *шамыч* [32; 1; 15; 16; 24; 17]. Показатель мн. ч. *-мыт*, который используется в марийском языке только с собственными и одушевленными нарицательными именами существительными [30, с. 28], отсутствует и в последующих изданиях лугового наречия 1880-х гг. [25; 2; 29; 3]. Первая фиксация слова с *-мыт*, которую нам удалось обнаружить, относится к 1884 г.: *ачамыт* ‘отец.PL’, *ачамытон* ‘отец.PL.GEN’ [25, с. 50, 51], а первую фиксацию суффикса *-ла* еще предстоит найти (вероятно, в еще более позднем пласте марийской литературы)[4]. Аффиксы *-ла* и *-мыт* значительно менее употребительные, чем *-шамыч*, и в современных луговых диалектах. Так, в текстах волжского говора, по нашим полевым записям, фиксируются только суффиксы *-шамыч* и *-мыт*, а суффикс *-ла*, по комментариям носителей, встречается в волжском говоре очень редко, например, допустимо *кӧрӧклаште* ‘в горах’. Об истории показателей числа *-шамыч*, *-мыт*, *-ла* в марийском языке см. [4, с. 64–70].

Слова с показателем множественности *-шамычь* в «Начатках…» весьма частотны, например, в номинативе почти 70 существительных, не считая вариантов написания и словоупотреблений: *айдэ̀мъ-ша́мычь* ‘люди’ (24 словоупотр.) ~ *айдэ̀мъ ша́мычь* ~ *айдэ̀мъ-шамычь* ~ *айдэ̀мъ шамычь* ~ *айде́мъ ша́мычь* ‘люди’ – литер. *айдеме-влак* ~ *айдеме-шамыч*; *Апо́столъ-ша́мычь* ‘апостолы’ ~ *Апо́столъ ша́мычь* – литер. *апостол-влак* ~ *апостол-шамыч*, *Архіерѐй-ша́мычь* ‘архиереи’ ~ *Архіерѐй ша́мычь* – литер. *архиерей-влак* ~ *архиерей-шамыч*, *ачà-ша́мычь* ‘отцы’ – литер. *ача-влак* ~ *ача-шамыч* и т.д.:

времà шамычь ‘времена’ ~ *вре́ма ша́мычь, возіо^мà шь-(сирмà шь) ша́мычь* ‘писания’ ~ *возіо^мà шь (сирмà шь) ша́мычь*, *Евангелѝстъ ша́мычь* ‘евангелисты’, *Еврѐй-ша́мычь* ~ *Еврѐй ша́мычь* ‘евреи’, *и́гарь-ша́мычь* ‘близнецы’, *и́кшебэ-ша́мычь* ‘дети’ ~ *и́кшэбэ-ша́мычь* ~ *икшебэ ша́мычь*, *инг^ъ-ша́мычь* ‘люди’, *іо^лдà шь-ша́мычь* ‘друзья’, *Іудѐй-ша́мычь* ‘иудеи’, *ка́икъ ша́мычь* ‘птицы’ ~ *ка́икъ-ша́мычь*, *ка́лыкъ ша́мычь* ‘народы’ ~ *ка́лыкъ-ша́мычь*, *коача-ша́мычь* ‘праотцы’, *Кугужà-ша́мычь* ‘цари’ ~ *кугужà ша́мычь*, *ку́лъ-ша́мычь* ‘рабы’, *ку́румъ ша́мычь* ‘века’ ~ *ку́румъ-ша́мычь*, *канагà-ша́мычь* ‘книги’, *кечеша́мычь* ‘дни’, *кэ̀дъ ша́мычь* ‘руки’, *ко́лочо-ша́мычь* ‘рыбаки’, *кю̀-ша́мычь* ‘камни’, *кюштэма́шь шамычь* ‘заповеди’, *Левѝтъ-ша́мычь* ‘левиты’, *лю́мъ-*

[4] В современном тексте Нового Завета на марийском языке [31] встречаются все основные показатели множественного числа современного литературного языка: *-шамыч*, *-влак*, *-мыт* (например: *кӧмыт* ‘кто.PL’, *кугуракмыт* ‘большой.COMP.PL’), *-ла* (например: *верла* ‘место.PL’, *олала* ‘город.PL’, *курыкла* ‘гора.PL’ в различных падежах). Но в книгах лугового наречия 1880-х гг. слов с основой «город», «место», «гора» и с суффиксом *-ла* мы не обнаружили.

ша́мычь ‘имена’, *марӳ-ша́мычь* ‘марийцы’ ~ *Марӳ-ша́мычь* ~ *Мари-ша́мычь*, *мо́гуръ-ша́мычь* ‘тела’, *моли́тва-ша́мычь* ‘молитвы’, *орӧлъ ша́мычь* ‘сторожа’, *парӗ̀мъ ша́мычь* ‘праздники’ ~ *парӗ̀мъ шамычь* ~ *парӗ̀мъ-ша́мычь*, *патрӥа̀рхъ ша́мычь* ‘патриархи’ ~ *Патрӥа̀рхъ-ша́мычь*, *пашӑ̀ ша́мычь* ‘дела’ ~ *пашӑ̀-шамычь* ~ *пашӑ̀-ша́мычь*, *погономӑ̀шь-шамычь* ‘собрания’ ~ *погономӑ̀шь-ша́мычь*, *по́пъ-ша́мычь* ‘попы’, *Прорӧ̀къ-ша́мычь* ‘пророки’ ~ *Прорӧ̀къ ша́мычь*, *пуше́нгэ ша́мычь* ‘деревья’, *пӱ́рдышь-ша́мычь* ‘стены’, *пюрюмӑ̀шь-ша́мычь* ‘твари (создания)’, *Римля̑нъ-ша́мычь* ‘римляне’, *Са́гче ша́мычь* ‘ангелы’, *Святӧ̆й-ша́мычь* ‘святые’, *су́ксъ-ша́мычь* ‘ангелы’, *сіо^рмашь ша́мычь* ‘обещания (обетования)’, *тэ́нг^исъ-ша́мычь* ‘моря’, *тэрӓ̀-ша́мычь* ‘судьи’, *тушмӑ̀нъ ша́мычь* ‘враги’ ~ *тушмӑ̀нъ-ша́мычь*, *туштэмӑ̀шь-шӑ̀мычь* ‘притчи’, *унукӑ̀-ша́мычь* ‘внуки’, *Це́рьке-ша́мычь* ‘церкви’, чӧнъ-ша́мычь ‘души’, *чудӑ̀ ша́мычь* ‘чудеса’, *шиндзӑ̀-ша́мычь* ‘глаза’, *шо́лӥо^-ша́мычь* ‘младшие братья’, *шонмӑ̀шь-ша́мычь* ‘мысли’ ~ *шонмӑ̀шь ша́мычь*, *шо́яче ша́мычь* ‘клеветники’, *шюдмӑ̀шь шамычь* ~ *шюдма́шь-ша́мычь* ‘заповеди’, *шюдмӑ̀шь (кюштэмӑ̀шь) ша́мычь* ‘заповеди’, *шюрьгэша́мычь* ‘щеки’, *шю́люшь-шамычь* ‘духи’, *ы^ндырмӑ̀шь-ша́мычь* ‘страдания’, *энӓ̀рь-ша́мычь* ‘реки’, *э́рдыжъ ӥ́нг^ъ-ша́мычь* ‘странники’ ~ *э́рдышъ ӥ́нг^ъ-ша́мычь*, *э́ргэ-ша́мычь* ‘сыновья’, *ю^дурямӑ̀шь ша́мычь* ‘женщины’ ~ *ю^дурямӑ̀шь-ша́мычь*, *Ю́мо-ша́мычь* ‘боги’ ~ *Ю́мо ша́мычь*, *я́зыкъ (су́лукъ) ша́мычь* ‘грехи’, *v^лмэ-ша́мычь* ‘языки’.

Кроме номинатива, существительные с показателем множественного числа встречаются в «Начатках…» в косвенных падежах: субъектно-объектных (аккузативе, генитиве, дативе) и местных (инессиве, иллативе и аблативе)[5]. Падежный суффикс находится в существительном после показателя множественности, что соответствует литературной норме и речевой практике во всех диалектах. Записывается он в «Начатках…» слитно со словом (в ACC, GEN), раздельно (в INE, ILL) либо по-разному: слитно ~ раздельно ~ через дефис (в DAT); раздельно ~ через дефис (в ABL). Такое графически разнородное написание составляет выраженную особенность «Начаток…» – в литературной норме все падежные суффиксы пишутся слитно со словом, для слов во множественном числе – слитно с предшествующим суффиксом PL, например: литер. *каче-шамыч**ым*** ‘женихов (жених-PL.ACC)’.

[5] Не встречаются в «Начатках…» слова с показателем множественности в симилятиве, комитативе (компаративе), абессиве. Эти падежные формы и в литературной норме не имеют форм числа, что отмечено в [27, с. 70]. Хотя в книге Timothy Riese, Jeremy Bradley, Tatiana Yefremova «Mari (марий йылме). An Essential Grammar for International Learners» (2022 г.) указывается на возможность подобных форм в симилятиве и комитативе [39, с. 89, 91]. Редкие тому примеры зафиксированы и в Корпусе марийского языка, например: *вате-влакла* ‘как женщины’, *калык-влакге* ‘с народами’ [14].

Слова с *-шамычь* склоняются по падежам по правилам слов с основой на согласный звук, описанных ранее в [12, с. 40–48], т.е. вполне соответствуя системе памятника «Начатки…» и с минимальными отличиями от правил современного литературного языка. Последние отражаются на уровне фонетики, а именно: в местном и направительном падежах отсутствует соединительный гласный между конечным согласным показателя числа и последующим согласным падежного суффикса (– литер. *ы*); в аккузативе и генитиве соединительный гласный выражается графемой *и* (– литер. *ы*).

Примеры существительных с показателем множественного числа в косвенных падежах:

PL.ACC: *о́монъ-ша́мычимъ* ‘сны’ ~ *о́монъ-шамычимъ* – литер. *омо-влакым ~ омо-шамычым; пашà-ша́мычимъ* ‘дела́’ ~ *пашà ша́мычимъ* – литер. *паша-влакым ~ паша-шамычым; По́пъ-ша́мычимъ* ‘попов’ – литер. *поп-влакым ~ поп-шамычым* и т.д.:

айдэ̀мъ ша́мычимъ ‘людей’ ~ *айдэ́мъ-ша́мычимъ, азà-ша́мычимъ* ‘младенцев’, *азàпъ-ша́мычимъ* ‘беды’, *акрì̀дъ-ша́мычимъ* ‘акрид’, *Апо́столъ ша́мычимъ* ‘апостолов’ ~ *Апостолъ-ша́мычимъ* ~ *Апо́столъ-ша́мычимъ, Архіѐреша́мычимъ* ‘архиереев’, *ба́ринъ-ша́мычимъ* ‘баринов’, *ва́тэ-ша́мычимъ* ‘жен’, *во́ліо^къ-ша́мычимъ* ‘скотину’, *вю̀дъ-ша́мычимъ* ‘воды’, *Грѐкъ-ша́мычимъ* ‘греков’, *Діа́конъ-ша́мычимъ* ‘дьяконов’, *Ева́нгеліе-ша́мычимъ* ‘Евангелия’, *Еврѐй-ша́мычимъ* ‘евреев’, *Египтя́нъ-ша́мычимъ* ‘египтян’, *и́кшебэ-ша́мычимъ* ‘детей’, *и́нг^ъ-ша́мычимъ* ‘людей’ ~ *инг^ъ-ша́мычимъ, іо^лдà̀шь ша́мычимъ* ‘друзей’, *Іудѐй-ша́мычимъ* ‘иудеев’, *ія-ша́мычимъ* ‘чертей’, *ка́икъ-ша́мычимъ* ‘птиц’, *канагà-ша́мычимъ* ‘книги’, *кече ша́мычимъ* ‘дни’, *ко́лъ-ша́мычимъ* ‘рыбу’ ~ *ко́лъ ша́мычимъ, кӳлъ-ша́мычимъ* ‘рабов’, *кэ̀дъ-ша́мычимъ* ‘руки’, *о́бразъ-ша́мычимъ* ‘образы’, *Прорò̀къ ша́мычимъ* ‘пророков’, *пӳчь-ша́мычимъ* ‘трубы’, *салдà̀къ-ша́мычимъ* ‘солдат’, *сӳртъ-ша́мычимъ* ‘дворы’, *Сирія́нъша́мычимъ* ‘сирийцев’, *Са́гче ша́мычимъ* ‘ангелов’, *сіо^рьма́шь-ша́мычимъ* ‘обетования’, *тэ́нг^изъ-ша́мычимь* ‘моря’, *ута́рше-ша́мычимъ* ‘избавителей’, *чодрà-ша́мычимъ* ‘леса’, *чодрà-ка́икъ-ша́мычимъ* ‘лесных зверей (дичь)’ ~ *чодрà ка́икъ-ша́мычимъ, чò̀нъ-ша́мычимъ* ‘души’, *ши́дырь-ша́мычимъ* ‘звезды’, *шомà̀къ ша́мычимъ* ‘слова’ ~ *шомà̀къ-ша́мычимъ, шю́люшь ша́мычимъ* ‘духов’ ~ *шю́люшь-ша́мычимъ, ы^ндырмà̀шь-ша́мычимъ* ‘страдания’, *энэ̀рь-ша́мычимъ* ‘реки’, *Ю́мо-ша́мычимъ* ‘богов’, *ю^дурямà̀шь ша́мычимъ* ‘женщин’, *я́зыкъша́мычимъ* ‘грехи’ ~ *я́зыкъ (сӳлукъ) ша́мычимъ* ~ *сӳлукъ-ша́мычимъ*[6].

PL.GEN: *икшебэ ша́мычинъ* ‘детей’ – литер. *икшыве-влакын ~ икшывешамычын*, *кютӳ́чо-шамычинъ* ‘пастухов’ – литер. *кӳтӳзӧ-влакын ~ кӳтӳзӧ-*

[6] См. также дальше примеры сочетания в слове притяжательного суффикса, показателя числа и аккузатива.

шамычын, *Са́гче ша́мычинъ* ‘ангелов’ – литер. *суксо-влакын ~ суксо-шамычын ~ сакче-шамычын* и т.д.:

айдэ̀мъ ша́мычинъ ‘людей’ ~ *айдэ̀мъ-ша́мычинъ*, *Апо́столъ-ша́мычинъ* ‘апостолов’ ~ *Апо́столъ ша́мычинъ*, *Архіерэ̀й-ша́мычинъ* ‘архиереев’, *Маккавэ̀й-ша́мычинъ* ‘Маккавеев’, *о́бразъ ша́мычинъ* ‘образов’, *пашà-ша́мычинъ* ‘дел’, *Прорòкъ-ша́мычинъ* ‘пророков’, *салдàкъ-ша́мычинъ* ‘солдат’, *Святòй ша́мычинъ* ‘святых’, *ша́мытъ-ша́мычинъ* ‘седьмин’, *Ю́мо-ша́мычинъ* ‘богов’, *я́зыкъ (су́лукъ) ша́мычинъ* ‘грехов’.

PL DAT (PL.DAT): *Іудэ̀й-ша́мычьланъ* ‘иудеям’ ~ *Іудэ̀й ша́мычь ланъ* – литер. *иудей-влаклан ~ иудей-шамычлан*, *ка́лыкъ ша́мычь ланъ* ‘народам’ – литер. *калык-влаклан ~ калык-шамычлан*, *кугужà-ша́мычь ланъ* ‘царям’ – литер. *кугыжа-влаклан ~ кугыжа-шамычлан* и т.д.:

айдэ̀мъ-ша́мычьланъ ‘людям’ ~ *айдэ̀мъ ша́мычьланъ ~ айдэ̀мъ ша́мычь ланъ ~ айдэ̀мъ-ша́мычь ланъ ~ айдэ̀мъ-ша́мычланъ*, *Апо́столъ-ша́мычь ланъ* ‘апостолам’ ~ *Апо́столъ ша́мычь ланъ ~ Апо́столъ ша́мычьланъ*, *и́кшэбэ-ша́мычь ланъ* ‘детям’ ~ *икшэбэ-шамычь ланъ ~ и́кшебэ-ша́мычь-ланъ*, *инг^ъ-ша́мычьланъ* ‘людям’, *кютӱ́чо-ша́мычьланъ* ‘пастухам’, *о́бразъ ша́мычъ ланъ* ‘образам’, *пӱ́ре-моша́мычьланъ* ‘тварям (созданиям)’, *Святòй ша́мычъ ланъ* ‘святым’, *ӱ́рлукъ-ша́мычь ланъ* ‘рода́м’, *Ю́мо-ша́мычьланъ* ‘богам’ ~ *ю́мо-ша́мычьланъ ~ юмоша́мычьланъ ~ Ю́мо-ша́мычь ланъ*, *и́долъ ша́мычьланъ* ‘идолам’, *юдурямàшь-ша́мычь ланъ* ‘женщинам’.

PL INE (PL-INE): *канагà-ша́мычь-штэ* ‘в книгах’ ~ *канагà-ша́мычь штэ ~ канагà ша́мычь штэ* – литер. *книгаште ~ книга-влакыште ~ книга-шамычыште*; *ве́рь-ша́мычь штэ* ‘в местах’ – литер. *верлашке*, *олà-ша́мычь штэ* ‘в городах’ – литер. *олалаште*; *погономàшь ша́мычь штэ* ‘на собраниях’ – литер. *погынымаште ~ погынымашыште*; *шомàкъ-ша́мычь штэ̀* ‘в словах’ – литер. *шомакыште*.

PL ILL: *ве́рь ша́мычь шкѐ* ‘в места’ – литер. *верлашке*.

PL ABL[7]: *Апо́столъ-ша́мычь лэчь* ‘от апостолов’, *Апо́столъ ша́мычь лэчь варà* ‘после апостолов’, *и́нг^ъ ша́мычь лэчь* ‘от людей’, *Іудэ̀й-ша́мычь лэчь* ‘от иудеев’, *вре́ма ша́мычь лэчь о́жно* ‘до времен’, *ку́румъ-ша́мычь лэчь о́жно* ‘до веков’, *пашà-ша́мычь лэчь* ‘от дел’, *су́лукъ-ша́мычь-лэчь* ‘от грехов’, *шонмàшь ша́мычь лэчь* ‘от мыслей’ ~ *шонмàшь-ша́мычь лэчь*, *я́зыкъ ша́мычь лэчь* (*су́лукъ-ща́мычь-лэчь*) ‘от грехов’.

Суффиксы множественного числа используются в «Начатках...» не только с существительными, но и со словами других частей речи: прилагатель-

[7] Аблатив не входит в систему падежей марийского литературного языка, поэтому литературные соответствия здесь (и далее) не приводятся. В литературном языке вместо суффикса аблатива используются послелоги *деч*, *гыч*.

В [15, с. 13] имеется пример *эргэшамычь лэчь* ‘сын.PL ABL’.

ными, местоимениями, номинализированными причастиями (действительными, страдательными); в номинативе, аккузативе, генитиве и дативе. Примеры: *клукòй-шамычимъ* ‘глухих’, *кокòкъ шáмычьланъ* ‘немым’, *кугурàкъ-шáмычь* ‘старейшины’, *кугурàкъ-шáмычимъ* ‘старейшин’ ~ *кугурàкъ шáмычимъ*, *кугурàкъ шáмычьланъ* ‘старейшинам’, *піялàнъ-шáмычимъ* ‘счастливых’, *пиликшъ дэме-шáмычьланъ* ‘глухим (букв. безухим)’, *улмэдэмэ шáмычьланъ* ‘немым (букв. безъязыким)’ ~ *ýлмэдэмэ-шáмычьланъ*, *шиндзáдэме-шáмшчьланъ* (missp.) ‘слепым (букв. безглазым)’ ~ *шинзадэме-шáмычь ланъ, сонгрà-шáмычимъ* ‘глухих’, *сонгрà-шáмычьланъ* ‘глухим’, *сулукàнъ шáмычь* ‘грешные’, *языкàнъ шáмычь* ‘грешные’; *кýдо-шáмычь* ‘которые’ ~ *кýдо-шамычь*, *кýдо-шáмычимъ* ‘которых’ ~ *кýдо шáмычимъ*, *кýдо-шáмычьланъ* ‘которым’, *ю́жо-шáмычь* ‘некоторые’, *и́лыше-шáмычь* ‘живущие’ ~ *и́льше шáмычь*, *и́льше-шáмычимъ* ‘живущих’ ~ *и́льше шáмычимъ*, *иня́нше-шáмычь* ‘верущие’, *иня́нше шáмычим* ‘верующих (ACC)’ ~ *иня́нше-шáмычимъ*, *иня́нше-шáмычинъ* ‘верующих (GEN)’, *иня́шешамычь ланъ* (missp.) ‘верующим’ ~ *иня́нше-шáмычь ланъ*, *иня́ндэме-шáмычь* ‘неверующие’ ~ *иня́ндэме шáмычь*, *иня́ндэме-шáмычь ланъ* ‘неверующим’, *и́штэше-шáмычимъ* ‘делающих’, *кáйше-шáмычь* ‘идущие’, *калáсэше-шáмычьланъ* ‘говорящим’, *кóлошо-шáмычь* ‘умершие’, *кóлшо-шáмычимъ* ‘мертвых, умерших (ACC)’, *кóлшо-шáмычинъ* ‘мертвых (GEN)’, *кондошо-шáмычь* ‘приносящие’, *пагáлше шáмычь ланъ* ‘почитающим’, *Пýрюкшо-шамычь* ‘предопределяющие (боги)’, *тыниктэме-шáмычь* ‘ученые’, *тыни́ктыше-шáмычь* ‘учителя (учащие)’, *тыни́ктыше-шáмычимъ* ‘учителей, учащих (ACC)’ ~ *тыниктыше-шáмычимъ*, *тынемше-шáмычь* ‘ученики, учащиеся’ ~ *тыне́мше мáмычь* (missp.), *тыне́мше-шáмычинъ* ‘учащихся (GEN)’, *тыне́мше-шáмычимъ* ‘учащихся (ACC)’, *тынѐмше-шáмычь ланъ* ‘учащимся’, *тынеш пуршò-шáмычьланъ* ‘крестившимся’.

Таким образом, показатель множественного числа *-шáмычь* в «Начатках…» четко указывает на луговое наречие как диалектную основу этого памятника, но без конкретизации говора, поскольку он общий луговой.

Таблица 1

Суффиксы при склонении по падежам существительных во множественном числе[8]

падеж	«Начатки…», 1841	литер. ЛВ
NOM	=шáмычь, -шáмычь, шáмычь	=влáк, =шáмыч, -лá, -мыт
ACC	=шáмыч|имъ, шáмыч|имъ	=влáк|ым, =шáмыч|ым, -лá|м, -мыт|ым

[8] Знак «=» в *Таблице 1* означает запись суффикса через дефис, тогда как запись *-шáмычь* означает слитное написание.

Продолжение таблицы 1

GEN	=ша́мыч|инъ, ша́мыч|инъ	=вла́к|ын, =ша́мыч|ын, -ла́н, -мыт|ын
DAT	=ша́мычь|ланъ, ша́мычь ланъ, =шамычь ланъ, =ша́мычь-ланъ, -ша́мычь|ланъ,	=влак|ла́н, =шамыч|ла́н ~ =ша́мыч|лан, -мыт|ла́н ~ -мыт|лан
INE	=ша́мычь штэ, =ша́мычь-штэ, ша́мычь штэ	-ла́|ште, =вла́к|ыште, =ша́мыч|ыште
ILL	ша́мычь шкѐ	-ла́|шке, =вла́к|ышке, =ша́мыч|ышке
LAT	–	-ла|е́ш, =влак|е́ш, =шамыч|е́ш
COM	–	=вла́к|ла, =ша́мыч|ла, -мыт|ла
SIM	–	=влак|ге́, =шамыч|ге́, -мыт|ге́
ABL	=ша́мычь лэчь, ша́мычь лэчь, -ша́мычь-лэчь	–

Избыточность множественного числа в «Начатках…»

В марийском языке достаточно много ситуаций, в которых **множество выражается** существительным **без показателя числа**. Эти ситуации наиболее систематически описаны в исследовании Г.М. Тужарова [30, с. 13–23][9]. Только в единственном числе используются существительные с отвлеченным значением (абстрактные понятия), собственные имена, названия веществ (например, *ӱй* ‘масло’); названия фруктов, ягод, овощей, грибов, трав, злаков, цветов; названия сезонов и явлений природы (*кеҥеж* ‘лето’, *лум* ‘снег’, *йӱр* ‘дождь’ и т.п.); названия парных предметов (например, *пылыш* ‘уши’, *кем* ‘сапоги’). Как правило, не используются слова во множественном числе в словосочетаниях с числительными и со словами, выражающими количество, например: *кум имне* ‘три лошади’, *шуко ен* ‘много людей’. Подобные примеры содержатся уже в первой опубликованной грамматике марийского языка 1775 г., где слово «человек» (*ень* – литер. *ен*) не имеет показателя множественного числа в сочетании с числительными от одного до одиннадцати (*вицъ е́нь* ‘пять человек’ и т.п.) [28, с. 46]. Аналогично всегда отсутствует показатель числа у существительных с числительными и у слов, означающих парные предметы, в других ранних изданиях на луговом наречии марийского языка, например, в Кратком катехизисе 1804 г. и первых букварях лугового наречия [20; 32; 1] и др.

В словосочетаниях с неопределенно-количественными местоимениями и прилагательными типа *чыла* ‘все’, *моло* ‘другой’, *южо* ‘некоторый’, *тӱрлӧ*

[9] Из более поздних современных исследований по теме см. [34], на горномарийском материале – [35, с. 12–13, 210–238].

‘разный’ и т.п. существительное, выражая множественность, может употребляться как в единственном, так и во множественном числе, например: *южо ялыште ~ южо яллаште* ‘в некоторых деревнях’, *тӱрлӧ оралте-влак ~ тӱрлӧ оралте* ‘разные строения’. Излишен и потому часто опускается показатель множественного числа в словах, означающих группы с родовым (генерическим) референциальным статусом. Так, слово *книга* ‘книга, книги’ представлено в единственном числе в следующем предложении: *Лудмо зал деч шолаште, барьер гоч,* ***книгам*** *пуэдат* (Д. Орай) [14] ‘Слева от читального зала, через барьер, выдают книги’. Аналогичен следующий пример со словом *шӱдыр* ‘звезда, звезды’: *Вуй ӱмбал каваште шотлен пытарыдыме* ***шӱдыр*** *уло* (К. Васин) [14] ‘В небе над головой бесчисленные звезды’. Существительное в форме единственного числа выражает множественность при дистрибутивном (распределительном) употреблении, а также в позиции предикатива, например: *Вашке кресаньык-шамыч плугым луктыт* ‘Крестьяне скоро вывезут плуг’ (здесь значение «плуги» (PL) – у каждого крестьянина свой плуг); *Ме коммунист, большевик улына* ‘Мы коммунисты, большевики’ (примеры из [30, с. 22]). Слова с нулевым показателем числа, означающие множество или пару предметов, согласуются в предложении с глаголами (существительными, местоимениями) в формах множественного числа.

В «Начатках…» нередко встречается избыточное применение показателя множественного числа в случаях, когда в литературном языке и, насколько известно, в луговых диалектах[10] он не применим (особенно в местных падежах):

– в словах, означающих парные понятия (глаза, руки, ноги и т.п.): *кэ̀дъ ша́мычь* ‘руки’ – литер. *кид, кэ̀дъ-ша́мычимъ* ‘руки (ACC)’ – литер. *кидым*, *шиндза̀-ша́мычь* ‘глаза’ – литер. *шинча*; но ср. без PL: *на́лэнъ кэ́дышке* ‘взял

[10] Источниками данных по луговым диалектам для нас является практически весь корпус классических работ по марийской диалектологии, с опорой на диссертации и монографии, посвященные отдельным диалектам, например, [6; 7; 9; 18; 19; 23] и др., публикации диалектных текстов [36; 37] и др., а также наши полевые данные (аудиозаписи фольклорного и диалектологического материала последнего десятилетия). Как правило, в традиционной марийской диалектологической литературе, описывая определенный диалект, исследователи указывают на характерные черты, отличающие его от литературного языка. Если же какие-то особенности (например, в системе употребления показателей множественного числа) не отмечаются, то подразумевается, что их нет, или они не существенны, или не обнаружены исследователем. Разумеется, в настоящее время весьма востребованы и специальные исследования по отдельным вопросам морфологии марийского языка в конкретных диалектах с опорой на полевые данные. Они могут раскрыть нюансы марийской морфологии в диалектах, оставшиеся неописанными. В этом плане весьма результативна работа группы исследователей в рамках проекта «Горномарийская экспедиция МГУ», см. [35].

в руки (младенца)’ – литер. *налын кидышке*; *айдэ́менъ кэ́дъ о́голъ* ‘не человеческие руки’ (о райском саде, который «не человѣческими руками насажденъ былъ») – литер. *айдемын кид огыл*;

– в существительных в предикативе: *Іудѐй-ша́мычь* <...> *ку́лъ-ша́мычь лѝнъ у́лутъ* ‘иудеи <...> были (стали) рабами’ – литер. *Иудей-влак* <...> *кул лийыныт*; *ну́но ко́ктэнатъ пу́ро айдэ̀мъ ша́мычь ы́^лѐве* ‘они оба были хорошими людьми’ – литер. *нуно коктынат поро айдеме ыльыч*; *Ю́манъ шома̀къ* <...> *айдэ̀мъ ша́мшчимъ* (missp.) *пу́ро и пія̀ла̀нъ-ша́мычимъ ишта̀* ‘Божье слово <...> делает людей добрыми и счастливыми’ – литер. <...> *айдеме-шамычым (айдемым) поро да пиаланым ышта*;

– в существительных в позиции дистрибутива: *по́пъ-ша́мычь пу̀чь-ша́мычымъ пуалдэнь у́лутъ* ‘священники (попы) вострубили в трубы (труба-PL. ACC)’ – литер. *поп-влак пучым пуалтеныт*; *айдэ̀мъ-ша́мычинъ паша̀-шамычь ве́ремъ (нергэ̀нъ)* ‘о делах людей’ – литер. *айдеме-шамычын пашашт нерген*.

Нежелательно применение показателя множественного числа в существительных с родовым референциальным статусом, имеющих абстрактное значение и др., как в следующих примерах: *ко́чконъ акрѝдъ-шамычимъ* ‘ел акрид (акрида-PL.ACC)’ – литер. *шурнышырчыкым* (SG.ACC) *кочкын*; *канага̀-ша́мычь штэ* ‘в книгах’ – литер. лучше *книгаште*; *сіо^рмашь ша́мычь* ‘обещания (обетования)’ – литер. *сӧрымаш* (**сӧрымаш-влак* и **сӧрымаш-шамыч* в [14] отсутствуют); *я́зыкъ (су́лукъ) ша́мычь* ‘грехи’ – литер. *язык (сулык)*; *чила̀ ну́нонъ я́зыкъ (су́лукъ) ша́мычимъ* ‘все их грехи (ACC)’ – литер. *чыла нунын языкыштым (сулыкыштым)* ‘все их грех.POSS.3PL.ACC’ (**язык-влак, *язык-шамыч*, **сулук-влак*, **сулук-шамыч* в [14] и в современной религиозной литературе, например, в [31], отсутствуют); *ну́нонъ лю́мъ-ша́мычь* ‘их имя. PL’ – литер. лучше *нунын лӱмышт* ‘их имя.POSS.3PL’; *тэндà̀нъ чо̀нъ-ша́мычимъ* ‘ваши души (вы.GEN душа-PL.ACC)’ – литер. лучше *тендан чондам* ‘вы.GEN душа.POSS.2PL.ACC’. См. также практически все примеры выше на инессив, иллатив и аблатив во множественном числе.

Однако слова со значениями «грех», «душа», «звезда», «работа» встречаются с показателями множественного числа и в других ранних памятниках лугового наречия, например: *мэмӓ́н язык шамычим кудалдэ* ‘отпусти наши грехи’, *мэмӓ́н іордемо-паша-шамычим эртэ* ‘то же’ [32, с. 11], *кудалтэ мелання язык-шамычнам* ‘то же’ [1, с. 42], *язык-шамычем кудалтэ* ‘то же’ [1, с. 44], *мэмӓ́н чоншамычим утараш* ‘спасать наши души’ [32, с. 12), *шюдырь – шамычша* ‘звезда-PL.POSS.3SG’ [1, с. 27), *шюдырь-шамычам* ‘звезды (ACC)’ [16, с. 48], *сулук-язык-шамыч* ‘грехи’ [16, с. 23], *паша-шамычам* ‘дела (ACC)’ [16, с. 52], *паша́влѣмъ* ‘дела (ACC)’ [20, л. 33об. (с. 68)] и т.д. Есть эти слова с показателями множественного числа и в [КМЯ], за исключением слов *язык* и *сулык* ‘грех’ (а также *сӧрымаш* ‘обещание’), которые в литературном корпусе встречаются только в единственном числе.

Очень показательно (в плане излишнего применения показателя множественного числа) следующее предложение, в котором перечисляется сотворенное Богом: «*Пѐшь пу́ро Ю́мо, юмопундáсэ Ачы̀ ишт̀энь юмопундáшемъ, мюля́ндэмъ, и ке́чемъ и ты́лземъ, и шы́дырь-ша́мычимъ и т̀э́нг^изъ-ша́мычимъ, и энѐрь-ша́мычимъ, и чила чодрà-ша́мычимъ, и шу́до-ша́мычимъ и чилà ка́икъ-ша́мычимъ, и ко́лъ-ша́мычимъ и чодрà-ка́икъ-ша́мычимъ, и во́ліо^к-шамычимъ* <...>» [21, с. 145] ‘Всеблагой Бог, небесный Отец сотворил небо, землю, и солнце, и луну, и звезды, и моря, и реки, и все леса, и травы, и всех птиц, и рыб, и зверей, и скотов’. Здесь в марийском предложении все слова (кроме слов: небо, земля, солнце, луна), в полном соответствии с русским оригиналом, имеют форму множественного числа[11].

Но для правильной марийской речи, начиная со слов «*и чила чодрà-шамычимъ*» (‘и все леса’), показатель множественного числа совершенно избыточен, воспринимается как речевая ошибка, как показало наше обсуждение этого предложения с носителями языка. Да и в словах, которые идут в перечислении ранее (звезды, моря, реки), в современном литературном языке показатели множественного числа не требуются (хотя и допустимы). Ср. современный литературный вариант перевода этого предложения полностью без множественного числа: *Пеш поро Юмо, пылпомышсо Ачана кавам, мландым, и кечым, и тылзым, и шӱдырым, и теӊызым, и эӊерым, и чыла чодрам, и шудым, и чыла кайыкым, и колым, и чодра кайыкым, и вольыкым ыштен* <...>.

Особо остановимся на случаях избыточного применения показателей множественного числа в «Начатках…» в существительных с числительными и со

---

[11] Ср. в Букваре 1873 г. в аналогичном по содержанию предложении слова «ангелы», «звезды», «скот», «птицы», «звери», «рыбы», «люди» тоже используются с показателем мн. ч., как и в «Начатках…»: *Юмо пылпомашта улша суксу-шамычам, пылпомашам, мландам, пылпомашта кюшнӓ коштша кечам, тульзам, шюдырь-шамычам, млӓнда ӱмбална улша волик-шамычам, кайк-шамычам, чодрашта илиша звър-шамычам, тэӊыжашта мола рӌка - шамычашта вю-душта улша кол-шамычам, звърь-шамычам, йыӊ-шамычамат чылам Юмо иштэн* [1, с. 27] ‘Бог сотворил все: ангелов небесных, землю, ходящее по небу солнце, луну, звезды, находящихся на земле скотов, птиц, живущих в лесу зверей, находящихся в море и прочих реках рыб, зверей, и людей’.

Зато в Катехизисе 1804 г. в аналогичном предложении показатель множественного числа лишь в одном слове – *ке́къ влӓ́мъ* ‘птиц’ vs *ши́дарэмъ* ‘звезды (ACC)’, *ко́ламъ* ‘рыб’: *Пе́рвой ке́чешта тынӓ̀мъ, ро́камъ со́тамъ: весь ке́чешта санда́ликамъ, ку́мутъ шта оерлѐнъ вю́дамъ ро́къ гачь и шудэ̀нъ пуà̀шъ шочекта́шемъ: ны́литашта ке́чемъ, ты́льзамъ и ши́дарэмъ: ви́зиташта / ко́ламъ ке́къ влӓ́мъ: ку́дуташта эдэ́мэмъ, кузе: ма́рамъ и вӓ́тамъ и ны́намъ челӓ́гаченъ пешъ ӌралтэ̀нъ* ‘В первый день небо, землю, свет; во второй день воздух; в третий отделил воду от земли и приказал земле дать произрастение; в четвертый Солнце, Луну и звезды; в пятый рыб и птиц; в шестый человека, мужа и жену, и их паче всех тварей возлюбил’ [20, л. 12 (с. 25)].

словами, означающими количество (много, мало): *ши́мъ э́ргэ-ша́мычь* ‘семь сыновей’ – литер. *шым эрге, лу́атъ ко́къ Апо́столъ ша́мычьланъ* ‘двенадцати апостолам’ – литер. *латкок апостоллан, лу́атъ ко́къ тыне́мше-ша́мычимъ* ‘двенадцать учеников (АСС)’ – литер. *латкок тунемшым*; *ку́мъ шю́до айдэ̀мъ-ша́мычь* ‘триста человек’ – литер. *кум шӱдӧ айдеме*; *вӣчь тыжѐмъ айдэмъ-ша́мычимъ* ‘пять тысяч человек (АСС)’ – литер. *вич тӱжем айдемым*, *тыжѐмъ Са́гче (Су́ксъ) ша́мычь* ‘тысяча ангелов’ – литер. *тӱжем сакче (суксо)*, *шу́ко тыжѐмъ иня́нше-ша́мычимъ* ‘много тысяч уверовавших (АСС)’ – литер. *шуко тӱжем инаншым*; *шю́до тыжѐмъ Еврѐй-ша́мычь* ‘сто тысяч евреев’ – литер. *шӱдӧ тӱжем еврей*; *ко̀къ первѡ̀й ку́го погономѡ̀шъ ша́мычь штэ* ‘на первых двух Вселенских соборах’ – литер. *кок первой кугу погынымаште*; *погономѡ̀шь-ша́мычь инди́гше* ‘Церквей девять’ – литер. *погынымаш – индеше*; *ку́мутъ Ева́нгеліе-ша́мычимъ* ‘три Евангелия (АСС)’ – литер. *кум Евангелийым*, *пѐшь шӯко ӥо^реме паша-шамычим* ‘очень много чудес (АСС)’ – литер. *пеш шуко ӧрмӧ пашам*, *лӯ шюдмѡ̀шь шамычь (кюштэмѡ̀шь-ша́мычь)* ‘десять заповедей’ – литер. *лу шӱдымаш (кӱштымаш)*; *па́лэдэмэ пашѡ̀-ша́мычь уло ши́мытъ* ‘таинств семь’ – литер. *палыдыме пашаже – шымыт*, ср. в Катехизисе 1873 г. *Таинство шымыт ула* ‘таинство семь’ [16, с. 18].

Как видим, в этих примерах преобладают одушевленные существительные, наименования людей: сыновья, люди, апостолы, ученики, уверовавшие, евреи, ангелы. Эти же и другие существительные, выражающие одушевленные сущности, в сочетании с числительными употребляются в «Начатках…» и без показателя множественного числа, что соответствует современным представлениям о языковой норме в марийском (как в литер. языке, так и в луговых диалектах), например: *ко̀къ Пӯрюкшо* ‘два ангела’, *ко̀къ разбо́йникъ* ‘два разбойника’, *кокъ э́рга* ‘два сына’, *ку́мъ э́ргэ* ‘три сына’, *луа́тъ ко̀къ э́ргэ* ‘двенадцать сыновей’, *ку́мъ э́рдыжъ-и́нг^амъ* ‘трех чужеземцев’, *лу́атъ ко̀къ Еврѐй у́рлукъ ланъ* ‘двенадцати еврейским родам’, *ку́мъ тыжемъ айдэ́ме* ‘три тысячи человек’, *шу́ко тыжѐмъ ка́лыкомъ* ‘много тысяч народу (АСС)’, *ко̀къ у́рлукъ* ‘два рода’, *тыжѐмъ Са́гче (Су́ксъ)* ‘тысяча ангелов’. Еще более последовательно авторы марийского текста избегают показателей множественного числа при существительных, выражающих временны́е понятия, а именно: при словах *кече́* ‘день’, *ӥ* ‘год’, которые достаточно часто встречаются в тексте в разных падежах в сочетании с числительными (2, 3, 4, 6, 7, 8, 40, 50, 100, 300, 900, 1000, 5000), всегда нулевой показатель числа, например: *кӯдъ ке́че* ‘шесть дней’, *инди́гшь шю́до ӥ* ‘девятьсот лет’ и т.п.[12] Представляют интерес и все

[12] Хотя в тексте есть примеры слова *кече* ‘день’ с показателем PL: *моло кече ша́мычь* ‘другие (еще) дни’, *кове́ня кече-ша́мычь* ‘дни говения’, *Рушарня́ и Парѐмъ кече ша́мычимъ* ‘воскресные и праздничные дни (АСС)’.

прочие примеры существительных с числительными без показателя множественного числа в «Начатках...»: *ко̀къ кюя̀нъ онг^а* ‘две каменных доски (скрижали)’, *ко̀къ кугужа̀ мюля́ндэ* ‘два царства’, *ку̀мъ шю́ргюштэ* ‘в трех лицах’, *ны́ль кугужа̀нъ мюля́ндэмъ* ‘четыре царства-ACC’, *ны́ль пусако́ъ* ‘четыре угла’, *лу́атъ ко̀къ па́эшь* ‘на двенадцать частей’, *ко́ло и́къ письма̀мъ* ‘двадцать одно письмо (ACC)’, *ку́мло ший мане́тамъ* ‘тридцать серебряных монет (серебреников) (ACC)’, *шу́ко тыжѐмъ ка́лыкомъ* ‘многія тысячи народа (народ-ACC)’.

Обратим внимание, что в примерах с существительными без показателя множественного числа в «Начатках…» выступают числительные: «один», «два», «три», «четыре», в сочетании с которыми существительные в русском языке в номинативе и аккузативе имеют форму единственного числа, а также числительные «двенадцать» и «тридцать», в сочетании с которыми существительные в церковнославянском выступают в формах двойственного или множественного числа, совпадающих (для слов первого твердого склонения практически во всех падежах, кроме дательного и творительного) с определенными формами SG (например: «двана́десѧть ко́шѧ» ‘двенадцать коробов’ (Мф. 14: 20), «о҃бана́десѧте а҃п͡сла» ~ обанадесяте апостола ‘двенадцать апостолов’ (Лк. 22: 14) – ACC.DU=NOM.DU≡GEN.SG); «три́десѧть сре́бреникъ» ‘тридцать серебреников’ (Мф. 26: 15) – GEN.PL≡NOM.SG). Подробнее о склонении в церковнославянском см. [8, с. 89–90, 43; 22, с. 65–66][13].

Подобные соответствия по показателю числа слов марийского текста с правилами русской и церковнославянской грамматики указывают на элементы калькирования при выборе маркированного / немаркированного множественного числа в процессе создания марийского перевода. Представим эти данные наглядно:

Таблица 2

Показатель числа у существительных с числительными в «Начатках…» (1841)

NUM	Кол-во SG в мар.	Соответствие по числу в параллельном русском тексте	Кол-во PL в мар.	Соотв. в рус.
2	7	+ (4) / – (3: двухлѣтняго, скрижаляхъ, разбойниками)	1	+

[13] В церковнославянском «имена существительные, стоящие при числительных от 11 до 14, сочетаются либо с первой частью их, либо со второй» [8, с. 90]. Соответственно, после числительного «12» существительное приобретает ту же форму, как после слова «два» (двойственное число и тот же падеж, что и числительное), или как после числительного «10» (т.е. мн. ч., генитив или тот же падеж, что и числительное). После числительного «30» – существительное в тех же формах, как после числительного «10» [8, с. 89–90].

Продолжение таблицы 2

3	6	– (4: лицахъ, странниковъ, сыновъ, трехлѣтнее) / нет слова (2)	1	+
4	3	+		
6	5	– (дней)		
7	1	– (седмилѣтній)	2	+
8	2	– (дней, лѣтъ)		
9			1	+
10	1	– (дней)	3	+
12	3	– (сыновъ, членовъ, племенамъ)	2	+
21	1	+		
30	2	– (сребрениковъ, лѣтъ)		
40	9	+ (2)[14] /– (7: четыредесятилѣтнимъ и 6 р. дней)		
50	2	+		
100	1	– (лѣтъ)		
300	1	– (лѣтъ)		
X00	1	– (лѣтъ)		
900	1	– (лѣтъ)		
1000	1	– (лѣтъ)		
3000	1	– (человѣкъ)		
5000	1	– (лѣтъ)		
100000			1	+
Много тысяч	1	+	1	+
очень много			1	+

Итак, в сочетаниях с числительными все 13 случаев мн. ч. в марийских словах соответствуют мн. ч. в русском. Случаи мар. PL ~ рус. SG отсутствуют. На 50 случаев ед. ч. в марийском – 13 случаев ед. ч. в русском, 2 случая – отсутствие слова в русском тексте, 25 (!) сочетаний числительного со словами «день» (*кече*), «год» (*и*). Из оставшихся 10 случаев мар. SG ~ рус. PL, по крайней мере, в четырех случаях в тексте Библии (в соответствующих по

[14] В параллельном русском тексте – форма с порядковым числительным «въ четыредесятый день», тогда как в марийском ей соответствует *ны́лле ке́чештэ* ‘сорок день.INE’. Аналогично с числительным 50: рус. «въ пятдесятый день» – мар. *ви́сле ке́чештэ* ‘пятьдесят день.INE’.

содержанию местах) или даже в тексте самого Катехизиса существительное на русском или церковнославянском – в форме SG либо квази-SG (в *Таблице 2* они выделены курсивом)[15].

Подчеркнем, что в других ранних памятниках лугового наречия марийского языка [28; 32; 1; 16; 24] (и тем более в последующих изданиях) в сочетаниях с числительными показатель PL у существительных не обнаружен.

Таким образом, в «Начатках…» имеет место избыточность применения показателя множественности *-шамычь*, хотя определенные представления о том, что в марийском языке множественное число употребляется более ограниченно, чем в русском, у авторов марийского текста были. В понимании и отражении этого аспекта марийской грамматики они были не вполне последовательны. Избыточность показателя *-шамычь* указывает на некоторую механичность в работе переводчиков-создателей марийского текста, которые не были в полном смысле носителями языка[16]. Этот вывод коррелирует с имеющимися в «Начатках…» проблемными моментами в применении падежных форм [12, с. 51–52], в синтаксисе [5, с. 23–25; 11, с. 33].

Сочетание в именах существительных показателя числа и других словоизменительных суффиксов

Принадлежность + число

В марийском языке показатель множественного числа в сочетании с суффиксом притяжательности указывает на множество обладаемых. Притяжательный суффикс, как правило, предшествует показателю множественности (основа + POSS + PL)[17]. Обратный порядок суффиксов числа и принадлежности (основа + PL + POSS) в литературном марийском языке встречается редко; это, скорее, исключение.

---

[15] Примеры SG и квази-SG:

– между двумя разбойниками (в Катехизисе) – Синод. распяты с ним два разбойника, ц/с распяша с ним два разбойника (Мф. 27: 38); с ним распяша два разбойника (Мк. 15: 27);

– трехъ странниковъ – Синод. три мужа (Быт. 18: 2);

– крестилось около трехъ тысячь человѣкъ (человек.PL.GEN≡NOM.SG). См. также выше о слове «сребреникъ» с нулевым окончанием в GEN.PL в церковнославянском (≡NOM.SG).

[16] Об истории создания перевода и его предполагаемых авторах см. в [11]. Об одном из предполагаемых авторов «Начаток…» Алексее Канцеровском и его вкладе в изучение марийского языка см. также [26].

[17] Суффикс числа записывается через дефис, и никаких изменений конечного звука притяжательного суффикса не происходит (в частности, не изменяется безударный гласный в 3SG, ударный гласный в 1PL, 2PL). Если суффикс посессива заканчивается на согласный (в 1SG, 2SG, 3PL), соединительный гласный на стыке POSS-PL не добавляется [33, с. 12–13].

В «Начатках…» существительные со структурами: {основа + POSS + PL} и {основа + PL + POSS} отсутствуют.

Принадлежность + число + падеж

Одновременное сочетание в слове трех словоизменительных суффиксов (числа, падежа и притяжательности) в целом редко встречается в марийском языке (не для всех показателей числа и не для всех лиц). Порядок суффиксов возможен следующий:

PL + POSS + ACC/GEN/DAT

POSS + PL + ACC/GEN/DAT/LAT/SIM/COM

PL + DAT/INE/ILL + POSS.

Приведем некоторые примеры редких форм из Корпуса марийского языка [14]: *дневникем-влакеш* ‘в моих дневниках (дневник.POSS.1SG-PL.LAT)’, *кулжо-влакеш* ‘в его рабов (раб.POSS.3SG-PL.LAT)’, *уныкаже-влакла* ‘как его внуки (внук.POSS.3SG-PL.SIM)’, *кугызаже-влакла* ‘как его цари (царь. POSS.3SG-PL.SIM)’, *шорыкем-влакге* ‘с моими овцами (овца.POSS.1SG-PL. COM)’, *хористше-влакге* ‘с его хористами (хорист.POSS.3SG-PL.COM)’, *ик-шывыже-влакге* ‘с его детьми (ребенок.POSS.3SG-PL.COM)’, *йолташ-влакланет* ‘твоим друзьям (друг-PL.DAT.POSS.2SG)’, *йоча-влакланже* ‘его детям (ребенок-PL.DAT.POSS.3SG)’, *муро-влакланда* ‘вашим песням (песня-PL. DAT.POSS.2PL)’, *мелодий-влакыштем* ‘в моих мелодиях’ (мелодия-PL.INE. POSS.1SG), *ойлымаш-влакыштет* ‘в твоих рассказах’ (рассказ-PL.INE. POSS.2SG), *подвал-влакыштыже* ‘в его подвалах (подвал-PL.INE.POSS.3SG)’, *шӱгарлашкем* ‘на мои могилы (кладбища) (могила.PL.ILL.POSS.1SG)’.

В современном венском издании грамматики марийского языка [39] приводятся еще модели:

– POSS + PL + INE/ILL, например: *книгам-влакыште* ‘в моих книгах’, *книгам-влакышке* ‘в мои книги’ [39: 78–79, 82];

– PL + LAT + POSS, например: *книга-влакешем* ‘в моих книгах’ [39: 85];

– PL + POSS + SIM/COM, например: *пӧрт-влакемла* ‘как мои дома’, *пӧрт-влакемге* ‘с моими домами’ [39: 89, 91].

Но это очень редкие, в некоторой степени умозрительные конструкции, не встречающиеся в марийском литературном корпусе [14]. Еще более сомнительны и не подтверждаются данными литературного корпуса конструкции: POSS.2SG + ACC + PL; INE + POSS.2SG + PL; INE + PL + POSS.2SG из [34, с. 226][18], где, впрочем, отмечено, что «количество и виды грамматических

[18] В [34, с. 226] пример *kid-ešt-vlak-et* (*кидышт-влакет*) интерпретируется как ‘рука-INE-PL-POSS.2SG’, что представляется некорректным. Формант *-ышт* здесь является притяжательным суффиксом (POSS.3PL), а не падежным (INE) (только так воспринимается носителями языка, по нашим опросам). Иначе необъяснима утрата в данной позиции конечного гласного в суффиксе инессива (*-ышт* вместо *-ыште*).

последовательностей сильно варьируются по диалектам». Подробнее о порядке показателей в марийских существительных см. также в [38].

В «Начатках…» три вида суффиксов – притяжательного (3SG), множественного числа и падежа (ACC) – сочетаются лишь в двух существительных: *іо^ра́же-ша́мычимъ* ‘его раны (рана.POSS.3SG-PL.ACC)’ – литер. *йӧра́же-ша́мычым ~ йӧра́жым* (< *йӧра́* ‘рана’); *во́шторшо ша́мычимъ* ‘его ветки (ветка.POSS.3SG PL.ACC)’ – литер. *во́штыржо-ша́мычым* (< *во́штыр* ‘ветка’). Порядок суффиксов здесь соответствует литер. норме: POSS + PL + ACC.

Заключение

Итак, в «Начатках…» арсенал показателей числа предельно скромен (только *-шамычь*, тогда как в луговом наречии – *-шамыч*, *-мыт*, *-ла*, в отдельных говорах также *-полко*, а в современной литер. норме еще и *-влак*). Хотя это в целом свойственно старо-марийской литературе лугового наречия вплоть до 1880-х гг. включительно. Авторы «Начаток…» имели некоторое представление о том, что в марийском языке, в сравнении с русским, показатели множественного числа используются реже, вместе с тем в «Начатках…» немало примеров их избыточного применения, например, в словах, означающих парные понятия, в словосочетаниях с числительными и др. В технике перевода имело место калькирование в марийский язык русского текста вместе с соответствующими формантами числа. Что касается порядка следования двух и трех суффиксов в слове (числа, падежа и притяжательного), никаких «аномалий» в сравнении с современной литературной нормой в тексте «Начатков…» не обнаружено. Однако есть графо-фонетические особенности в оформлении стыков суффиксов, например, соединительный гласный *и* (– литер. *ы*) и др.

Сокращения

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо; ABE – абессив; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; CAUS – каузатив; CVB – деепричастие; COM – комитатив; COMP – компаратив; DAT – датив; DU – двойственное число; GEN – генитив; ILL – иллатив; INE – инесив; missp. – опечатка; N – имя существительное; NONPOSS – непритяжательная форма; NUM – числительное; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; PRO – местоимение; PTCP – причастие; SG – единственное число; SIM – симилятив (компаратив); Быт. – Книга Бытия (Библия), букв. – буквально; волж. – волжский говор мар. Л; диал. – диалектный; ед. ч. – единственное число; йошк. – йошкар-олинский говор мар. Л; л. – лицо; литер. – литературный (лугово-восточная литературная норма); Лк. – Евангелие от Луки; мар. – марийский; мар. Г – горное наречие марийского языка; мар. Л – луговое наречие марийского языка; мар. ЛВ – лугово-восточный литературный марийский язык; мар. СЗ – северо-западное наречие марийского языка; Мк. – Евангелие от Марка; мн. ч. – множественное лицо; морк.-серн. – моркинско-сернурский говор мар. Л; Мф. – Евангелие от Матфея; рус. – русский; Синод. – русский синодальный перевод Библии; см. – смотрите; ср. – сравните.

Литература и источники

1. Букварь для луговыхъ черемисъ. – Казань: Тип. и литогр. М. Гладышевой, 1873. – 51 с.

2. Букварь для луговыхъ черемисъ. – Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1884. – 126 с.

3. *Васильев Ф.* Пособіе къ изученію черемисскаго языка на луговомъ нарѣчіи Протоіерея Ѳеодора Васильева. – Казань: Изда. Православнаго Миссіонерскаго о-ва, 1887. – 197 с.

4. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 202 с.

5. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. – 256 с.

6. *Иванов И.Г.* Марий диалектологий. Университетысе студент-влаклан тунемме книга (Марийская диалектология. Учебник для студентов университета). – Йошкар-Ола: Марий гос. ун-т, 1981. – 97 с.

7. *Иванов И.С., Тужаров Г.М.* Северо-западное наречие марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. – 304 с.

8. *Иеромонах Алипий (Гаманович).* Грамматика церковно-славянского языка. – М.: Худ. лит., 1991. – 271 с.

9. *Казанцев Д.Е.* Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка. Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тарту, 1965. – 24 с.

10. *Ключева М.А.* Словарь по памятнику письменности «Начатки христианского учения» 1841 (2016) // http://lingvodoc.ispras.ru/#/ (дата обращения 18.02.2024).

11. *Ключева М.А.* Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839/1841) // Урало-алтайские исследования. – 2021. – № 1 (40). – С. 31–46.

12. *Ключева М.А.* Именная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839/1841). Падеж // Урало-алтайские исследования. – 2022. – № 2 (45). – С. 34–57.

13. *Ключева М.А.* Именная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839/1841): категории числа и принадлежности // Linguistica Uralica. – 2024. – № 1 (LX). – С. 1–27.

14. Корпус марийского языка: электронный ресурс / МарНИИЯЛИ // URL: http://corp.marnii.ru (дата обращения 15.02.2024).

15. Краткая священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта (на черемисском языкѣ). – Вятка: Печатня Красовского, 1873. – 55 с.

16. Краткій катехизисъ на луговомъ-черемисскомъ нарѣчіи. – Казань: Печатано въ тип. Коковиной, 1873. – 63 с.

17. Крещение Руси, разсказъ на луговомъ нарѣчіи Черемисскаго языка. – Казань: Изд. Православнаго Миссіонерскаго О-ва, 1884. – 26 с.

18. *Лаврентьев Г.И.* Волжский говор марийского языка. Дисс. … канд. филол. наук. – Йошкар-Ола: Мар. гос. пед. ин-т, 1966. – 372 с.

19. Моркинско-сернурский говор марийского языка: коллективная моногр. / Л.И. Барцева, В.Н. Васильев, И.Г. Иванов, Л.С. Матросова, З.В. Учаев. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. – 208 с.

20. Началное оу᷑ченїе человѣ́kwмъ, хотя́щымъ оу᷑чи́тисѧ кни́гъ бж᷑ественнагw писа́нїѧ (Началное учение человеком, хотящим учитися книг божественнаго писания). – М.: Печа́тано въ Московской Сѵ̑нодальной тѵ̑пографіи, 1804. – 96 с.

21. Начатки христіанского ученія или Краткая священная исторія и краткій катихизисъ, на черемискій языкъ луговаго нарѣчія переведенные въ Казани 1839 года. – Казань: въ тип. Казанскаго ун-та, 1841. – 164 с.

22. *Плетнева А.А., Кравецкий А.Г.* Церковнославянский язык. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. – 272 с.

23. *Саваткова А.А.* Горное наречие марийского языка. – Szombathely: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. – 292 с.

24. Священная исторія Ветхаго Завѣта. На луговомъ Черемисскомъ нарѣчіи. – Казань: Лито- и Тип. Коммисіонерства О-ва Врачей г. Казани, М.А. Гладышевой, 1873. – 110 с.

25. Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На луговомъ нарѣчіи, Черемисскаго языка. – Казань: Изд. Православнаго Миссіонерскаго О-ва, 1884. – 33 + VII с.

26. *Сергеев О.А.* Вклад Алексея Канцеровского в исследование марийского языка // Linguistica Uralica. – 2022. – № 1. – С. 58–63.

27. Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. Н.Т. Пенгитов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 323 с.

28. Сочиненія, принадлежащіе къ грамматикѣ черемискаго языка. – СПб.: при Императорской Академіи наукъ, 1775. – 136 с.

29. Требникъ на луговомъ нарѣчіи черемисскаго языка. – Казань: Изд. Православнаго Миссіонерскаго О-ва, 1885. – 249 с.

30. *Тужаров Г.М.* Грамматические категории имени существительного в марийском языке. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. – 142 с.

31. У Сугынь (Новый Завет) / Библийым кусарыше институт, Хельсинки 2007. – Йошкар-Ола: ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат», 2007. – 543 с. (на марийском языке).

32. Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей лугового населения. – Казань: Въ университетской тип., 1870. – 16 с.

33. *Учаев З.В.* Краткий грамматический очерк марийского языка // Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В. Марийско-русский словарь = Марла-рушла мутер. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – С. 463–509.

34. *Шматова М.С., Черниговская Е.А.* Категория числа существительного в марийском и пермских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы: Сб. ст. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – С. 221–249.

35. Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / ред. Е.В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э.А. Винклер, Т.И. Давидюк, В.В. Дьячков, В.А. Иванов, Д.Д. Мордашова, П.С. Плешак, И.А. Хомченкова. – М.: «Буки Веди», 2023. – xxviii + 980 с.

36. *Beke Ö.* Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. I. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957. – 692 s.

37. *Beke Ö.* Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. III. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961. – 515 s.

38. *Luutonen J.* The variation of morpheme order in Mari declension. SUST 226. – Helsinki: Vammalan Kirjapaino, 1997. – 201 p.

39. *Riese T., Bradley J., Schötschel M., Yefremova T.* Mari (Марий йылме). An Essential Grammar for International Learner. – Vienna: Koneen Säätiö, 2022. – 486 p.

Maria Klyucheva

THE CATEGORY OF NUMBER OF NOUN IN THE MONUMENT OF MARI WRITING “PRIMARIES OF CHRISTIAN TEACHING...” (1841)

The article studies of the grammatical category of number of nouns in the monument of Mari writing “Primariums of Christian Teaching” (*Kyuchyk Catekhisis*), published in Kazan in 1841. The analysis is carried out in comparison with the Mari literary (Meadow-Eastern) language, Meadow dialects, as well as with the linguistic data of monuments of Mari writing of the 18th-19th centuries.

Keywords: the Mari language, Volga dialect of the Mari language, monuments of writing, nominal morphology, grammatical number.

УДК 821.511.151.0

Макарова К.Я.
Научный руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.
г. Йошкар-Ола

ДМИТРИЙ ОРАЙЫН «ЧОЛГА ШЎДЫР» ПОВЕСТЬЫШТЫЖЕ ФОЛЬКЛОР МАТЕРИАЛЫН СЫЛНЫМУТ СОМЫЛЖО

В статье анализируется фольклорный материал в повести марийского писателя Дим. Орая «Чолга шўдыр» («Немеркнущая звезда»), подчеркивается его роль в художественной системе текста. Делается вывод о том, что фольклор выражает идею произведения, связывается с тематикой и проблематикой, характером персонажей, душевным состоянием главных героев, подчеркивает авторское отношение и мировоззренческий взгляд народа.

Ключевые слова: Дим. Орай, повесть, герой, фольклор, легенда, пословица, песня, народная примета, пестушка.

Фольклор – илышын ик кўлешан шӧрынжӧ. Калык ойпого шуко ий дене вияҥ, кумдаҥын толын. Тудо шуко жанрым иктыш ушен шога: йомак, легенде, миф, преданий, муро, тушто, калык пале, калыкмут да тулеч молат. Фольклор гоч ме калыкын чонжым, койышыжым, тўняумылымашыжым, йўлажым пален налын кертына.

Калык ойпогым сылнымутан произведенийыште чўчкыдынак ужаш лиеш. Фольклор материал сылнымутышто йылме поянлыкым шара, герой-влакын койышыштым, кумылыштым почеш, образыштым пойдара, шекланен моштымым ончыкташ полша, тўрлӧ йўлам келгынрак ужаш тарата.

Дмитрий Орайын «Чолга шўдыр» повестьыштыже ме калык ойпогын ятыр жанржым муын кертына. Эн ончыч легенде нерген каласен кодыман. Легенде – ожнысо, эртен кодшо илыш нерген шонен лукмым пуртен каласкален пуышо ойлымаш. Повестьыште легендым каласкалыше герой – шоҥго кугыза, Савак могыр марий. Тудо эн ондак геройын кушеч да кӧ улмыжым пален налешат, шке кундемышт нерген преданий ден легендым каласкалаш тўҥалеш. Ончыктыман – шоҥгыеҥ иктаж-могай ойлончышто каласкалалтшаш легендын темыжым палемда: «*…Мемнан кугыза-влакна шўшканече дене толыныт*» [1, с. 4]. Геройын да лудшын йодыш лектеш: «*Мо тугай шўшканече?*» Вара кугыза шке ойжым шуя, умылтара. Ожнысо пўртўсым сўретлымашке сылнештарымашым пурта: «*Тунам тыште кызытсе деч ала-мыняр пачаш шукырак шерге акан чодыра кайык улмаш… Тыштат-туштат теле гоч кылмыдыме вўд йоген*» [1, с. 5]. Поян чодыраш марий-влакече дене толедаш тўҥалыт. Шўшкан ечын писылыкшым ончыкташ таҥастарымаш пурталтеш: «*Ечышт шкеак тарвана да мардежла писын наҥгая*; «*Пуйто шўшкымӧ йўкышт гына*

шокта да лум пурак гына кынел кодеш» [1, с. 5]. Шӱшкымӧ йӱкын лекмыжлан верч «шӱшканече» муткылдыш лектын. Легендысе герой-шамычын чиемышт, тояшт – чыла ошо лийын. Толеден-толеден, пошкудо марий-влак дене родыланат да илаш кодыт.

Дмитрий Орай повестьыш шуко калык палым пуртен да тудым легенде дене кылден ончыктен. Калык пале-влак марий ойпогышто кумда верым налыт. Курым гыч курымыш айдеме пӱртӱсым, илыш кончышым эскерен илен. Повестьыште ме тошто деч кораҥмым ужына. Ожнысо илыш ончымаш вестӱкын ончалтеш: «*Ожнырак тӱрлӧ приметылан инаненыт. Пурымышт, лекмышт годым омсаш йолыштым ишыктен колтеныт гын, «ала-кӧ еҥ толеш» маныныт. Пӧртӧнчыкышт агытан кӱзен мурен гын, «уна толеш». Коҥгаште куҥге пу йӱлен йӧралтеш, тунҥе велым «уна толеш» лиеш. Иктаж-кушко каяш лектын да корно гоч пырыс кудал колтен але яра ведран ӱдырамашым вашлиеш гын, «шотлан ок тол, очыни» манын*» [1, с. 10]. Умылена, повествователь тошто семын инанымым ок мокто, пуйто тиде кӱлдымаш гына. Тидым тусо пагытын йодмыж дене кылдыман. Теве, мутлан, шешкым пуртымо шотышто мут лектеш. Тидым калык примете гоч ончен. Текстыште лудына: «*Ӱдырым кондымо годым пий оптен гын, «пиалдыме шешке логалын, суртем ынде ок воране» манын тошто Савак марий. Сӱан годым шорык ломыжын гын, «пиалан шешке толеш, илышем ынде почылтеш*» [1, с. 11].

Тиде калык палылан келшен толшо легендым шонго Савак кугыза пала да Киндылат кугыза нерген легендым каласкала. Тушто ме кок тӱрлӧ шешке кондымым ужына. Киндылат кугызан вич эргыже улмаш. Шкеже ни поян, ни ялт нужна огыл. Икымше сӱаным моткоч кугун эртара. «Пиалан» шешкым конденыт. Ӱдырым ялыш пуртымеке, шорык-влак ломыжаш тӱҥалыт. Тиддеч вара Киндылат кугызан поянлыкше кушкеш, тудым нигуш опташ лиеш. Пиалан шешкылан шкежланат шешкым пурташ жап шуын. А кокымшо шешкым пуртымо годым ялыште шып лийын, пий веле урмыжалтен. Тыге, пиалдыме шешкым пуртымек, чыла суртпого пытен. Тиде ужашыште ме приметын шукталтмыжлан ӱшаныдыме дене вашлийына: «*Мутат уке, меат, меат, тенийсе Савак марий-влак шкештат тиде манеш-манешлан огыт ӱшане*» [1, с. 11]. Палена, тунам жап тыгай лийын, кӱлдымашыш шуко мом луктыныт, сандене автор шкежат жапын йодмыж почеш каен.

Марий калык фольклорын ик эн кумда, виян йыжынже муро лийын. Муро айдеме дене эре пырля: йоча шочеш – аваже шепкаж воктене шыпак муралта, икшыве кушкын шуэш – модмаште веселан мура, йӧратымаш ийыш тошкалеш – шӱм-чон танҥылан ныжылгын муралта, кажне пайрем, куан, ойго – калык чылажымат муро дене эртара. Марий калыкна мурылан моткоч поян. Муро тӱрлӧ сынан, теман, жанран лиеш. «Чолга шӱдыр» повестьыште ныл тӱрлӧ муро тӱшкам ужаш лиеш:

1) пайрем муро;
2) Ленин да совет властым моктышо муро;
3) йӧратымаш муро;
4) шочмо вер нерген муро.

Кажне пайремын шке эртыме корныжо, радамже уло. Марий муро деч посна ик пайремат ок эрте. Юбилей пайремыштат муро-шамыч йонгат. Пайремын кажне йыжыңыштыже тӱрлӧ муро йонга. Икымше мурым пайремыште пӧръеҥ тӱҥалеш, садлан Павыл кугыза тудлан уто чарка дене пӱрым кучыкта. Шоҥгыеҥ шкеже, пошкудо-влакын толмыштлан куанен, тау мурым мура:

Тау, чевер чесланда!
Чонем ужмем гай веселан чучылда.
Нелеш ида нал – пеш изи чесемже,
Кочса-йӱза – лӱмешда ыштыме! [1, с. 94]

Уна-влак, «кок велыш лӱҥгалт колтен», Павыл кугызалан вашештат. Нуно пукшен-йӱктымылан таум ыштен мурат. Тыге пайрем эрта, марий калык ваш-ваш коштеш, кутыра, ямдылыме чесым авызла, мура. Савак вел ӱдырамашын пайрем годым мурымыжым автор мокта: «*Муралтен колтымо йӱкшӧ моло годымсыж дечат сӧралын шокта*» [1, с. 96]. Муралтен колта Савак вате – мутшат, йӱкшат, чиемжат, шогылтмыжат, чӱчкымыжат пеш чот сылнын койыт. Умбакыже лудына: «*Савак вел марий вате муралтенжат колта, кугун куанен, шӱм гыч лекше мутым каласен!*» [1, с. 96]

Такмак семын чоҥалтше мурымат ме пайремыште колын кертына:

Кайышаш ыле Москошко,
Пурышаш ыле Кремльыш...
Кутырышаш ыле, куанен,
Илаш веселай лийме нерген [1, с. 96].

«Чолга шӱдыр» повестьыште ме шуко вере совет властым нӧлтымым, у илышлан тауштымым ужына. Калык мурыштат тидым верешташ лиеш:

Лектын каем – тау ыштем,
Толын пурем – тау ыштем
У саманеш шочмемлан,
Колхоз илыш ден илымемлан!» [1, с. 96]

Ту пагытыште Ленинын пашажым чот моктеныт, тудын образше чот шарлыше лийын. Мурыштат лӱмжӧ кумдан шарлен:

Эрат, касат мый ужам
Чевер кечын йолгымыжым.
Эрат, касат мый ончем
Ленин кочан портретшым» [1, с. 96].

Лениным пиалан илышым пуымыжлан моктат, тудлан тауштат.

Йӧратыше шӱмынат мурымыжо шуэш. Сергей ден Унавий – кок лишыл чон, но нунылан уло ӱмыр мучко пырля илаш пӱралтын огыл. Сергейын

сарыш кайымыж деч ончыч герой-влак мутланаш лектыт, но мутым муаш йӧсӧ, сандене Унавий муралта. Мурыштыжо йӧратыме йолташыжым чолга шӱдыр дене танастара, кастене пуйто «йыл-йыл-йыл волгалтын» ваштарешыже шӱдыр толеш. А Сергей почешыже тӱналеш, Унавийым кече дене танастара:

Кече чуриян йолташем!
Кече огыл улмаш, тый толат,
Кече чуриян йолташем» [1, с. 133].

Ӱдыр да рвезе дене пырля пуйто уло пӱртӱс – чевер орланган ладыра пызле, ош куэ, пӱнчер, Буй вӱд – мура. Чынак, тиде кок герой йыр улшо тӱням, мотор пӱртӱсым ужын, аклен мошта. Арам огыл мурыштышт кава тӱня дене кылдалтше образым ужына: иктыжым шӱдыр, весыжым кече дене танастарыме. Йӧратыше кок чон келшымашыштым муро гоч раш почын ончыктат. Тугеже, муро тыште кӧргӧ чон кумылым почмаште кӱлешан, психологий сомылым шукта. Тыгак муро повестьын темыжым келгемда, йӧратымаш йодышым рашемдымаште кӱлешан улеш.

Сарыш кайымыж годым Сергей шочмо вер-шӧржым онченкодеш. Шочмо мланде айдемым ончен-куштен. Мутат уке, тудо рвезын шӱмыштыжӧ посна верым налын шога. Вагонышто совет салтак-влак шочмо элым аралаш кайыме нерген рушла мурым муралтат. Совет айдеме эре муро дене пырля. Тидын нерген тыге каласыме: «*Муро дене пашаш коштеш, муро дене у илышым чоҥа. Муро дене тудо Родина верч бойышко кая, муро дене мӧҥгыжӧ пӧртылеш*» [1, с. 147]. Сергеят шыпак мурым тӱналеш. Шып мура – чылан тудым колыштыт. Савак рвезе шочмо кундемже нерген мура. Салтак шочмо вержым кода, элым аралаш кая, но шочмо кундем эре тудын ушыштыжо улеш, омешыже конча, а салтакын шӱмжӧ эре шочмо элыштыже:

Шӱмем-мокшем – тыйын пелен,
Ом чамане чонем, вӱрем.
Ом чамане чонем, вӱрем,
Тыланет, элем, алал пуэм!» [1, с. 147]

Муро дек лишыл фольклор жанр – тиде пестушко. Тудо йоча-влак дене модын кутыраш кучылталтеш. Сергей изи шӱжаржым пукшымо годым лач тиде калык ойпого жанрым кучылтеш. Пестушкым муралтымыла пералтен ойлат: «*Сергей мелна осым кучыкта … каласа*:

Ипат копат –
Команмелнат.
Кузе пурлат,
Туге нелат!» [1, с. 70]

Марий калык кугу пашам тӱналме, корныш лекме деч ончыч Юмылан пелешта, сугыньым пуа. Сергейым сарыш ужатыме годым Павыл кугыза унык ажлан тыгак сугынь мутым каласа. Тудо, тичмаш кинде сукырым шулын, Сергейлан киндым пуа, пырля коштыкташ канаша, кинде гай патыр лияш

тылана, мӧнгӧ таза толаш ойым пуа: «*Таза кидан-йолан, кугу чап дене юмо мӧҥгӧ савырыже!*» [1, с. 137] Палена, шочмо калыкна киндым чот пагален, тудым жаплен, шала кучылтын огыл. Киндын вийжым умылымаш – калыкын ик эн кӱлешан могыржо. Тиде эпизодат тидымак пеҥгыдемда. Павыл кугызан образше дене кылдалтше эше ик ойым ушештараш уто огыл, шонена. Сергейым икымше гана ужмыж годым, тудо тыге манеш: «*Ыcмыла, юмо саеш пуйыро!*» [1, с. 36].

Серызе калыкмутымат моштен келыштара. Икмыняржым ончыктен кодена: «Йырваш модеш сава: солат – шӱшка, солалтат – мура» [1, с. 13]. Калыкын пашаче кумылжым ончыктымаште тудо келшен толеш. Але теве налаш омо сӱрет дене кылдалтше ойлончым: «Йылмемлан кукшу кошарге лийже, а ватет, товатат, вич ӱдыр ден вич эргым ышта» [1, с. 18].

Калык ойпого материал шукыж годым Павыл кугызан образше дене кылдалт почылтеш. Тидлан ӧрман огыл, вет лач тудо, илалше марий, шуко пала, калык традиций негызеш кушкын. Ынде тудлан мом палымыжым рвезе калыклан каласен кодыман, тиде уш да чон поянлыкым вес тукым кидыш кучыктыман. Ончалына ик изи сӱрет гыч ужашым: «*Павыл кугыза кынел шогалеш. Чал ӱпан вуйжым савалтымыла пыртак рӱзалтен, шыман пелешта: – Толшо уна шулыкан лийже!*» [1, с. 95]

Икманаш, Дмитрий Орай «Чолга шӱдыр» повестьыштыже ятыр фольклор материалым кучылтын. Калык ойпого гоч ме герой-влакын илышыштым, чон шижмашыштым, йылме мастарлыкыштым келгынрак ужын кертына, марий калыкын илыш ойыртемжым, йӱлам шуктымыжым пален налына. Тыгак икмыняр жанр гоч тусо пагытын идеологий могырым тӱсшӧ почылтеш, авторын возымо дек отношенийже палдырна.

Литератур ден источник

1. *Дим. Орай.* Чолга шӱдыр: Повесть. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1973. – 201 с.

Kseniya Makarova

ARTISTIC FUNCTION OF FOLKLORE MATERIAL IN DMITRIY ORAY'S STORY "CHOLGA SHÜDYR"

The article analyzes folklore material in the story of the Mari writer Dmitriy Oray "Cholga shüdyr" ("Unfading Star"). Folklore material's role in the artistic system of the text is emphasized. Folklore expresses the idea of the work, it is associated with the theme and a problem, the nature of the characters, the mental state of the main characters, emphasizes the author's attitude and the worldview of the people.

Keywords: Dim. Oray, story, character, folklore, legend, proverb, song, a folk omen, nursery rhyme.

УДК 821.511.151.0

Милютина А.И.
Научный руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.
г. Йошкар-Ола

М. ШКЕТАНЫН «ЭРЕҥЕР» РОМАНЫШТЫЖЕ ИНТЕРЬЕР ДЕНЕ КЫЛДАЛТШЕ СЎРЕТ-ВЛАК

Статья посвящена анализу художественных особенностей интерьера и пейзажных элементов в романе марийского писателя-классика М. Шкетана «Эреҥер». Делается вывод о том, что они указывают на место действия, связываются с темой и проблематикой произведения. Уделяется внимание художественным приемам и средствам их описания.

Ключевые слова: М. Шкетан, марийская литература, роман, интерьер, пейзажные элементы, тема, проблема, герой, идея.

Марий сылнымутлан негызым пыштыше-влак радамыште М. Шкетанын лўмжӧ С. Чавайн дене тӧр улеш. Кок кугу писательын творчествышт икте-весыштым ешарен, келгемден, пойдарен шогат. М. Шкетан шке возымаштыже шочмо калыкнан илышыжым кумдан, воштончышышто ужмо гай сўретла. М. Шкетан – прозаик, чолга драматург, тале публицист да мер пашаеҥ, тудо марий да Российысе сылнымутым шуко ойлымаш, латныл пьесе, нылшўдӧ утла статья, очерк, фельетон да «Эреҥер» роман дене пойдарен.

Шкетанын «Эреҥер» романже марий сылнымутын ик эн келге произведенийже. Тудо икымше марий роман радамыште шога, социал ден психологий жанран икымше кугу сылнымут.

Романыште сўретлен пуымо тўрлӧ элементым кучылтмо. Статьяштына интерьер дене кылдалтше сўретым могай амал дене кучылтмым лончылен лектынна.

Романын кумдыкшым ончалаш гын, поснак Урал кундемыште верланыше заводым палемдыман. Романын тўҥ геройжо, Эвай Пӧтыр, тушто пашам ыштен илен. Тиде арам огыл. Тудо пагытыште пашазе класс вўдышӧ вийлан шотлалтын, лач тудын почеш моло шемер кайышаш улыт улмаш. Арам огыл Пӧтыр, ялыш пӧртылмекше, кресаньыкым пашазе дене таҥастарен онча, да нуным нерген моктен ойла. Романыште ял калык пашазе семын илышаш манме шонымашым шыҥдарыме.

Эн ончыч автор заводын верланымыжым ончыкта: «*Ола тўрыштӧ шогышо кугу заводын йўкшӧ йырым-йыр шергылте, курык коклаш савалтын сургалте. Завод Сылва лўман йогын вўд воктен пеш кугу лопка верым ярен шинчын.*

Сылва вӱд курык тайыл дене йога, курыкйол воктен кӱан серым перкален, завод йыр савырна, кум могыр гыч заводым авыра. Тиде мугыр кокла мландыште шыҥ-шыҥ манме семынак завод корпус-влак, тӱрлӧ склад, илыме пӧрт-влак шогат… Завод шеҥгелне, мӱндырнат огыл, Урал курыкын чаҥгатаже-влак койыт. Чаҥгата рӱдыштӧ кожер шога» [1, с. 5]. Ужына, автор тиде описанийыш пӱртӱс сӱрет элемент-влакым пуртен, тыге завод верланыме кумдык шинчалан раш койын почылтеш.

Умбакыже лудына: «*Завод корпуслаште шургымо йӱк, кӱртньӧ кыралтме йӱк дене пылыш темеш, тунемдыме енлан йыгыжакын чучеш. Корпус пырдыжла воктен корпус гыч корпусыш вагонетка-влак гыр-гыр-гыр шоктен йогат, шушаш верышкышт вашкат. Йӱдым завод йӱла. Комака логар еда тул меҥге шога, тул помыжалтеш*» [1, с. 6]. Тыштат каласкалыше герой завод илыш шотышто шке шонымашыжым виктара, поснак йыгыжге йӱк нерген луктын каласа. Тиде эпизодышто писатель йӱкын йонгымыжым моштен палемда. Завод конга-влакын йӱлымышт ойыртемлан тӱткыш ышталтын, тидым метафор полшымо дене оҥай каласыме: «комака логар», «завод йӱла», «тул меҥге шога», «тул помыжалтеш».

Романыште завод илыш ял илышлан, пашазе кресаньыклан ваштарешлалтеш. Тӱҥ действий Эреҥер лӱман ялыште кая. Тудым тыге сӱретлыме: «*Эреҥер ял – кугу ял. Тудо курык чаҥга йымалан, энер вӱдын турарак сер воктенже, кум мучаш дене шуйнен возын. Эреҥер вӱдын умбал сер воктенже кугу лопка куп талген шинча. Куп шеҥгелне казна чодыра лӱшкен шога. Садлан Эреҥер ялым умбачын ужаш ок лий: ик велым чодыра авыра, вес велым шаргӱан курык чаҥга шойышта. Чаҥга ӱмбак кӱзен шумеке, Эреҥерым сад пушеҥге вуй дене пален налат: курык чаҥга ӱмбачын ялын кок парнян шаньыкла шуйналтмыжым копа пундашысе гай раш ужаш лиеш*» [1, с. 37]. Описаний кӱшнӧ ончыктымо семынак чоҥалтын. Тыштат энер нерген ойлалтеш. Уралыште Сылва лӱман гын, тыште – Эреҥер. Каласыман, энер символ тӱсан. Тудо илыш толкыным палемда. Марий тӱвыраште тудын значенийже кугу. Вӱдым, энерым калык пагален, тудым пайдалын кучылташ тыршен, Вӱдавалан ӱшанен пелештен, тыге вӱдын эрыктыме вийжым шотыш налын илен.

Автор тыгак чоҥгата нерген мутым луктеш, тидым ме кок сӱретыштыжат ужына, кожер нерген ушештарен кодымо. Тыге лудшо кок тӱрлӧ кундемын икгайлыкшым да ойыртемжым ужын шукта.

Эреҥер ял сӧрал верыште верланен. Автор тудым тыгайым ончыкта: «*Ялыште пушеҥге-влак оран-оран шогылтыт. Якуш пистер, пистер ото, Ястап куэр, моло ото-влакат ялын сылнылыкшым чапландарат. Кажне суртын тошкемыштыже сад лӱшка. Идым шеҥгел пече воктен лӱмын шындыме гай тыгыде куэрла радам дене кушкеш. Эреҥерын пасуштыжат тыштетушто, иктын-коктын писте, тумо шогылтыт. Корем воктен пасуштат,*

ял кыдалнат, ӱмыр мучкыжо ужар сывыным кудашде, кожер мурен шога» [1, с. 37]. Чынже денак мотор вер-шӧр почылтеш, пушенге-влак ялым сылным ыштат, марий айдемын пӱртӱс тӱня деке лишыл улмыжым эше ик гана пенгыдемдат. Ужашыште писатель поснак ото нерген луктын каласа, могай пушенге кушмым палемден ойырен ончыкта. Ото нерген ойлымо арам огыл, молан манаш гын вара каласкалыше Юмын ото шотышто шонымашыжым почеш: «*Ял деч ӧрдыжтырак, вӱд серын тура чанҥаташтыже, Эреҥер марий-влакын юмылтымо отышт шога. Тиде отышто марий-влак, ашнышаш вольыкыштым шӱшкылын, мланде авам, вӱд авам сӧрвален кумалыт ыле. Кызыт ынде отышто тошто годсо «кумалтыш» мут шагал шокта*» [1, с. 37].

Роман возымо жаплан религий йодышым йӧршын вес семын ончаш тӱҥалыныт, атеизм чот шарлен каен, сандене автор марий кӱсото нерген тыге сера. Тушто кумалмым чарныме нерген шижтара, калыкын Юмо деке тупынь савырнаш тӱҥалмыж нерген ойла.

Тунамак тиде ужаш гыч ме марий-влакын кумалмышт дене кылдалтше икмыняр уверым пален налына: Юмылан пӧлек шотеш пуымо «шовыч ластык-влак кечат»; «куэ тӱҥ воктен чумыр отылан ик тошто шаге уло»; «кӱсото йыр ожно ор гай кӱкшӧ, пенгыде пече шоген». Чынак, ото ожно марийлан Юмо дене кутырымо вер лийын, садлан тудым сакленыт, перегеныт, эрыктен шогеныт. А романыште вес сӱрет пуалтеш: «кызыт пече луштырген», «южо вере виш кодын», «отышто кайык гына ила». Икманаш, тиде эпизод романын темыж дене кылдалт пуалтеш, нӧлталме проблемым почаш полша.

Сылнымутын ик йодышыжо куп коштымо дене кылдалтын. Тунам марий кундемыштына мелиораций паша тӱҥалтыш ошкылым гына ыштен. Эреҥер калыклан куп шуко нелылыкым луктын. Романыште купын шарлен кийымыжым тыге сӱретлыме: «*Кечывал кече могыр гыч, кишкыла кадыргылын, Эреҥер вӱд йога. Ял кужыт коклаштак лу семын тодылалтын, кужашлам, иксалам ыштылеш. Эреҥерын шола серже – куп, тудо кум-ныл меҥгылан казна чодыраш энертен шарлен возын. Тиде кундемыште Эреҥер куп эн кугу куплан шотлалтеш*» [1, с. 37]. Тиде эпизодыштат энерын образшым ончыктымо, тудын кадыргыл йогымыжым кишке дене танастарен пуымо.

Калык чоным витарыше куп нерген мутым умбакыже шуйымо да каласыме: «*Эреҥер куп гай чоныш витарыше куп шагал. Эреҥер, Пиштан, Курыкнер, Адар ял-влак – Эреҥер вӱдын шола могырыштыжо, Курманай, Энерйымал, Пуштый ял-влак энерын пурла могырыштыжо куп верчын ятыр орланен иленыт*» [1, с. 79]. Автор куп нерген сӱретым ужаш лийшым ышта, тудын кумдыкшым палемда, ял марий-влаклан энгекым кондымыж нерген рашемда.

«*Эреҥер гыч Курманай ялыш, энер гоч вончен, тура каяш гын, кум меҥге висат ок лий, а орва корно дене каяшлан куд меҥте чоло кадыргылаш логалеш. Эреҥер ден Курманай тураште Эреҥер вӱд иктаж лу семын лукым*

ыштылын йога» [1, с. 79]. Каласкалыше лудшын тӱткышыжым куча, Эреҥер вӱдын кадыргыл-кадыргыл йогымыжым «лу семын лукым ыштылын» манеш. А ял гыч ялыш вик мияш адакат куп чаракым ышта, садлан «куд менге чоло кадыргылаш логалеш» манме. Тидын дене автор адакат купым кошташ кӱлмӧ шонымашыш «вӱда».

«*Эреҥер ял деч ӱлнырак гына вӱд шола могыр тура сер воктекыла тайна. Чоҥга йымалне вакш шога, тудат вӱдым утларак ташлыкта, куп лоҥгаш чактара, купышто вӱд ок эксе, эре талген шинча*» [1, с. 79]. Энгер, куп, вӱдвакш. Пытартышыже теве кушто верланен: «*Кӱсото деч ӱлнырак, курык йымалне, вӱд вакш уло*» [1, с. 40]. Нине кум умылымаш романыште кӱлешан улыт. Энгер ден куп шотышто шонымашнам кӱшнӧ каласышна, а вакш шотышто конфликт лектеш, тудын образше роман кышкарыште шке вержым муын. Вӱдвакш шотышто ӱчашымаш арам ок шоч, тудо романын социокультурный проблематикыж дене чак кылдалтын.

Серызе купын образшым кумдан почын пуа: «*Куп гыч вӱдлан йоген лекташ ок лий, вӱд йоген лекме лакылаште мланде пеш чот сӧремалтын, кушкын. Казна чодыра гыч Эреҥер вӱдыш ятыр тыгыде изи энгер-влак йоген волат. Туленгер, Маска энгер, Нужа энгер куплан витен шинчаш полшен шогат. Изи энгер-влакын вӱдышт шагал гынат, куп мландым витараш кугу вӱд ок кӱл. Куп эре иктӧр лапашла ӱпшен шинча. Шошо еда казна чодыра гыч лум шула да вӱд моткоч чот толеш*» [1, с. 79]. Ужына, М. Шкетан чылажымат моткоч шымлен воза, тӱткылыкшӧ деталь-влакым палемдымаште раш коеш. Адакшым энгер лӱм-влакым ончыктымыжат сӱретлыме верым палымыжым эше ик гана пенгыдемда.

Эреҥерыште илыш кечын вашталт шога. У совет кучем у семын илышым виктара. Ялсоветым почыт, школ у семын пашам ышташ тӱҥалеш: «*Ял совет лиймек, Эреҥереш у школ пӧртым ыштышт. Тошто школ пӧрт шӱкшемын, пелыжым школ ырыкташ пулан пӱчкеденыт, пелыжым лудмо пӧртлан коденыт…*» [1, с. 42]. Тошто илыш – у саман, тошто школ пӧрт – у школ. Чумыр роман ваштарешла шогалтыме йӧн дене сералтын, тыштат ме антитезым шекланена. У школ ял шенгелне, ото деч тембалнырак, чара нурышто верланен: «*Школ йыр сад уке, кайык толын ок муралте, ломбат, пистат ок пелед*» [1, с. 42]. Арам огыл роман мучашыште кумалме кӱсотым каныме верыш савыраш шонат. Тидат тошто ден уым ваш шогалтымым ончыкта.

Умбакыже школ нерген тыгай палдарымашым ужына: «*Школ изи огыл, кок кугу классан. Коридорат кумда. Коридорышто ошкыл кает гын, пӱтынь школ кӧргӧ сургалтеш*» [1, с. 64]. Тунамсе жаплан тыгай школ чаплылан шотлалтын. Вет тунам тунемме тӧнеж кугыен-влак денат кугу пашам ыштен, тӱрлӧ мероприятийымат тыштак эртареныт, концерт ден спектакльым ончыктеныт.

«Тошто – у» ваштарешлымаш герой-влакым ончыктымо денат чак кылдалтын. Школ илышым налаш гын, тиде Яндышев ден Клавий, тошто семын шонышо илалше туныктышо да тудлан ваштарешла шындыме самырык туныктышо. Нуно илышым тӱрлӧ семын умылат, пашамат тӱрлын ыштат. Действий вияҥме дене Яндышеват ваштальтеш, у толкыныш ушна.

Ялыште кредит ушемым почыт, тудын конторжо уло, ушем кевытымат куча: «*Кредит ушемын конторжо, кевытше корем воктен, коремлан ваштареш, шинча. Пӧрт обшиватлыме, ӧрза чия дене чиялтыме ыле. Ынде чумыр оралтыже тоштемынат, чияжат кувылалтын, каткалалт велын*» [1, с. 46]. Тиде эпизодышто пӧртын тӱсшӧ нерген мутым лукмо, тоштеммыж нерген каласыме. Ужына, автор чылажымат «ончыкташ» тырша, ужаш лийшымак сӱретла.

Интерьер шукыжым оралтым ончыктымо дене кылдалтеш. Икмыняржым ончыктен кодена: «*Якушын суртшо ял мучаште ыле. Ял ден тудын оралте коклаште улшо кугу прогал Пӱглан курык чаҥаш рашак койын*» [1, с. 96]; «*Комиссар Ванька шке пӧртшым ялын энгер дек волышо мучашеш шынден*» [1, с. 43]; «*Тунам вакш амбар воктен йоҥыштышо-влаклан посна изи пӧрт ыле, кугу пӧртыштӧ Вӧдыр ден Сакар иленыт*» [1, с. 94]. Тӱҥ шотышто автор суртын кушто верланымыжым очыктымо дене серлага, могайрак улмыжым шагал рашемда.

Пӧлем описаний шуко пуалтын огыл. Теве отвсекретарьын кабинетше могай улмо утларак деталь полшымо дене почылтеш: «*Пӧлем изи, ару огыл. Пырдыж воктен Ленинын, Сталинын портретышт кеча. Нунын йымалне кужу, шӱкшӧ диван шога. Ик лукышто – кнага оптыман этажерка, тудын воктенак отсекретарьын йошкар коваште пинчакше кеча*» [1, с. 171]. Автор пӧлемын кугытшылан тӱткышым ойыра, лавыран улмыжым палемда, пырдыжыште кечыше вуйлатыше-влакын портретыштым ушештара, тошто диванын кужытшым, шӱкшӧ улмыжым каласа, кнага дене темше этажеркым ончыктымо, тыгак вургем деталь нерген мутым лукмо. Нине атрибут-влак жап ойыртемым ончыктат, тыгак отвсекретарьын могай улмыжым почмаште кӱлешан улыт.

Иктешлен, тыге палемдыман: романын конфликтше у ден тоштым ваш шогалтен сӱретлыме дене кылдалтын, тидыже сылнымутын чыла структурышкыжо шынген. Тидымак интерьерыште шекланаш лиеш. Тыгай сӱрет-влак шукак огытыл. Шукыжым мо кушто верланыме дене кылдалт пуалтеш. Кумдыкым ончыктышо эпизодлаште пӱртӱс изи огыл верым налеш. Арвер тӱня тусо жапын тӱсшым почмаште кӱлешан.

Литератур ден источник

1. *Шкетан М.* Чумырен лукмо ойпого. III том: Роман, ойлымаш, повесть, очерк, фельетон, новелла, статья, серыш-влак (С. Черных ямдылен, тудынак умыландарымашыже). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 624 с.

Alina Milyutina

INTERIOR ELEMENTS IN THE NOVEL “ERENGER” BY M. SHKETAN

The article is devoted to the analysis of artistic features of the interior and landscape elements in the novel of the classic Mari writer M. Shketan “Erenger”. These elements indicate the place of action, and they are connected with the theme and problems of the work. Special attention is paid to artistic techniques and means of their description.

Keywords: M. Shketan, Mari literature, novel, interior, landscape elements, theme, problem, character, idea.

УДК 82-2

Ф.Х. Миннуллина
г. Казань

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.

Изменения в жизни общества приводили к переосмыслению культурных и социальных ценностей, переменам в воссоздании художественной картины мира. В статье анализируются пьесы Р. Хамида, Р. Зайдуллы, М. Гилязова, А. Ахметгалиевой и др. в контексте новых явлений в современной татарской драматургии, а также в способах отражения действительности, поиске авторами новых изобразительно выразительных средств и т.д.

Ключевые слова: татарская драматургия 1980–2000-х годов, герой, история татарского народа, драма, конфликт.

Конец XX века ознаменовался революционными событиями в общественно-политической, экономической и социальной сфере жизни российского общества. Демократические перемены нашли свое отражение и в литературе. Татарская драматургия данного периода представляет собой активный творческий процесс, важными задачами которого стали объективное отображение современных реалий и эстетико-нравственных ценностей общества, поиск новых литературных форм, образов, сюжетов [8, с. 4]. Для татарской драматургии переломного периода характерны обращение к национальным проблемам и критический взгляд на окружающую действительность. Трансформация системы образов национальной драматургии влияла не только на идейно-тематическое содержание произведений, но и отражалась в модификации жанров [8, с. 4]. В драматических пьесах находят свое воплощение важные и своеобразные явления жизни, и в них развитие действия достигается посредством столкновения различных взглядов в рамках острого конфликта. Следует отметить значительное сходство общего состояния тататарской драматургии со сценической литературой других народов. Так, в русском литературоведении при определении современного драматургического процесса, в частности в выявлении жанровых особенностей, существует ряд определений: новая «новая драма» (В. Мирзоев), «постсоветская» и «новороссийская драма» (А. Солянский), «актуальная драматургия» (М. Тимашева), «младодраматургия» (М. Давыдова), «ДЧС» – драма чрезвычайной ситуации (М. Мамаладзе). По мнению С.Я. Гончаровой-Грабовской, современная драматургия представлена авторами разных художественных направлений, «новизна эстетических поисков которых очевидна» [3, с. 35]. Поэтика и проблематика

драматургии конца XX – начала XXI века, тенденции ее развития, преемственность традиций вызывают интерес у многих татарских исследователей. Научному изучению этих явлений посвящены труды А. Ахмадуллина, Н. Ханзафарова, И. Иляловой, Р. Игламова, А. Закирзянова, А. Саттаровой, Н. Игламова, М. Шарипова, Г. Адгамовой, А. Салиховой, М. Хабутдиновой и др. Как отмечают исследователи, характерной для татарской литературы тенденцией стал скрупулезный, часто в натуралистической форме, показ темных сторон общества. В некоторых произведениях преобладает жестокость, шантаж, насилие и т.д. Такие явления в жизни повлияли на природу конфликта и логику характеров многих пьес. Это потребовало у драматургов новых художественных поисков. Жестокая реальность, в которой царит хаос, привела к созданию пьес с элементами абсурда. По мнению А. Ахмадуллина, главное направление развития татарской драматургии связано с реализмом. В то же время он не отрицает увлечения отдельных авторов элементами модернизма [5, с. 84]. Напротив, их обращение к формам и приемам, которые несовместимы с реалистическим методом, воспринимается как стремление создать «вторичную художественную модель», предлагаемую в качестве нового явления [1, с. 485]. Такие драматурги, как Р. Хамид, Т. Миннуллин, М. Гилязов, З. Хаким, Аманулла, И. Зайниев, А. Ахметгалиева и др., стали обращать внимание на поиск смысла человеческого существования и противоборства с хаосом и жестокостью. Новым был показ картин повседневной жизни, раскрытие злободневных социальных и моральных проблем. Например, воссоздаются обычные для читателя картины быта бизнесменов, коммерсантов, научных работников, нищих и т.д. В центре этих поисков находится жанр драмы. Драма демонстрирует активное экспериментирование драматургов, режиссеров в области формы, художественных средств. Пьесы содержат элементы экзистенциальной драмы, драмы абсурда, неожиданности, непредсказуемости, которые являются способом возрождения вымышленной модели жизни, отдаляющейся от реальности. Некоторые современные авторы стремятся освободиться от жанровых канонов, произвольно уточняя формы своего произведения. Например, пьеса из двух актов (З. Хаким, «Ускакал конь в Казань» («Чапты атым Казанга»), 1999), драма для одного человека (бер кешелек драма, Д. Салихов, «Хурмату нужно уважение» («Хөрмәткә хөрмәт кирәк»), 1989), музыкальный рассказ из жизни театра в двух частях (Г. Каюмов, «Рождение…» («Туу»), ломаный белый стих (ике пәрдәле сынык ак шигырьдә чичәнлек, Г. Каюмов, «Он...» («Ул»), драматический дастан-гипотеза (ике пәрдәле фараз-дастан, Г. Каюмов, «Ыру...»), фантасмагория (Г. Каюмов, «Мурза» («Морза») и т.д., в которых отражается характер перемен. Появилось много интересных монопьес (или монодрам), фантасмагорий, мелодрам. Монодрама представляет собой развернутый монолог, который может обращаться к зрителю, к присутствующему безмолвному

персонажу. Если обратиться к типологии монологов, монодрама – это синтез «обращенных» монологов, беседа: «Я – монолог» плюс «Ты – монолог» в самых разных сочетаниях. Например, пьесы «Пыль на большой дороге» («Олы юлның тузаны», 1989) Р. Хамида и «Хурмату нужно уважение» Д. Салихова, «Микулай» М. Гилязова – это лирические монологи, в которых происходит самораскрытие чувств через призму психологического, душевного состояния героя.

Под влиянием европейской и русской сценической литературы в татарскую драматургию проникают новые течения – «театр зла», «театр смеха», «театр абсурда». Драматурги, опираясь на философию одиночества, такие пороки современного общества, как пьянство, бездеятельность, неспособность адаптироваться к современным реалиям, раскрывают драматизм, трагедию героев. Как пишет А. Закирзянов, в современном татарском литературоведении усилилось стремление оценивать литературный процесс или творчество отдельного писателя с точки зрения принадлежности его к тому или иному направлению и течению. В связи с этим нашли довольно широкое применение термины, уже сформировавшиеся в русской и мировой литературе – символизм, экзистенциализм, модернизм, постмодернизм и др. [6, с. 19]. Надо сказать, что в пьесах Т. Миннуллина, З. Хакима, М. Гилязова, Р. Хамида, Амануллы и др. прослеживается сочетание традиционных и современных приемов, форм-средств. Например, в пьесах З. Хакима «Летающая тарелка», «В объятиях черта» используются приемы постмодернизма. К ним относятся элементы абсурда, игры. Как отмечает А. Закирзянов, фрагментарность, раздвоение личности, ощущение кризиса и т.д. через философию экзистенциализма, в пьесах широко используются приемы, относящиеся к «театру абсурда» и «театру зла», в произведениях, основанных на некой условности, есть попытки отображения обоих миров – горнего и дольнего, а в самой ткани произведения важное место занимают явления метафоричного плана и т.д. [7, с. 152]. Заслуживает внимания фантастическая трагикомедия А. Халима «Кража жениха» («Кияү урлау», 2006), написанная в форме абсурда. Высоко оценивая эту пьесу, А. Ахмадуллин пишет, что произведение обогащено сюрреалистическими элементами и является одним из первых успешных опытов подобного рода в национальной драматургии [1, с. 76]. В лирической комедии «Под музыку ветра» («Искән җилләр көенә», 2006) З. Хаким за основу сюжета берет абсурдное явление: не найдя взаимности в любви, главный герой Рамай уходит в армию, чтобы доказать, что он способен на мужской поступок. Служить ему приходится писарем в штабе. В ходе событий драматург ставит главного героя в весьма необычную ситуацию – заставляет прыгнуть с парашютом, который уносит его в другой регион. В результате Рамай оказывается на Украине. В связи с этим автор описывает жизнь местных татар через призму политической

ситуации, сложившейся в этой республике. Рамай влюбляется в татарскую девушку, некоторое время живет в ее семье, скрывая от командиров свое местонахождение. Действие в комедии воспринимается как происходящее в реальном мире и в мире воображаемом. В трагикомедии З. Хакима «Морковное поле» («Кишер басуы», 1993), например, воспроизводится действительное и вымышленное, реальное и виртуальное. В пьесе показаны политические изменения в судьбе суверенного Татарстана. Автор освещает те явления, которые, по сути, абсурдны. В татарской деревне приземляется летающая тарелка с инопланетянами. Жители деревни собираются на морковном поле. В честь незваных гостей в сельском клубе устраивают собрание с целью демонстрации счастливой жизни, иначе говоря, люди приступают к игре. Преследуя свои цели, жители деревни вспоминают традиции предков и демонстрируют гостям свой быт с лучшей стороны, то есть показывают то, чего нет в реальности, в надежде улететь на планету, где живут счастливые пришельцы. Черты модернистского направления в татарской драматургии нашли отражение в драме Т. Миннуллина «Моя Танзиля» («Тәнзиләкәй»). Это явственно видно в оценке действительности сквозь двухуровневую модель мира, в противоречии героя с законами бытия и его стремление жить в придуманной им действительности, изображение бессмысленности жизни, иллюзорности счастья [4, с. 76]. Особенностью современной татарской драматургии также является сочетание натурализма и гротескных интеллектуальных метафор, наличие поэтики абсурда в драмах. В драме Д. Салихова «Богом проклятый дом», например, сюжет разворачивается в психиатрической клинике в годы горбачевских реформ. Генеральный директор одной из организаций Айрат Харисович, спасаясь от тюрьмы, прячется в клинике – прикидывается сумасшедшим. Главный врач Равиль Якубович ведет свою игру: он хочет заработать много денег и добиться расположения молодой жены Айрата Харисовича – Зили. В лице доктора воссоздан образ хранителя тоталитарных порядков. Психиатрическая клиника предстает местом, где царят бесчеловечные порядки. Это богом проклятое место, страна, где не соблюдаются законы. «Мир ужасен. Мир не отличается от сумасшедшего дома. Нас обманывают, вынуждают, а мы и рады», – говорит один из героев пьесы. А. Закирзянов подчеркивает: «В современной татарской литературе с целью раскрытия жестких противоречий бытия и социально экзистенциального героя наблюдается обращение к реальным и мифологическим явлениям мира, архетипам и мифологемам». Некоторым художественным произведениям конца XX – начала XXI века свойственно одновременное сочетание мифологического, романтического и символического мышления [6, с. 18]. Например, в трагедии З. Хакима «В объятиях черта» показан мифологический образ Черта, который дает возможность раскрыть реальную действительность.

Татарские драматурги все чаще обращаются к новым формам, оригинальным метафорам, приемам создания нового художественного мира, архетипам, условным образам-мотивам. «Изменения в литературе проявились, в первую очередь, в стремлении к изображению художественными средствами преобразований, которые происходят в общественной жизни, их влияния на личность человека и на этой основе – раскрытию его сложного внутреннего мира» [5, с. 84]. В татарской драматургии появляются асоциальные герои, которых не волнует общественное бытие, они живут своей частной жизнью: переживают, радуются, скандалят, решают свои проблемы. К таким героям мы можем отнести Самита и Хулли («Разрушители фундамента» («Нигез туздыручылар», 1997) Ю. Сафиуллина), Искандера и Марфугу («Заблудший соловей» («Саташкан сандугач», 2001) Р. Зайдуллы), Ирину («Дерево счастья» («Бәхет агачы», 2016) А. Ахметгалиевой) и др. Например, главных героев драмы Р. Зайдуллы «Заблудший соловей» Миляушу и Интизара объединяет стремление к нравственной красоте, счастливому совместному будущему. К сожалению, мечтам молодых не суждено сбыться, ведь они вынуждены жить в тесной комнате общежития, у них нет детей. Несмотря на уважительные отношения и любовь друг к другу, материальные трудности берут верх и разрушают семью. В противоположность им автор описывает современных бизнесменов Искандера и Марфугу – героев, которые благодаря таким качествам, как жадность, хитроумие, игнорирование духовных ценностей, смогли адаптироваться и достичь своих целей в период «дикого капитализма». Измена жены и обвинение в убийстве разрушают жизнь Интизара, который чувствует себя одиноким и несчастным. Бизнес-леди Марфуга нанимает киллера, чтобы убить Искандера. Отчаяние, разочарование в жизни приводят к тому, что Интизар осознает полную безнадежность и невозможность каких-то перемен. К галерее подобных асоциальных образов можно отнести и героев пьесы А. Ахметгалиевой «Свет моих очей» («Күз нурым», 2016). Здесь герои хотят найти свое место в новых условиях. В драме есть герои изменившиеся (Друг, Ханым) и герои, отставшие от времени, не принявшие социальных преобразований и продолжающие жить прошлым (Мужчина и Женщина). Первый – яркий и успешный, но жестокий бизнесмен, последние обитают в маленькой комнате в общежитии. Мужчина и Женщина оказываются заложниками временного слома, они мечтали о счастливой жизни, не смогли приспособиться к новым условиям жизни. Коварные замыслы героев, бывших друзей Мужчины и Женщины – Друга и Ханым – разрушают взаимопонимание, уважение между мужем и женой. Современные бизнесмены Друг и Ханым отстаивают свои взгляды в отношении семейных устоев и правил. Для них главным достоинством человека являются деньги, а все вокруг представляет собой товар. Здесь можно вести речь и о модели «человека-накопителя». Безнравственные поступки

и желания этих героев разрушают взаимопонимание в семье. Ханым начинает встречаться с Мужчиной, а ее муж уже несколько лет пытается завоевать Женщину, но безрезультатно – женщина не соглашается стать его любовницей. Чтобы достичь своей цели, Друг и Ханым помогают встать на ноги Мужчине и Женщине. В результате они открывают магазины, у них появляются деньги, квартира. Детей отдают в школу-интернат. К сожалению, у героев уже нет той семейной теплоты, доверия, которые у них были раньше. В финале со смертью Женщины все приходят к пониманию своей черствости, бездушия, безразличия, ошибок, которые они совершили. Таким образом, автор поднимает проблему поиска смысла жизни, акцентируя внимание на внутреннем мире героев. В татарской драматургии начала XXI века преобладают герои, которые вынуждены все свои силы и возможности направлять на борьбу за выживание. Существующие в обществе порядки захватывают личность, поглощают ее или, наоборот, трансформируют героя в одномерное существо, безличную, «бесчувственную» функцию либо вообще физически уничтожают. Герои, не нашедшие своего места в жизни, встречаются и в пьесах Г. Каюмова «Игра над пропастью» («Упкын өстендә», 2003), И. Юзеева «Искал, нашел, потерял» («Эзләдем, таптым, югалттым», 1997), Т. Миннуллина «Заблуждение» («Саташу», 2001), З. Хакима «Лицо» («Бит», 2004), Х. Ибрагимова «Остров» («Утрау», 2007), Р. Зайдуллы «Заблудший соловей», И. Зайниева «Цвет лука полевого» («Суган чәчәге», 2007) и др. В характерах таких героев, как Гузель («Заблуждение» Т. Миннуллина), Рафис («Пара крыльев» («Пар канатлар», 1997) Ю. Сафиуллина), мы наблюдаем безволие, слабость персонажей. Авторы, выводя на первый план героев, совершающих неадекватные поступки и ошибки, порой непоправимые, демонстрируют моральную деградацию общества. В татарской драматургии также нашла воплощение модель героя – творческая личность. Это образы художника Тайфура Кормаша («Выронила из рук белый калфак» И. Юзеева), художника Газинура («Моя Танзиля» Т. Миннуллина), актрисы Миляуши, художников Шагита, Нурислама («Прощайте!» Т. Миннуллина), композитора Сайдаша, скульптора Сайяра («Душа» И. Юзеева), Баязит («Баязит» Д. Салихова), артиста Шарафа («Бродячие артисты» («Сукбай артистлар»), 2004 Ю. Сафиуллина), артистов Джаудата, Булата («Полевой цветок» («Суган чәчәге», 2007) И. Зайниева) и др., творческая деятельность которых является их единственной страстью и носит жертвенный характер.

Одна из характерных черт татарской драматургии указанного периода – обращение к драматическим образам старшего поколения, которые вобрали в себя все лучшее, что есть в народе [1, с. 305]. Например, Р. Хамид находит драматические обстоятельства и конфликты в сфере нравственности, стремится раскрыть сложные человеческие взаимоотношения. Большинство его

героев являются близкими родственниками, в связи с этим конфликт приобретает особую глубину и драматичность. В пьесах «Уже ухожу» («Китәм инде», 1980), «Дуновение ветра березы» («Каен җиле», 1980), «Два часа – целая жизнь» («Ике сәгать – бер гомер», 1984), «В мае пятнадцатого» («Майның унбишләрендә», 1984), «Сказал родственник» («Диде кардәш», 1985), «Пыль на большой дороге» (1989), «Семеро свояков» («Җиде бажа», 1988), «Страна Белых корней» («Ак тамырлар иле», 1991) и др. автор ставит целью показать потерю нравственности, доброты, человечности, взаимопонимания между людьми.

Татарская драма конца XX – начала XXI века тематически развивается в двух направлениях: отображение исторического прошлого и современности. Драма представила огромное разнообразие характеров, конфликтов и обстоятельств, где описывается история народа. В пьесах запечатлеваются, прежде всего, наиболее острые, напряженные моменты и пронзительно неблагополучные, положительные герои. Острые проблемы общества раскрываются в следующих аспектах: взаимная обусловленность судьбы страны и народа; своеобразие взаимоотношений общества и человека; духовный мир человека в общенациональном контексте. Стремление к духовности в противоречии с реальностью вызывает трагические конфликты, в основе которых лежит борьба духовного и бездуховного в человеке. В ситуации смены ценностных ориентиров, пересмотра прежних идеалов и норм драматурги предложили свою картину мира, своих героев и свои темы. Обновление в татарской драматургии было достигнуто через: 1) показ духовного кризиса, одиночества героя; 2) использование приема абсурда для разоблачения, показ абсурдности жизни; 3) сочетание натурализма и гротескных метафор; 4) трансформация отдельных жанров; 5) обращение к инсценировкам, созданным на основе литературных произведений разных жанров. Это позволяет говорить о новом этапе в развитии татарской драматургии, которая пытается найти свой путь в новом культурном пространстве. Поиск сопровождается активными эстетическими исканиями авторов, сосуществованием многообразных художественных направлений, традиционных и авангардных форм, новых стилей и жанров.

Литература и источники

1. *Ахмадуллин А.Г.* Татарская драматургия: история и проблемы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 485 с.

2. *Борев Ю.Б.* Жанр // Словарь литературоведческих терминов / сост. Ю.Б. Борев. – М., 1998. – С. 345–346.

3. *Гончарова-Грабовская С.Я.* Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 278 с.

4. *Журчева О.В.* Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. – 183 с.

5. *Закирзянов А.* Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.). – Казань: Ихлас, 2011. – 318 с.

6. *Закирзянов А.* Отношение к модернизму и постмодернизму в татарской литературе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. – С. 17–24.

7. *Закирзянов А.М.* Трансформация образов-символов в современной культурной ситуации (на примере татарской драматургии) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 2. – С. 149–154.

8. *Мингалиева Л.Э.* Современная татарская драматургия: тематическое разнообразие и художественная специфика: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 26 с.

Fatyma Minnulina

PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TATAR DRAMA AT THE END OF THE 20th – BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Changes in the life of society led to a rethinking of cultural and social values, changes in the recreation of the artistic picture of the world. The article analyzes the plays of R. Hamid, R. Zaydulla, M. Gilyazov, A. Akhmetgalieva and others in the context of new phenomena in modern Tatar drama, as well as ways of reflecting reality, the search for new pictorial expressive means by authors, etc.

Keywords: Tatar drama of the 1980s–2000s, character, history of the Tatar people, drama, conflict.

УДК 811.511.151

Митрускова А.А.
г. Йошкар-Ола

АНТОНИМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.Г. ЧАВАЙНА

Статья посвящена изучению антонимов и анализу их стилистических функций в произведениях С.Г. Чавайна. Выявлены особенности употребления и функции такой стилистической фигуры, как антитеза. Материалом исследования послужили повести, рассказы, легенды из I тома собрания сочинений С.Г. Чавайна.

Ключевые слова: антонимия, антоним, типы антонимов, функции антонимов, антитеза.

В лингвистической науке существует множество дефиниций антонимов. В данной работе в качестве рабочего используется следующее определение: антонимия – противоположность значений языковых единиц одного и того же уровня языка: слов, морфем, синтаксических конструкций [2, с. 28–29]. Соответственно, в качестве антонимов в статье рассматриваются слова одной и той же части речи, имеющие противоположные значения [1, с. 36].

Изучение языка художественного произведения входит в круг задач современной лингвистики. Тексты С.Г. Чавайна отличаются богатством и разнообразием языковых средств и стилистических приемов. Их анализ способствует обогащению арсенала выразительных средств начинающих писателей, поэтов, драматургов, журналистов. Материалом исследования для данной статьи послужили повести, рассказы, легенды из I тома собрания сочинений С.Г. Чавайна.

В прозе С.Г. Чавайна представлены практически все морфологические типы антонимов: 1) антонимы-существительные: *Кернак, тунам ушкал ала* ***юмыш****, ала* ***мландыш*** *пурен каен, нимо пале уке* [3, с. 294] ‘Действительно, тогда корова то ли в **небо**, то ли в **землю** ушла, никаких следов нет’; *Корно дене йотъеҥ кая, чодырашке саска погаш* ***икшыве*** *куржеш, пасушко* ***кугыеҥ*** *ошкеда – чыланат памаш вӱдым йӱыт, вара, куштылемын, умбаке каят* [3, с. 233] ‘Незнакомый человек идет по дороге, **ребенок** бежит в лес за ягодами, **взрослый** шагает в поле – все пьют родниковую воду, затем, почувствовав облегчение, идут дальше’. 2) антонимы-прилагательные: *Капше марда:* ***кужу огыл****,* ***кӱчык огыл****; кид-йол кӱжгӧ, туп-ваче лопка – виян лийшашлык* [3, с. 185] ‘Фигура средняя: **не высокая** (букв. не длинная), **не низкая** (букв. не короткая); руки-ноги толстые, торс широкий – сильный должен быть’; 3) антонимы-глаголы: *Мом* ***тӱҥалын*** *иктыже, тудым* ***пытара*** *весыже* [3, с. 237]

‘Что **начал** один, то **заканчивает** другой’; *Опай Пайдуш чодырашке янлык пушташ* ***каен****, кум кече гыч иже* ***толеш*** [3, с. 193] ‘Опай Пайдуш **пошел** в лес убить зверя, **придет** только через три дня’; 4) антонимы-наречия: *Эчан ни* ***шенгек****, ни ӧрдыж век ок ончал,* ***ончык*** *куржеш* [3, с. 270] ‘Эчан ни **назад**, ни в сторону не смотрит, бежит **вперед**’.

В произведениях С.Г. Чавайна наиболее продуктивны разнокорневые (разнокоренные) узуальные антонимы: *Шӱдыр-влак кӱшнӧ чинчыла йылгыжыт, южышто чӱчкен модыт: теве* ***койыт****, теве* ***йомыт*** [3, с. 192] ‘Звезды высоко сверкают, как блестки, в воздухе мерцая, играют: то **виднеются**, то **исчезают**’; *Озаҥ олам йырым-йыр руш кугыжа салтакше-влак дене авырен: ик еҥымат* ***ок пурто****, ик еҥымат* ***ок лук*** [3, с. 227] ‘Город Казань со всех сторон русский царь окружил: никого **не впускает**, никого **не выпускает**’ *Йолагай еҥ шке пашажым* ***нелылан*** *шотла, весын пашам* ***куштылгеш*** *ужеш* [3, с. 235] ‘Ленивый человек свою работу считает **трудной**, чужую работу видит **легкой**’.

В своих произведениях С.Г. Чавайн использует и окказиональные антонимы, т.е. такие слова, которые в языке (в своем словарном значении) не выражают противоположных понятий: *Тыге тудо телыже-кеҥежше,* ***луман*** *ма,* ***йӱран*** *ма – йодышт орланен коштеш* [3, с. 255] ‘Так он (Ямперде. – *А.М.*) и зимой и летом **снежно** ли, **дождливо** ли – страдая, просит милостыню’; ***Буржуй-влакым*** *сеҥыде, мемнан гай* ***шемерлан*** *сай илыш нигунамат ок тол* [3, с. 265] ‘Не победим (букв. не победив) **буржуев**, для таких **трудящихся**, как мы, хорошая жизнь никогда не настанет’; *Мемнан корнына икте:* ***сеҥаш*** *але* ***колаш****!* [3, с. 268] ‘Наша дорога одна: **победить** или **умереть**!’; *Вара тиде кок тӱшка* ***пий*** *ден* ***пырысла*** *эре пуредылаш, ханыштымат тутыш ваштальтылаш тӱҥалыныт* [3, с. 217] ‘Потом эти две группировки стали грызться между собой, как **кошки** и **собаки**, без конца менять своих ханов’.

В произведениях С.Г. Чавайна антонимы выступают лексическим средством для построения антитезы – литературного приема, в основе которого лежит резкое противопоставление понятий или явлений [2, с. 28]. Эта фигура речи выполняет экспрессивную функцию, помогая придать речи выразительность.

С помощью антитезы С.Г. Чавайн подчеркивает противопоставленность персонажей: *Марийже –* ***пашаче****, ватыже –* ***йолагай*** [3, с. 235] ‘Муж-то – **работящий**, жена-то – **ленивая**’; *Тыге* ***шонгырак****, чалемаш тӱҥалше пондашан торговой кугыза* ***рвезе*** *марийым шылтала* [3, с. 188] ‘Так **пожилой**, с начавшей седеть бородой, торговый старик (торговец) упрекает **молодого** мужчину’.

Писатель употребляет антитезу с целью подчеркнуть противоречивость внутреннего состояния человека, его эмоций и переживаний: *Окавий* ***ошемеш****,* ***чеверга****, адак ошем кая, шинчавӱдшат чыл-чыл-чыл коеш* [3, с. 205] ‘Окавий бледнеет, **краснеет**, снова **бледнеет**, на её глазах наворачиваются (букв. блестят) даже слезы’.

Усиливают выразительный потенциал текста антонимы, которые С.Г. Чавайн вводит для подчеркивания полноты охвата изображаемого явления: *Нунын ӱмырышт кӱчык: кече* ***лекме*** *гыч кече* ***шичмешке*** *веле – айда кеч ик кечыгут ош тӱняште куанен илат!..* [3, с. 207] ‘Их (у бабочек. – *А.М.*) жизнь коротка: от **восхода** до **захода** солнца – пусть хоть один день, радуясь, поживут на белом свете’; *Пӧрт тич ен: **изиже, кугужо, пӧръеҥже, ӱдырамашыже** – чылажат уло* [3, с. 213] ‘Дом полон людей: **маленькие, взрослые, мужчины, женщины** – все есть’.

Повтор антонимичных пар придает художественному тексту особую выразительность: *Йыландан* ***ойгыжо*** *– нунын* ***ойгышт****. Йыландан* ***куанымашыже*** *– нунын* ***куанымышт*** [3, с. 228] ‘**Горе** Йыланды – их **горе**. **Радость** Йыланды – их **радость**’.

Использование антитезы для С.Г. Чавайна было концептуально и содержательно важно, например, при противопоставлении богатых и бедных, что было в целом характерно для произведений того времени: *Ик* ***нужнарак*** *купеч корныш лекмыж годым кӱртньӧ сатужым йоммо деч оролаш* ***поян*** *купечлан пуэн коден* [3, с. 261] ‘Один купец **победнее**, перед тем как выйти в дорогу, чтобы стеречь от пропажи, свои металлоизделия оставил **богатому** купцу’; *Эчан –* ***нужна****. Миклайын эргыже. Каврий –* ***поян*** *Сакарын* [3, с. 264] ‘Эчан – **бедный**. Сын Миклая. Каврий – **богатого** Сакара’.

Предложения, включающие несколько пар антонимов, отличаются особой выразительностью, так как антонимы усиливают друг друга. Например, в следующем предложении С.Г. Чавайн использовал три пары антонимов: ***Эрат эр кынелаш*** *огеш лий,* ***касат кас возаш*** *огеш лий* [3, с. 185] ‘**Утром рано** нельзя **подняться**, **вечером поздно** нельзя **ложиться**’.

Включенность антонимичных слов в художественный текст не всегда выражает значение противопоставления, так как лексемы не функционируют как антонимичные пары. Так, в следующем примере С.Г. Чавайна содержится указание на очередность, непрерывность явлений природы: ***Шыже*** *эрта,* ***теле*** *толеш,* ***шошо*** *эрта,* ***кенеж*** *толеш* [3, с. 203] ‘**Осень** проходит, **зима** приходит, **весна** проходит, **лето** приходит’.

Таким образом, особенности употребления антонимов в прозе С.Г. Чавайна отражают его индивидуальный стиль, а также национальную специфику марийского языка, что наблюдается при переводе некоторых антонимов с марийского языка на русский язык (см. пример предложения с антонимичной парой *кужу огыл – кӱчык огыл* ‘не высокая (букв. не длинная) – не низкая (букв. не короткая)’. Стилистические функции антонимов в прозе С.Г. Чавайна разнообразны. В одном случае они конструктивно организуют текст, в другом – контрастно оттеняют характеры героев произведений, также выражают полноту охвата изображаемого, противопоставленность предметов, явлений, признаков, действий.

Источники и литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.

2. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 721 с.

3. *Чавайн Г.С.* Чумырен лукмо ойпого. I том / К.К. Васин ден Г.С. Чавайн чумыреныт. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. – 336 с.

Angelika Mitruskova

ANTONYMS IN THE WORKS OF S.G. CHAVAIN

The article is devoted to the study of antonyms and the analysis of their stylistic functions in the works of S.G. Chavain. The features of the use and functions of such a stylistic figure as antithesis are revealed. The material of the study included stories, short stories, legends from the first volume of the collected works of S.G. Chavain.

Keywords: antonymy, antonym, types of antonyms, functions of antonyms, antithesis.

УДК 821.511.151.0

Михайлов В.Т.
г. Йошкар-Ола

Ю. АРТАМОНОВЫН «ЧАВАЙНЫН КУЭЖЕ» ПОВЕСТЬЫШТЫЖЕ ТОТАЛИТАР КУЧЕМ ДА МАРИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЙЫН ПӰРЫМАШЫЖЕ

Статья посвящена анализу повести Ю.М. Артамонова «Чавайнын куэже» («Береза Чавайна»), где на примере жизни и творчества марийского классика С.Г. Чавайна раскрывается проблема трагедии творческой личности в эпоху тоталитаризма. Выявляется предмет художественного исследования писателя – тоталитарная система и человек в этой системе, его судьба, его желание противостоять несправедливости. Подчеркиваются такие художественные особенности произведения, как жанровое своеобразие, идея, конфликт, композиция, фольклорно-этнографический материал и т.д.

Ключевые слова: тоталитаризм, С.Г. Чавайн, жанр, повесть-эссе, композиция, идея, конфликт, фольклорно-этнографический материал.

Пале, айдеме пиалан, кунам кугыжаныш тудым посна личность семын акла, кушкашыже, усталыкше почылташ чыла йӧным ышта. Туге гынат тӱнямбал историйыште айдемым шотлыдымо, тудым кугыжанышын ик изи ужашыже, винтикше, семын ончымо жап ятыр лийын. Тыгай кончыш XX курымын 30–50-ше ийлаштыже Совет тоталитар кучемыште, Сталинын культ личностьше жапыште раш палдырнен.

«Тоталитаризм» умылымаш мер илышыште утларакшым кучем ден айдеме кокласе кылым рашемда. Илышын чыла шӧрынжым (политике ден экономикым, тӱвырам, искусствым да т.м.) кугыжаныш кучем могырым эскерымаш, шкет вуйлатен шогымаш – тудын тӱҥ палыже.

Сылнымут литератур кеч-кунамат лудшын чоныш порылык, чон яндарлык, гуманизм кумылым шындараш тыршен, айдеме лӱм дене, шке паша да илыш дене кугешнен илаш таратен, калык историйым чыла могырымат почын ончыкташ тыршен. Тоталитар кучем тыгай кумылым шарыше литератур ваштареш виян кучедалын гынат, 1956–1966 ийласе «левыктыш» да 1985 ийыште тӱҥалше у толкын (тудо историйыш «перестройко» лӱм дене пурен) эрык шӱлышан сылнымутлан вийым налаш полшеныт. Поснак перестройко дене кылдалтше процесс-влак шочмо элнан да калыкнан илышышкыже моткоч кугу вашталтышым конденыт, сылнымутан литературланат виянаш кумда корно почылтын.

У саманыште марий сылнымутышто тоталитар кучем жапысе айдемын кочо пӱрымашыж нерген савыкталтше произведений – тиде В. Ивановын «Ава

шӱм» повестьше. Тудо 1965–1966 ийлаштак возалтын, а лудшо деке 1988 ийыште гына шуын («Ончыко» журналын икымше номерыштыже савыкталтын). Писатель, гражданский чолгалыкым ончыктен, 1960-шо ийлаште петырыме темым нӧлталаш тоштын, Сталинын личность культшын торжалыкшым, проста айдемын вий-куатшым, чон моторлыкшым икымше марий оперын авторжо Эрик Сапаевын ешыжын илыш пӱрымашыж негызеш устан сӱретлен.

Тоталитаризм кучем жапысе марий интеллигенцийын пӱрымашыж нерген темым умбакыже Ошэл Василий (Яблочкин Василий Степанович) «Айдеме илаш шочеш» повесть-шарнымашыштыже шуен. Тыгай сынан произведенийым вес семынже мемуар маныт. Лудыш посна книга дене 1990 ийыште лектын. Тудын авторжымат шучко саманын толкынжо авалтен: тудо латшым ий тӱрлӧ лагерьлаште орланен да келге оргажан илыш корныжым шке произведенийыштыже ончыктен. Тунамсе шучко пуламыр жапысе марий сылнымутын трагедий сынан пӱрымашыже Василий Степановичын чонжым эре туржын: «*Кызытат шонен ӧрам, – ойлен тудо возкалыше коллегыже-влак дене ик вашлиймаште. – Э-э-эх, марий калык чот пеледшашлык сылнымутшым йомдарен. Чавайным, Шабдар Осыпым, Ипайым шонемат, эре-эре шинчавӱдем толеш. Мочол пеледышым тошкен пытарышт*» [2, с. 75–76].

Шарнымаш книган тӱҥ шонымашыже тудын вуймутшо гычак рашемеш – «Айдеме илаш шочеш». Тиде шонымашым автор умбакыже текстыште келгемда, философий иктешлымаш кӱкшытыш нӧлталеш: айдеме нигунам, нимогай туткар ончылнат чакнышаш огыл, чыла нелым сеҥен ончыко кайышаш.

Ты радамыште Ф. Майоровын «Титакдыме титакан» (тудо «Поргем» романын ужашыже семын «Марий коммуна» газет страницылаште 1991 ийыште савыкталтын) да «Ача ден эрге» повестлаже улыт.

Айдемын кӧргӧ чон яндарлыкше, гуманизм проблеме кызытсе марий прозышто тӱҥ верыш лекмым кугу эпический произведений-влакат палемдат. Тоталитаризм да айдеме йодышым тарватыше роман-влакын авторышт В. Абукаев-Эмгак («Шочмо тувыр»), Осмин Йыван («Кава ден мланде коклаште») ден М. Павлов («Пӱрымаш») марий сылнымутышто у йыжыҥым почыныт. Тиде радамыштак Ю.М. Артамоновын «Чвайнын куэже» повестьшым палемдыман.

«Чавайнын куэже» повестьым Ю. Артамонов 1978–1988 ийлаште возен, да 1988 ийыште «Ончыко» журналын 5-ше номерыштыже «Поэтын куэже» лӱм дене С.Г. Чавайнын 100 ияш лӱмгечыже вашеш савыкталтын. Посна книга дене тудо 1995 ийыште «Чавайнын куэже» повесть-влак сборникыште тыгаяк лӱм дене лектын.

«Чавайнын куэже» повестьын тӱҥалтыш ойыштыжо (прологыштыжо) ончыкылык действийын амалжым умылтарыше да тӱҥ шонымашыжым почын пуаш полшышо куэн ӱжвата сынан тӱссӱретше ончыкталтеш: «*...Пешак*

сӧрал куэ кушкеш. Тудо моло куэ гай огыл – рӱдӧ тӱҥын парчаже уке. Но пушеҥге ыш кошко – кӱшнырак, кид шумо вер гыч, чыла могырышкат кум игым колтен. Садлан эртен кайыше-влак шогалде, ӧрмалген ончалде огытак чыте. Вет куэ покшеч кӱрылтеш гын, кошка, маныт. А тиде – уке, уна, утыр веле атыланен, ладыраланен шогалын, кум игыже пӧртвуйымат шукертак эртен. Йолвашт кужу, вичкыж, пушкыдо – мардеж пуалеш, ужар порсын солыкла чеверласен-саламлен рӱзалтын ласка-шыма йӱкым луктыт.

Рӱдӧ тӱҥжӧ пеҥгыде, козыра, шемалге, нимогай озыркан мардеж тарватен ок керт, тунар чот патырын шога, чылтак аралыше сортала коеш. Вет тудо шкенжым веле огыл, эше кум игыжымат вачӱмбалныже нӧлтен куча, нуныланат илыш вийым шке капше гыч пуа» [1, с. 5].

Автор, пушеҥгын ойыртемжым, посна палыже-влакым тыге радамлен сӱретлен, тыгодым кумда метафорым да аллегорий йӧным кучылтын, лудшылан шонымашым шыҥдара: марий калыкын С.Г. Чавайн гай онарле эргыже-влак куэ гаяк пеҥгыдын, патырын шогеныт, шочмо калыкым, шке тукымыштым, пошкудыштым осал дечын араленыт. Тидым Ю. Артамонов тыгай ой дене пеҥгыдемда: «*Шокшо годым пушеҥге ӱмылым, юалге южым, вычыл шыма йӱкым пуа. Йӱштӧ деч, лум да лулеге марте витарыше мардеж деч суксын арала…*» [1, с. 6].

Автор С.Г. Чавайнын тӱссӱретшым могай амллан кӧра куэн образше дене таҥастарен сӱретлымыжым тыге рашемден кода: «*Сергей пӱртӱсын ик игыже – куэ дене изинекак таҥым кучен, вара ӱмыр мучкыжо шӱмбел йӧратымыжым монден огыл. Таҥже нерген кунар почеламутым серен!*» [1, с. 36].

Тыгодым Артамонов куэм пӱртӱсын моло пушеҥгыж денат таҥастара, тидын дене марий калыкын менталитетшым, калыкле ойыртемжым тудлан келыштарен ончыкта, тыге шочмо калыкна дене кугешныме кумылым луктеш: «*Моло пушеҥге дене таҥастарымаште тудак гына тыгай чевер, волгыдо, лывырге, ошо. Марий калыкымат волгыдо, лывырге да ошо, маныт. Сын-кунжо денат, чонжо денат, вургемже денат. Моло пушеҥге дене таҥастарымаште тудак гына тӱтан мардежланат вуйым ок пу, чатлама йӱштыштат рыҥ шога. Тӱтан шӱдӧ ияш тумым вожге луктын шуа, патыр шолым пелыгыч тодыл йӧрыкта, а куэ мардеж почеш лывырга веле, пӱгӧ гай лиеш, мландыш изиш гына вуйжым ок пыште, йолва-кидшым эше торашкырак шуялта… Чатлама йӱштӧ шопкенат, ваштарынат, вӱдуанат, пистынат укшыштым кӱрышт кышка. А куэ, ий дене леведалтын, пӧршаҥын, кычыр-кочыр гына мура, лывырге кужу прошмажым кӱрлнет гынат, от керт.*

Тыгак марий калыкат. Мыняр тудым пызырышт, верже гыч поктышт, мыскылышт, садак каварен пыта манын, сугыньлен илышт. А тудо кызытат ила, куэ семынак шке мландешыже вожым колта, игым луктеш, онче кушта» [1, с. 36].

Мутат уке, авторын шӱм-чонжо гыч лекше нине ойлаштыже произведенийын тӱҥ шонымашыже шындаралтын. С.Г. Чавайн шкежат шочмо калыкшым, утларакшым марий ӱдыр-влакым, куэн сылне образше дене танастарен. Маскасола школышто йоча-влак дене вашлиймаште тудлан тиде тӱссӱрет вигак шинчашкыже конча: «*Ончо вет, ужар солыкым пидше Маскасола ӱдыр кузе мурен мошта! Йолжат – куэ йол гаяк, капкылжат куэ сынан – нарашта, ошо, лывырге. Йӱкшат – куэ гайрак: лыж-луж йӱкланен колта, шыман-шыман пелештал налеш... Марий ӱдыр тыгаяк лийшаш огыл мо? Ончычат, кызытат, мый дечем варат. Нарашта ош куэ гай...*» [1, с. 31].

Кугу писательын пытартыш, трагический илыш татшымат куэ пеленак сӱретлыме: «*Алят нимом умылыде йӧрлаш огыл манын, Чавайн куэ тӱҥым ӧндал кучынеже ыле. Ыш керт, вий-куатше тунамак пытыш – ик пуля шӱмжымак шӱтен лекте да умшашкыже вӱр кышкалалте. Куэ дене чевердасенат ыш шукто – воктекыже комдык йӧрльӧ. Колыш*» [1, с. 88].

Тыге, произведенийыште куэн символ сынан тӱссӱретше тӱҥалтыш гыч мучаш марте С.Г. Чавайнын образше дене ойыраш лийдымын кылдалтын. Тидыже марий калыкын лӱмлӧ эргыжын койыш-шоктышыжым, илыш ончалтышыжым, шочмо калыкше да пӱртӱс деке кумылжым тичмашын сӱретлаш полша.

«Чавайнын куэже» повесть жанр могырымат ойыртемалтше. Ик могырым, тиде – **повесть-эссе**: тушто тарватыме проблеме-влак нерген Ю. Артамоновын илыш умылымашыжым да кумылжым почын ончыктышо произведений. Чоҥалтмыж дене – эрыкан повествований, авторын шонкалымашыже кӧргӧ логикыжлан келыштаралтеш, текстысе ужаш-влак икте-весышт дене шукыж годым танастарен ушалтыт, ассоциаций йӧн дене кылдалтыт.

Вес могырым, тудо **документальный повесть-очерк** – автор илышыште лийше шуко чын факт-влакым ончыкта, исторический документ-влаклан энерта, шонен лукмо деч посна возымо произведенийжым шкенжын илыш-шонышыж негызеш чоҥа.

Произведенийыште вияш действий лач ик кечым авалта. Но шарнымаш йӧным пуртымо дене Ю. Артамонов мыланна 1930-шо ийласе событий-влакым сӱретла, С.Г. Чавайн да тудын ешыже, родо-тукымжо дене палымым ышта. Садлан «Чавайнын куэже» повесть **мемуар** жанр декат лишыл: документ материал, писательын илыш корныжо, тудын пӱрымашыже, лишыл родо-тукымжо нерген сведений-влак повестьыште ятыр вере вашлиялтыт. Сергей Григорьевичын ватыжын, Татьяна Александровнан, нунын ашнаш налме тулык ӱдырын, Матрена Сидоровна Сидорован, Анатолий да Юрий эргыштын, Галина ӱдырыштын шарнымашышт, каласкалымашышт произведенийын негызшым ыштат. Тидын годымак ме ятыр калык мурым, почеламут-влакым, басньым, Чавай, Мустай да Ямбулат нерген преданийым, С.Г. Чавайнын «Шкетан лӱмеш», «Куэ», «Йӧратыме акайлан», «Молан мые шочынам», «Ото», «Тоштын, лӱдде»

почеламутлажым; «Вӱдшӧ йога – серже кодеш», «Изи вӱдет йогалеш», «Элнет энерет – кугу энерет», «Йолташ дене меже коктын», «Изи корнет воктен каяльым» калык муро-влакым; С.Г. Чавайнлан пӧлеклалтше В. Рожкин ден Г. Микайын «Чавайнлан» почеламутыштым да Олык Ипайын «Чавайн» балладыжым вашлийына.

Событий-влак произведенийын темыже йыр пӧрдыт, чумыр идейный содержанийлан негызым ыштат, илышым кумданрак ончалаш, чылажымат вискален аклаш корным почыт, саман йыжыҥым рашемден, айдемым шонаш туныктат веле огыл, кузе илаш кӱлмым шӱм-чонеш, уш-акылеш шыҥдарат, йырым-йырысе торжам коранден, волгыдо ӱмырым чоҥаш ӱнарым ешарат.

Произведенийын кылдышыже – С.Г. Чавайн, репрессий толкын деч утлен кертдымыжым шижын, Маскасола школ вуйлатыше, Ксенофонт Тимофеевич Коряков, деке унала толеш. Тудо школышто йоча-влак дене вашлиеш, пырля калык модыш дене модыт, калык мурым мурат, марий калыкын кызытсе илышыже нерген мутланат да тыгодым кугезе патыр-влакым шарналтат. Йоча-влакын тыге модмышт да модмо годым тошто ойган мурым мурымышт гоч самырык тукымын шке калыкшын илыш-йӱлажым пагален, шарнен илымыже шижалтеш.

Тыге действий умбакыже виянеш. Марий классикын Коряков дене кум кече уна семын илыме татше тудын эрыкыште улмо пытартыш кечылаже лийныт. Тидым повестьыште палемдыме жап гыч умылена: «*1937 ий, майын луымшо кечыже*» [1, с. 6].

Туге гынат Ю. Артамонов, чакналтыш йӧным кучылтын, марий калыкын онарле эргыжын йоча годсо жапшым, ача-аважын, тукымжын илыш-касыштым да марий калыкын XVI курымысо илышыжымат ончыктен кода. Тудо тыгай сылнымут йӧн дене реальный событий-влаклан, илыш чынлан да тунамак шке умылымашыжлан, творческий фантазийжылан энертен, Сергей Григорьевич Чавайнын тичмаш тӱссӱретшым чоҥа. Тыге автор произведенийлан документальность да сылнымут ойыртемым ешара.

Произведений тӱҥалтыште автор Чавайнын тӱжвалтӱсшым сӱретла: «*…тудо чиемже, шкем кучымыж дене моло деч чотак ойыртемалтеш: кӱкшӧ капан, чатка вургеман, лыжган тошкалын ошкылеш, кужу неран картуз йымачше йырым-йыр пешак тӱткын ончыштеш. Ӱмбалныже – кӱреналге-лудо тӱсан костюм, шем ӱпшым кӱчыкын тӱредме, кужакарак шӱргывылышан, вияш неран, нер ӱмбалныже – йыргешке шинчалык. Самырыкше годым, очыни, вичкыж капкылан рвезе лийын. Тыгайым марий калык, шем мотор каче, манеш… Кызыт кӱжгемаш тӱҥалын, каче койышыжо ялт йомын, ийготшо дене шке жапшым сайынак поктен шуын*» [1, с. 6–7].

Тышечын коеш, Сергей Григорьевич тыматле, поро кумылан, интеллигент сынан, культур шотышто кӱшнӧ шогышо да келге шинчымашым налше

айдеме улеш. Тудын порылыкшо чурийыштыже, капкыл тарванылмаштыже да тыгак мутланен колтымаштыже раш шижалтеш.

Юрий Артамонов, Чавайнын тичмаш тӱссӱретшым почын пуаш манын, тудын неле йоча жапшым, ачажын ешыжын моткоч нужнан илымыжым сӱретла: «*Чумыр ешлан – ик мужыр портышкем, ваштaлтен чияш – мужыр тувыр-йолаш. Шӱтлымешке, тумыш ӱмбак тумышым урген пытарымешке чиет*» [1, с. 32].

Ача-аваже, Григорий Михайлов ден Татьяна Анисимова, йӱдшӧ-кечыже пашам ыштеныт гынат, йорлын иленыт. Григорий Михайлов, руш вераш ок кусно ыле гын, фамилийжат огеш ваштaлт ыле. Но тудо тынеш пурен да Стрелков фамилийым налын. Нунын ешыштышт 1888 ий 22 сентябрьыште кокымшо аза шочын, тудлан Сергей лӱмым пуэныт. Рвезым Арын черкеш 6 октябрьыште тынеш пуртеныт. Тиде кечымак у стиль почеш Сергей Григорьевичын шочмо кечыжлан шотлат.

Юрий Артамонов Сергей Чавайнын эше ик ойыртемалтше койышыжым палемда: илышыштыже тудо ик ганат кидышкыже пычалым налын огыл. Йыр тӱням сулыкдымо йочан шинчаж дене ончышо писатель тидлан кӧра Совет властьын тӱҥалтыш ийлаштыжак азапыш логалын. Тудым 1923 ийыште сарлан ямдылыме курсыш налнешт улмаш. Тунам тудо «Йошкар кече» газетын редакторжылан ыштен. Пацифист (сарым ужмышудымо, кеч-могай ӧкымлымашым чытен кертдыме) чоншижмашан С.Г. Чавайн тыгай курсым эрташ келшен огылат, 1923 ий 11 октябрьыште тыгай йодмашым пуэн:

«*РКП(б) областной комитетын секретарьже Иванов йолташлан марий поэт С.Г. Чавайн деч йодмаш.*

Мый нигунам салтак лийын омыл да лияшат ом шоно. Империалист сар годым шӧртньӧ погоным налын кертам ыле гынат, сӧйыш каяш кумылем ыш савырне. Мый салтак улышым да оружийым изинекак ужмем ок шу. Ачам – тале сонарзе, а мый сонарыш коштмо пычалымат кидышкем кучен омыл. Мый дечем военный айдеме нигунам ок шоч. Мыйын оружием – пера, уставем – сылнымут йылме, а кучедалме пасуэм – поэзий…» [1, с. 67–68].

Тыгай содержаниян йодмаш деч вара тудым эрлашыжымак РКП(б) членыш кандидат гыч луктыт, а икмыняр кече эртымеке, газет редактор должность гычат корандат. Тыге тудо, олам, йӧратыме сылнымут пашажым коден, шочмо Изи Корамас ялышкыже илаш кая да Арын школышто уэш икшыве-влакым туныкташ тӱҥалеш.

1927 ийыште С.Г. Чавайн мӧнгеш Йошкар-Олашке пӧртылеш да вуйге-почге сылнымут пашалан пижеш.

1930-шо ийлаште Совет Элыште да тыгак Марий кундемыштат моткоч кугу, южгунам икте-весылан йӧршеш келшен толдымо але ваштареш шогышо ваштaлтыш-влак каен шогеныт. Тиде жапыште, ик могырым, экономикыште да мер илышыште кугу кӱкшытыш шумо. Эл кӧргыштӧ индустриализаций да

культур революций виян каен шогенын, калыкын шӱм-чонжым волгалтарен, у сеҥымашке кумыланденын, сай илышлан ӱшаным шочыктенын. Произведенийыште нине событий-влак нерген С.Г. Чавайн Ксенофонт йолташыжлан тыге ойла: «*Пычкемыш марий ялна ала-кузе трук волгалт кайыш. Тӱжвал тӱсшӧ дене огыл, а кӧргыж гыч, шӱм-чонжо эрналт волгалте… Марий калык уш-акылже дене волгалт кайыш. Курым-курымеш малыше тулжо ылыже. Тыге гын, вашке илышыжат саемеш, уланрак лиеш*» [1, с. 9].

Вес могырым, айдеме илышым каргыше тоталитар режим озаланаш тӱҥалын. Илышын чыла сферыжым (политикым, экономикым, культурым) да тыгак посна еҥын пӱрымашыжым, шонымашыжым кугыжаныш кучем эскерен да вӱден шоген. Тыгодым айдеме личность семын огыл, тӱшка йогынысо ошма пырчык але кугыжаныш механизмын эн изи ужашыже, винтикше, семын гына ончалтын. Чумыр власть ик еҥын кидышкыже вончен. Совет Элыште Сталинын культ личностьшо дене кылдалтше, калыклан нимучашдыме ойгым кондышо шучко террор осалланен. Марий кундемыште репрессий ондак, эше 1931 ийыштак, тӱҥалын. Январь мучаште да февраль тӱҥалтыште тоштo марий интеллигент, шанчызе да мер пашаеҥ-влакым – В.М. Васильевым, Л.Я. Мендияровым, Т.Е. Евсеевым, Ф.Е. Егоровым – «контрреволюционный группировкым организоватлыше», «национал-шовинист», «финн разведке дене кылым кучышо» семын титаклен, эрык деч посна коденыт. Вара черет В.А. Мухин деке шуэш: тудын ӱмбалныже «шем пыл» 1933 ийыштак чумыргаш тӱҥалеш, а 1936 ийыште казаматыш шындат, илышыжым йӧршеш кӱрлыт. Тыгаяк пӱрымаш моло сылнымут мастар-влакымат: С.Г. Чавайным, Н. Мухиным, Шабдар Осыпым, Олык Ипайым, Я. Ялкайным, С. Элнетым (Красновым) да молымат – вучен. Н. Игнатьевын, Йыван Кырлан, А. Эрыканын илышышт Сталин лагерьыште кӱрылтеш.

«Чавайнын куэже» повестьыште тиде шучко жапым Ю. Артамонов Сергей Григорьевич Чавайнын чон туржын шонкалымашыж гоч почеш: «*Мый шкат нимат ом умыло... Шоненат ом му... Ондак Владимир Савим кучен наҥгайышт. Тений юалге шошым Прокопий Карпов, Андрей Эшкинин, поэт да киноартист Йыван Кырля ала-кушко йомыч, нимогай увер-аҥарышт ок шокто. Ынде кӧлан черет толын шуэш? Кӧн вуйжылан логалташ ваҥат?..*» [1, с. 12].

Тоталитар кучем тыгак аяр семын айдемын чонжым кочкын, койыш-шоктышыжым ий гыч ийыш вашталтен толын. Тиде акырсаман икте-весе ӱмбак кучемлан чогышо, шоя серышым возкалыше, шкеныштым «чын совет айдемылан» шотлышо-влакым шочыктен. С.Г. Чавайн тидым ужын, шижын шоген, тунамсе южо марий писательын йӧрдымӧ койыш-шоктышыжо тудым моткоч чот ӧрыктарен, тидын нергенат шонкален, шке чонжым туржын: «*Писатель-шамычым лавыра дене амыртышт, чылаштлан «калык тушман» лӱмым тушкалтен пуышт. Тиде ок сите, писатель-шамыч шкештат,*

икте-весе дене таҥасен, кӧ утларак кертеш, кӧ чотрак вуйлеп воктен перен мошта, ваш-ваш мыскылаш, лӱмдылаш тӱҥальыч.

Ушет кая, ушет кая... Возаш тунемын шуктен она ул, а каргашаш, лӱмдылаш пешак моштена. Культурна ок сите, калтак! Культурна ок сите... Икте-весым чаманыме кумылна ялтак уке. Ала лийынжат огыл? Ой, уке, мый тидлан пырчат ом ӱшане! Марий калык чаманен мошта, кумылжо тӱргочат поро. Тугеже вара мо лийын кайыш? Молан илыш тупела савырна? Кӧ титакан? Илыш шкежак але иктаж-могай полдалге айдеме тыге пужен толеш?» [1, с. 12–13]

Вес семынже, очыни, лийынжат кертын огыл, айдеме погынлаште нигӧм вурсен ойлен огыл да нигӧн ӱмбаке вуйым шийын возен огыл гын, тудым шкенжымат шолып тушманлан шотленыт. Тыге ышташ йодын, Сталинын социализм корно дене ончыко кайыме семын класс кучедалмаш виянгеш, класс тушмаш эше утларак торешланаш тӱҥалеш манын «туныктымыжо».

Садлан ала лӱдын, ала кӧранен, ала вес амаллан кӧра южо марий писатель шке йолташыже ӱмбаке чоген, йолам ыштен ойлен, тыге репрессий машиналан марий калыкын лӱмлӧ сылнымут мастарже-влакым тошкаш полшен.

Юрий Артамонов повестьыште нунын лӱмыштым ончыктен кода. Тиде М. Калашников, И. Стрельников, А. Айзенворт да молат.

Повестьыште марий интеллигенцийым тӱнге-вожге куклен пытараш полшышо палач-влакын лӱмыштымат ончыктымо: Марий обкомын первый секретарьже У.И. Врублевский, Марий республикын прокуроржо Б.Н. Быстряков, Марий республикын НКВД-жым вуйлатыше А.И. Карачаров да нунын приговорыштым мучаш марте шуктышо комендант М.Д. Цветков.

Чавайн С.Г. тыгай шучко жапыштат ончыкылыклан ӱшаным йомдарен огыл, пален шоген: шочмо калыкше тудым нигунамат ок мондо, эре шарнаш тӱҥалеш: «*Каен колтена гынат, лӱмна садак кодеш. Ик жаплан мондат гынат, иктаж шӱдӧ идалык гыч садак шарналтат. Марий калык ок йом. Йомшаш огыл...*» [1, с. 31–32].

Тыгай шонымашым келгынрак шындараш манын, Ю. Артамонов шке повествованийжым XVI курымын кокымшо пелышкыже пӧртылта, марий калыкын ожнысо да тачысе илыш корныжым, куан ден ойгыжым радамлен таҥастара. Тидын дене лудшыеҥым шонаш тарата, могай лийын мемнан тукымвожна, кугезына-влак кузе иленыт, шке эрыкышт верч кузе кучедалыныт. Тыге, событий-влакым пӱсемдаш манын, автор ретроспекций сылнымут йӧным моштен кучылтеш.

«Чавайнын кузже» повестьыште тӱҥ геройын тӱссӱретше келге психологизм дене шындаралтын. Тиде Чавайнын Маскасола школ, тудын вуйлатышыже Коряков да изи икшыве Матвуй Иванов дене чеверласыме сӱретыштыже утларак раш конча. «*Чесетлан, чаплын ончен колтыметалн кугу-кугу тау! Ала*

ужына, ала уке – айда öндалалт колтена…» [1, с. 79], – манын, Чавайн Коряковым шокшын да пеҥгыдын öндалеш. Тудыжым тыгай чеверласымаш моткочак öрыктара: «*Öндалметше… Пуйто йöршынак чеверласен кает… Тетла толаш от шоно мо?*» [1, с. 79], – тургыжландарыше йодыш дене Сергей Григорьевичым ужата.

Чавайн Иванов Матвуй денат пытартыш гана ужмо семынак чеверласа, тыгодым шкенжымат да йочамат лыпландараш тырша: «*Вуетым нигунам ит саке – чыла сай лиеш… Теве иктаж гана уэш толын савырнем… – Чавайн эше кум мутым ешарынеже ыле: «Илен шуктем гын». Ыш пелеште, адакат чонешыжак шылтен кодыш. Нине кум шомакше, йӱкыш савырныде, кöргешыжак шулен йомо*» [1, с. 79].

Сергей Григорьевич шижеш: тудо тетла нигунам школ ончылно шынден кодымо куэжым огеш уж, Ксенофонт Тимофеевич денат, изи икшыве Матвуй денат вашлияшыже огеш перне. Умыла, айдеме ваштареш тарваныше шучко вий деч шылын утлаш огеш лий. «*Шеҥгек куржам гынат, поктен шуыт. Ончыко каем гынже, вашлийыт. Кызыт вес саман. Шучко саман… Ончылнат корно петырналтын, шеҥгелнат петыралтын толеш. Ындыжым ишенак шынденыт, ындыжым лаштыртатак…*» [1, с. 80], – семынже чонжым туржын шонкала. Тыгодым тудо лач иктым нигузеат шонен огеш му, кузе тыге йöршеш умылаш лийдымын титаклаш лиеш: «*Националист» манын титаклат, пуйто мый шке элемым Финляндийлан ужален коштынам. Кажне айдеме шке йылмыж дене «авий» шомакым пелешта, шке калыкшым, шке йылмыжым йöратен кушкеш. Шке калыкетым от йöрате гын, вес калыкетым кунам шотлет? Мый шке калыкем гоч руш-шамычым йöратем, Российыште илыше моло шемерым руш изам гоч палем… Кö гын шке элжым весылан ужалынеже? Тӱняште тыгай айдемыже уло мо?.. Йошкар-Олаш мийымым гына вучен шинчат, шонем. Мо дене титакан уламже?*» [1, с. 80]

Нимом ышташ лийдымым умылен, тöрлаш лийдыме тöрсырым шижын, Йошкар-Ола корнымбалне «*ик куэм öндалын йöрлешат, утен каен шортын колта…*» [1, с. 80].

Нине эпизод-влак, мутат уке, произведенийын действийжын кӱшыл точкыжо улыт.

Юрий Артамоновын Чавайнже Максим Горькийын «Старуха Изергиль» ойлымашыж гыч Данком ушештара: «*Мыйже вет марий калыклан волгыдым, яндарлыкым пуынем, шемерлан чонемымат чаманен омыл – налза, кучен ончыза!.. Чыла пуэм. Чыла ыштем. Тольык шеҥгелнем толшо марий калыкым идак тӱкö. Тудо шӱмемын волгалтмыж почеш толеш… Кö шке калыкшылан, шӱмжым йӱлатен, корным ончыкта, тудо колышаш…*» [1, с. 80].

Марий сылнымутлан негызым пыштыше писательын илышыже – прогрессивный интеллигенцийын корныжо. Сергей Григорьевич Чавайнын илышыж гыч раш коеш: ондак уста айдемылан илаш, пашам ышташ моткоч

неле лийын. Тудо лач көргö вийже дене ойыртемалтмыжлан кöра чыла йöсым сеӊен, Октябрь революций деч ончычак чумыр марий калыклан палыме еӊыш савырнен. Шке калыкым йöратымаш тудын чоныштыжо сылнымут сескемым шочыктен, шочмо йылме дене сылне образ-влакым чоӊен ончаш таратен.

1935 ийыште С.Г. Чавайнын сылнымут корныш тошкалмыжлан кумло ий теммым палемдыме кечын, тудын чумыр творчествыжым кӱкшын аклен, Совет кучемын енже-влак да йолташыже-влак ятыр поро мутым ойленыт, ятыр сеӊымашым тыланеныт. Сергей Чавайн чылаштлан таум ыштен, тыге ойлен: «*Ме сераш тӱӊалмына годым тыгай чап нерген шоненат огынал. Мемнан серышаш тулна шкенан калыкнам волгалтараш, тудлан ласка илышым ышташ полшаш шонымa гыч чӱкталт шоген. Калыкын ойгыжо – мемнан ойгына. Ме шкенан илышнам калык илыш деч нигунамат шергыш пыштен онал, калык дене кыл кучымынам кӱрлын онал. Айста, йолташ-влак, шкенан чапле деч чапле элнам, тале деч тале герой-влакым ончыктышаш верч усталыкнам эше чотрак луктына!*» [1, с. 47].

Мутат уке, Чавайн – шке калыкшын эргыже, вес семын ойленат кертын огыл. Тудын шомакше чыла марий писатель-влаклан поро сугынь, поро ой семын йонген.

Тунам, 1935 ийыште, кугу туткар лийшашым нимо шижтарен огыл. Совет кучем Чавайным саламлыме мутшым кок идалык гычак монда: юбилярым чаманен ок нал, кучен нангаяш да лӱен пушташ полша.

«*Лий тый, йолташ, кужу ӱмыран!*» – манынат ыле тудлан Яныш Ялкайн да моло сылнымут мастар коллегыже-влак. Но нунын ик шомакыштат чыныш ок лек, Чавайнлан тыланымышт ок шукталт – чылажат-чылажат укешке лектеш. «*1935 ий декабрь мучаш кечым Сергей Григорьевич Чавайнын тале марий мургайык семын первый гана пылвомышыш чоӊештен кӱзымыжым тудын пытартыш кечыжлан, илышаш кечын волен вочмыжлан шотлаш кӱлеш – юбилейже деч вара Чавайн улыжат кок идалык наре илыш*» [1, с. 48], – тыгай кочо иктешлымашым ышта Юрий Артамонов.

«Чавайнын куэже» повестьыште писатель, Сергей Чавайным илыш пӧрдем гоч колтен, тудын образшым кушмаште, шуаралтмаште ончыкта. Произведенийым куэн тӱссӱретше гыч тӱӊалын, автор возымыжо мучко лудшым пӱртӱс лонгаште, куэн символ сынан тӱссӱретше пелен куча. Тидын дене Чавайнын шонымашыжым, сын-кунжым, койыш-шоктышыжым почеш да тудын вержым марий сылнымутан литератур историйыште рашемда. Чавайн да марий сылнымутан литератур икте-весышт дене ойыраш лийдымын кылдалтыныт. Произведенийыште чыла тиде пӱртӱслан арулыкым пуышо куэ-образ гоч иктешлалт ярымлалтеш.

Автор произведенийын эпилогыштыжо тыгай шонымашым шыӊдара: Сергей Григорьевич куэм Марий Элын, марий калыкын, шочмо кундемжын

ўжвата сынан тўссўретше семын ужын. Тыгодым «*поро ден осалым ойыркалаш тунем, талантан еҥ-шамычым вўдыш луктын ит кудалте, нуным эреак шке йырет чумыро, ик айдеме пыта гын, чумыр марий литератур мерчышаш огыл, ончыко виянҥын кайышаш, утыр-утыр сылнештшаш – тек тудо шке чапшым тўня мучко шарыже!*

Тый тунамат, ончен-ончен,

Ўмылышкет канаш сай еҥым пого,

Укшетым шаралтен, сылнештын шого!» [1, с. 22, 85] – манын, суапле сугыньым пуэн коден. Тиде икте.

Весе. Марий калыкын онарле эргыже – Сергей Григорьевич Чавайн – ынде мемнан деке курымешлан пӧртылын, ушыштына, чоныштына курымешлан иланен. Таче марий калык, тудым порын, кугешнен шарналта, ош куэжлан, отыжлан вуйжым сава, куанен таушта.

Юрий Артамоновын «Чавайнын куэже» повестьше – шонаш тараты-ше. Тушто марий литературын классикшын, С.Г. Чавайнын, кӧргӧ чоншижмашыжым психологий драме семын ончыктымо. 1930-шо ийласе Совет эл кӧргысӧ шучко событий-влак тудым личный трагедийыш кондат, а тидыже чумыр марий калыкын трагедийже улеш. Произведений Ю. Артамоновын творчествыштыже ик эн кўшыл верым налын шога, калыкын кушкын шумо куатше да тоталитар кучем жапысе азапше нерген ўшандарышын каласкала.

Литератур ден источник

1. *Артамонов Ю.М.* Чавайнын куэже: повесть-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1995. – 428 с.

2. *Галютин Ю.М.* «Васянка» – лўмденыт тудым Чавайн ден Олык Ипай: Ошэл Васлийын (В.С. Яблочкинын) шочмыжлан тичмаш курым темеш // Ончыко. – 2014. – № 1. – 73–76 с.

Vitaliy Mikhailov

TOTALITARIANISM AND THE FATE OF MARI INTELLIGENTSIA IN YURIY ARTAMONOV'S NOVEL "CHAVAIN'S BIRCH"

The article is devoted to the analysis of the novel by Yu. M. Artamonov "Chavainyn kuezhe" ("Chavain's Birch"), where the problem of the tragedy of a creative personality in the era of totalitarianism is revealed based on the life and work of the Mari classic S. G. Chavain. The subject of the writer's artistic research is revealed – the totalitarian system and the person in this system, his fate, his desire to resist injustice. Such artistic features of the work as genre originality, idea, conflict, composition, folklore and ethnographic material are emphasized.

Keywords: totalitarianism, S. G. Chavain, genre, story-essay, composition, idea, conflict, folklore and ethnographic material.

УДК 784.3

Мушкина Н.В.
г. Йошкар-Ола

О ПЕСНЯХ НА СТИХИ С.Г. ЧАВАЙНА

В статье представлен обзор творчества марийских композиторов в области создания песен на стихи С.Г. Чавайна. Композиторы И.С. Палантай, А.И. Искандаров, К.А. Смирнов, В.М. Алексеев, В.А. Захаров, В.М. Газетов и др., обращаясь к поэзии марийского поэта, создавали вокальные произведения разных стилей и форм. По произведениям С.Г. Чавайна написаны первые марийские оперы («Акпатыр» Э.Н. Сапаева и «Элнет» И.Н. Молотова), к спектаклям по его пьесам и драмам композиторы создавали музыку.

Ключевые слова: песни на стихи С.Г. Чавайна, марийские композиторы И.С. Палантай, А.И. Искандаров, К.А. Смирнов, И.Н. Молотов, В.М. Алексеев, В.А. Захаров, В.М. Газетов, опера, музыка к спектаклям.

Сергей Григорьевич Чавайн в историю марийской литературы вошел как первый марийский писатель. Его творчество разнообразно и многогранно, он писал во всех жанрах – поэзия, проза, драма, везде опираясь на богатое фольклорное наследие марийского народа.

Свой творческий путь С.Г. Чавайн начал с создания поэтических произведений. Истоки любой национальной поэзии, как известно, лежат в народном творчестве – народной песне. Народно-песенная культура марийцев отличается большим богатством и разнообразием. Марийский народ очень талантлив, поэтически одарен. Надежда Дурова в повести «Серный ключ» об этом писала: «Способностью к поэзии в высшей степени одарены все черемисы. Черемисы – поэты, и еще в высшей степени!» [6, с. 77].

Сергей Чавайн восхищался народной песней, высказывался о ней так: «Могай сылне – муро! Кеч мутшым нал, кеч семжым – яндар шӧртньӧ» («Как прекрасна – песня! Хоть слова возьми, хоть мелодию – чистое золото!») [22, с. 36].

Чавайн и сам был неравнодушен к народным песням, хорошо знал их, был музыкально одаренным. В его собрании сочинений находим целые разделы, состоящие из народных песен, озаглавленные «Муро». Любовь к песне и талант песнетворца Чавайну передалась, по-видимому, от матери, Татьяны Анисимовны, которая была искусной песенницей.

В статье «Начало поэзии» он пишет: «В 1904 г. я поступил учиться в Казанскую учительскую семинарию. Полюбил я тогда же художественную литературу. Из русских поэтов и писателей больше всего пришлись по душе Пушкин,

Гоголь, Кольцов, Никитин. Позже полюбил я поэзию Лермонтова. Стихотворения Кольцова напоминали русские народные песни. И возникла у меня мысль написать на своем языке стихотворения наподобие марийской народной песни. Захотелось рассказать о горестях и радостях марийского народа, чьи песни и сказания успел я полюбить еще в детстве» [20, с. 14–15].

Народные песни Чавайн включал в свои драмы, пьесы, роман, рассказы, повести в качестве лирических отступлений, для акцентирования, усиления той или иной ситуации или образа, создания необходимого настроения.

В поэтическом творчестве Чавайн опирался на марийский фольклор, свои первые стихи сочинял в стиле народных песен, поэтому многие из них так и озаглавлены – «муро». Например, «У муро», «У йӱла муро», «Коммунист мур», «Мӱкш мур», «Мемнан мур», «Аза рӱпшымӧ муро» и др.

Первые стихи С. Чавайна посвящены описанию марийской природы, поэт восхищается ее красотой, воспевает марийскую жизнь. Так, в одном из первых стихотворений «Мӱкш» (1905) представлен образ пчелы. Пчела занимает важное место в традиционном мировоззрении народа. Пчеловодство и бортничество являются одним из древнейших занятий народа. О марийцах часто говорят – «мӱкш гай пашаче» («трудолюбивы как пчёлы»). Более того, как писал Т. Ефремов, в Марийском крае жила сама царица пчел Мӱкш он [7, с. 124]. В подзаголовке к стиху «Мӱкш» отмечено – «Антик поэт семын» («подражание античному поэту»); возможно, речь идет о греческом поэте Анакреоне, стихами которого Чавайн увлекался в начале своего творческого пути. В народе сохранились песни на этот стих с разными вариантами мелодий. Например, у моркинско-волжских мари эта песня исполняется на следующую мелодию:

Пример 1

Изиэм годым пакчаште
Ужар шудо лоҥгаште
Пеледышым погалтен,
Коштам ыле муралтен.
Ала-кушеч изи мӱкш
Пеледышыш миен шуо,
Нӧргӧ кизям корштыктен,
Пӱшкыл колтыш умдыж ден.

Помню, маленьким я был,
В сад зеленый выходил,
Там в траве густой гулял
Да цветочки собирал.
Я не видел, как пчела
Руку вдруг мне обожгла,
Из цветка вонзив в нее
Жало жгучее свое.

Кизам коршташ тӱҥале,	И с распухшею рукой
Йошкаргалын пуале.	С плачем к матери домой
Шортын-шортын, авий дек	Прибежал в испуге я:
Куржын тольым ончыкташ.	– Мама, мамочка, змея!
«Ой, авием, авием,	Ой, как больно мне, поверь.
Ынде вашке мый колем:	Может, я умру теперь?
Кидем кишке чӱҥгале,	– Не тужи, сыночек мой,
Ужат, кузе пуале!»	Слезки вытри, дорогой.
«Ой, эргыжат, изижат,	Здесь не ползает змея.
Молан тынар тый шортат?	Это пчелка, знаю я.
Кишке тышке толман огыл,	Скоро боль твоя пройдет.
Кишке тыйым тӱкен огыл».	Ты ведь любишь сладкий мед?
Тамле мӱйжым пукшышо	Пчелка вьется над цветком,
Изи мӱкшет пӱшкылын;	Пчелка кормит нас медком.
Пӱшкылмыжӧ тӧрлана,	Не ругай ее, сынок,
Тудым тые ит вурсо!»	Коли жалится медок.
Шортмо лугыч, воштылалын,	И опять я в сад спешу.
Мый колтышым куаналын.	Дальше, дальше ухожу –
Лектын куржым пакчашке	Будто лодочка плыву
Ужар шудо лонгашке.	Во зеленую траву.

[16, л. 5. Волжский р., д. Отымбал. Исп. Иванов Федор Дмитриевич (1922 г.р.). Перевод на рус. яз. А.Я. Спиридонова: 14].

Мелодия относится к моркинскому музыкальному диалекту: представляет собой развернутый период из двух предложений вопросно-ответной структуры с «реальным ответом», где второе предложение является переносом первого на ч. 4 вниз. Для мелодии характерны квадратная форма, вальсообразная ритмика в размере 6/8, распевность, широкий диапазон (дуодецима), интонационная плавность и красота.

Другой вариант песни «Мӱкш» имеет иной характер – подвижный, плясовой. Для напева характерны чёткая безраспевная ритмика, неширокий амбитус (ч. 8), малая, частушечного типа, форма:

Пример 2.

[15].

Существует и горномарийский вариант песни «Мӱкш»:

Пример 3.

Изиэм годым садышты,
Ыжар шуды лапышты,
Пеледӹшӹм погалтен,
Каштам ылыы, мыралтен.
Изи мӱкшет тагышец
Вӹсен тольы тӹ нужвец.
Кизӓэмжӹм тӹнӓмок
Чӹнгӓл шӹндӹш когонок…

[Текст: 15; мелодию исполнила Пенькова Мария Викентьевна (1979 г.р.) в 2024 г., записала Н.В. Мушкина].

В качестве мелодии здесь использован напев песни медведевских мари «Латкок басан гармоньжым».

Произведения С.Г. Чавайна привлекали внимание многих марийских композиторов. На его стихи создано множество песен, в которых воспевается красота марийской природы, жизнь народа. С помощью музыки происходит облагораживание, возвышение образов поэтического текста, усиливается эмоциональная составляющая, привносятся красота и стройность.

Одним из первых к творчеству поэта обратился И.С. Ключников-Палантай (1886–1926), основоположник марийской профессиональной музыки. С 1919 г. он жил в Краснококшайске, работал преподавателем пения и музыкальной грамоты в Краснококшайской учительской семинарии. С С. Чавайном композитора связывали дружба и сотрудничество. В 1922 г. И. Палантай создал музыкальное оформление к спектаклю Марийского драматического театра по пьесе писателя «Кайык лудо» («Дикая утка») (1910), являющейся первым драматургическим произведением в марийской литературе.

Палантай И.С. написал и несколько песен на стихи поэта. Так, 1 марта 1921 г. на торжественном концерте в честь провозглашения Марийской автономии прозвучал хор И.С. Палантая «Марий Совет погынымашлан» («Съезду марийского народа») на стихи Чавайна «Марий область Совет-влакын первый погынымашыштлан». Произведение носит гимнический характер, воспевает новую, советскую жизнь, дружбу, единение народов. Четырёхголосный хор изложен в аккордовой фактуре, звучит торжественно и величаво [18].

В другом произведении И.С. Палантая на стихи С. Чавайна «Школыш ӱжмӧ муро» («Песня-призыв в школу») звучит призыв к учению: только благодаря образованию можно достичь новой жизни. Песня представляет собой двухголосный дуэт в стиле марийских народных лирических песен [19].

Известно, что С. Чавайн был хорошим переводчиком стихов русских поэтов-классиков. И. Палантая привлек стих «Йорлын мурыжо» («Песня бедняка») (1919), написанный С. Чавайном по произведению И.С. Никитина.

Ни кола, ни двора,
Зипун – весь пожиток…
Эх, живи, не тужи,
Умрешь – не убыток!..

В качестве основной мелодии Палантай использовал стилизованный вариант моркинского свадебного напева:
Пример 4.

Ик меҥгат, ик печат –
Мыйынжат, чаранжат.
Улыжат-укежат –
Мыжержат, шӱкшыжат!.. [17, с. 81].

Сотрудничал с С.Г. Чавайном и композитор Алексей Искандарович Искандаров (1906–1999), засл. деятель искусств России, создатель марийской хоровой капеллы. Его хор «Кеҥеж йӱд» по одноименному стихотворению С. Чавайна входит в «золотой фонд» марийской классической музыки. Композитор вспоминал: «Мне, молодому музыканту, окончившему консерваторию в начале тридцатых годов, очень понравилось стихотворение С. Чавайна «Летняя ночь», с большой поэтической силой воспевшее красоту и гармонию природы, гуманистические порывы человеческой души. Я долго про себя повторял прочно запавшие мне на ум строки:

Небо в тихой синей мгле,
Тихо-тихо не земле.
В роще даже и листок
Не встревожит ветерок…

Строки так сами и напрашивались на музыку…» [9, с. 98].

Произведение носит созерцательный характер, изображает тишину, спокойствие тихой летней ночи. В качестве мелодии для хора использована праздничная песня луговых мари из сборника В.М. Васильева:
Пример 5.

[13, с. 67. Из Казанского уезда. Исполнял Левентей Кавырля].

Алексей Искандаров изменил ритмический рисунок данной народной мелодии: ямбическую (акцент на втором слоге) трехдольность заменил на хореическую (акцент на первом слоге):

Пример 6.

[10, с. 40].

Искандаров А.И. создал также музыкальное оформление к спектаклю «Окса тул» («Блеск монет») (1935) по драме писателя.

Обращался к творчеству С.Г. Чавайна другой марийский композитор – Кузьма Алексеевич Смирнов (1917–1963), заслуженный деятель искусств МАССР. На стих «Мемнан муро» (1931) он сочинил одноименную песню-марш:

Пример 7.

Йошкар тисте, кӱш нӧлталт!
Шемер муро, чот йоҥгалт:
Колхоз пасу шергылтмеш,
Шем чодыра сургалтмеш!
Кӱртньӧ рат ден тошкалына, –
Тушман лӱдын чытыра.
Мемнан ончык кайымынаже
Тоштым йӧршын пытара [14, с. 6].

Красный флаг, взвейся ввысь!
Песнь рабочих, громче звучи:
Чтобы огласилось колхозное поле,
Чтобы содрогнулся темный лес.
Ступим железным рядом, –
Враг задрожит от страха.
Наше движение вперед
Разрушит полностью старую жизнь.

(Перевод Н.В. Мушкиной).

Трехголосный хор имеет квадратную форму, четкий ритмический рисунок; звучит подобно гимну, прославляющему новую жизнь. Эту песню встречаем в финале пьесы С. Чавайна «Чодыра завод» [21, с. 372].

Стих С. Чавайна «Шошо» (1908) привлек внимание самодеятельного композитора, журналиста Виктора Михайловича Газетова (1926–2007), написавшего одноименную песню. Это светлый, жизнерадостный, легкий марш исполняется в современной эстрадной аранжировке [5].

Несколько вокальных сочинений на слова С. Чавайна написал композитор, заслуженный деятель искусств России Виталий Михайлович Алексеев (1946–2023). К 100-летию поэта он написал романс «Ото» (1905) по первому стихотворению С.Г. Чавайна. Мелодия речитативного склада, сопровождающаяся плавным вальсообразным фортепианным сопровождением, создает одухотворенный, возвышенный образ [2].

Словно гимн наступлению весны звучит романс «Шошо» по одноименному стихотворению Чавайна (1906):

Кече шокшын ырыкта,
Левын шошо шӱлалта.
Тӱвыт шыгыр курыкла гыч
Памаш-шамыч, шоҥештaлтын,
Тӧрштыл, шолын, румбыкаҥын,
Ий-шамычым пудырталын,
Талын йогат, мӱгыралын.
Корем еда вӱд йога,
«Толеш шошо!» кычкыра [4, с. 8].

Солнце греет горячо,
Теплом дышит весна.
Из-за тесных гор
Родники, пенясь,
Скача, вскипая, мутнея,
Раскалывая лед,
Вытекают с рёвом.
По оврагам вода течет,
«Весна идёт!» кричит.

(Перевод Н.В. Мушкиной).

Алексеевым В.М. написаны также песни на стихи Чавайна из цикла «Кайык-влак» («Птицы») (1926): «Киса» («Синица»), «Корак» («Ворона»), «Шогертен» («Сорока»). Песни ориентированы на детскую аудиторию, поэтому для них характерна простота изложения – мелодии имеют неширокий диапазон, простые ритмические рисунки, состоят из кратких мелодических оборотов [11, с. 47–49].

На основе стихов С.Г. Чавайна марийский композитор, заслуженный деятель искусств Марий Эл Вениамин Александрович Захаров (1954 г.р.) написал кантату для детского хора «Чавайнлан семаршаш» («Венок Чавайну») (1989). За это произведение в 1991 г. композитор был удостоен Государственной премии Республики Марий Эл.

Кантата состоит из пяти частей. Первые четыре части изображают картины времен года: 1 – «Теле корно» («Зимняя дорога», по А.С. Пушкину), 2 – «Чевер май» («Яркий май»), 3 – «Тымык йӱд» («Тихая ночь»), 4 – «Уржа-сорла» («Страда»). В пятой части – «Эргымлан» – дается наставление отца сыну на лучшую жизнь, ждущую его в великой стране СССР [8].

По произведениям С.Г. Чавайна композиторы создавали музыкальные сочинения крупных форм, например, первые национальные оперы – «Акпатыр»

Эрика Никитича Сапаева (по одноименной драме) (премьера 5 апреля 1963 г.) и «Элнет» Ивана Николаевича Молотова (по одноименному роману) (премьера 26 марта 1971 г.).

Много песенного материала находим в спектаклях по пьесам и драмам писателя. Так, комедия «Окса тул» («Блеск монет») (сценическая редакция Ю. Байгузы и В. Пектеева, 1994 г.) сопровождается музыкой В.М. Алексеева, насыщенной марийскими народными песнями [3]. В 1987 г. В.М. Алексеев сделал также музыкальное оформление к спектаклю С. Чавайна «Акпатыр» [1]. Композитором Сергеем Николаевичем Маковым (1954 г.р.) в 1988 г. написана музыка к спектаклю по драме С. Чавайна «Мӱкш отар» («Пасека») [12].

Итак, вокальные сочинения марийских композиторов, написанные по произведениям первого марийского писателя С.Г. Чавайна, жанрово и стилистически разнообразны. Изображающие картины марийской природы и жизни, они имеют глубокие национальные корни и составляют яркую страницу в истории марийской музыкальной культуры.

Литература и источники

1. *Алексеев В.М.* Акпатыр. Музыка к спектаклю С.Г. Чавайна // Национальная библиотека Марий Эл. Отдел редкой книги. Р-34.

2. *Алексеев В.М.* Ото // Алексеев В.М. Кодышыч шошым: Муро-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга издательстве, 1992. – С. 3–4; Национальная библиотека Марий Эл. Отдел редкой книги. Р-36. Л. 5–7об.

3. *Алексеев В.М.* Песни к комедии С. Чавайна с сценической редакцией Ю. Байгузы и В. Пектеева «Окса тул» // Национальная библиотека Марий Эл. Отдел редкой книги. Р-1059. 23 с.

4. *Алексеев В.М.* Шошо // Алексеев В.М. Кондышыч шошым: Муро-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга издательстве, 1992. – С. 5–8; Национальная библиотека Марий Эл. Отдел редкой книги. Р-36. Л. 9–10об.

5. *Газетов В.М.* Шошо // Газетов В. Йолван куэ. – Йошкар-Ола: Марий Эл Республикын тӱвыра да калык-влак коклясе пашам виктарыше министерствыже, Республикысе усталык рӱдер, 1998. – С. 48–49.

6. *Дурова Н.* Серный ключ // Марийский край, земля Онара / сост. К. Васин, А. Юзыкайн. – М.: Современник, 1989. – С. 60–80.

7. *Ефремов Т.Е.* Описание старинного марийского праздника Шорыкйол с ролью Васли кугыза и Девичьим пиром // «Кынелза, шогалза: кайышаш корно кужу вет...». Памяти выдающегося просветителя народа мари Тихона Ефремовича Ефремова: сб. тр. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. – С. 121–154.

8. *Захаров В.А.* С.Г. Чавайнлан семаршаш (Венок С.Г. Чавайну). Кантата для детского хора, солистов и фортепиано на стихи С.Г. Чавайна // Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна Республики Марий Эл. Отдел редкой книги. Без номера. 36 с.

9. *Искандаров А.* В дружбе с песней // Певец народа. Воспоминания и документальные очерки о С.Г. Чавайне. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. – С. 98–100.

10. *Искандаров А.* Кенеж йӱд // Искандаров А. Пайрем муро. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1988. – С. 40–42.

11. Кечыйол. Йоча-влаклан муро да куштымаш-влак. – Вып. 1. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1989. – 56 с.

12. *Маков С.* Музыка к спектаклю «Мӱкш отар» // Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна Республики Марий Эл. Отдел редкой книги. Р-215.

13. Мари муро. Песни народа мари, собранные В.М. Васильевым. – Казань: Типо-литогр. ун-та, 1920. – 98 с.

14. Мемнан мур // Рвезе комунист. – 1936. – 21 июня. – С. 6.

15. Мӱкш // Музык хрестоматий. I–IV класслан. С.Н. Маков ден Е.С. Петриченко ямдыленыт. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1994. – С. 184–185.

16. ММЭ-85, № 4. Мамаева М.Н. Материалы музыкальной экспедиции 1985 года. Волжский район. – 77 с.

17. *Палантай И.С.* Йорлын мурыжо // Палантай И.С. Йывырте. Радуйся. Песни. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. – С. 75–81.

18. *Палантай И.С.* Марий Совет погынымашлан // Палантай И.С. Йывырте. Радуйся. Песни. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. – С. 8–13.

19. *Палантай И.С.* Школыш ӱжмӧ муро // Палантай И.С. Йывырте. Радуйся. Песни. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. – С. 124–126.

20. *Чавайн С.* Начало поэзии // Певец народа. Воспоминания и документальные очерки о С.Г. Чавайне. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. – С. 14–17.

21. *Чавайн С.Г.* Чодыра завод // С.Г. Чавайн. Собр. соч. в трех томах. Т. 2. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. – С. 352–372.

22. *Чавайн С.* Элнет. Роман. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1958. – 132 с.

Natalia Mushkina

ABOUT SONGS BASED ON THE POEMS OF S.G. CHAVAIN

The article presents an overview of the work of Mari composers in the field of creating songs based on the poems of S.G. Chavain. Composers I.S. Palantay, A.I. Iskandarov, K.A. Smirnov, V.M. Alekseev, V.A. Zakharov, V.M. Gazetov and others, turning to the poetry of the Mari poet, created vocal works of various styles and forms. The first Mari operas were written based on the works of S.G. Chavain ("Akpatyr" by E.N. Sapaev and "Elnet" by I.N. Molotov). Composers created music for performances based on plays and dramas of S.G. Chavain.

Keywords: songs based on the poems of S.G. Chavain, Mari composers I.S. Palantay, A.I. Iskandarov, K.A. Smirnov, I.N. Molotov, V.M. Alekseev, V.A. Zakharov, V.M. Gazetov, opera, music for performances.

УДК 811.511.151

Пекшеева Э.И.
г. Йошкар-Ола

МАРИЙ ДИАЛЕКТЛАШТЕ ВОШТЫР ДЕНЕ ПИДМЕ ПАША ДЕНЕ КЫЛДАЛТШЕ МУТВУНДО

Статья посвящена рассмотрению лексики лозоплетения в диалектах марийского языка, который включает следующие лексико-семантические группы: а) наименования разновидности прута; б) наименования инструментов; в) наименования изделий из прута; г) названия процессов работы с прутом. Устанавливается их диалектная принадлежность, выявляются принципы номинации, определяются системные отношения между лексемами данной группы слов. Понятия, относящиеся к лозоплетению, представляют наследие финно-угорского периода. Некоторые названия появились в период самостоятельного развития марийского языка и в основном представляют двухкомпонентные структуры из исконных и заимствованных слов. Отдельные названия заимствованы из русского языка.

Ключевые слова: марийский язык, диалектная лексика, ремесло, лексика, прут, лозоплетение, принципы номинации, этимология, системные отношения.

Марий кундемыште илыше-влак коклаште воштыр дене комдым, сондыкым, тарантас чашмам да молымат тодмо (пидме) паша ик эн кумдалан шотлалтын. Воштыр дене тодмо (пидме) сомыл – тиде лывырге воштыр (тӱҥ шотышто уа воштыр), арама воштыр але ний ден нымыште тасма дене, мочылам кучылтын да тыгак тӱрлӧ кушкылын вургыж дене – воштыр, вондо, олым дене – корзингам, киндеркым, шляпам, теркупшым, йыдалым ыштымаш. Ме палена, кеч-могай сомыл дене пырля мутвундат виянеш. Воштыр дене тодмо але пидме паша дене кылдалтше мутвундым икмыняр изирак тӱшкалан шелаш лиеш: а) тодаш (пидаш) кучылтмо воштырын лӱмжӧ; б) воштыр дене пашам ыштыме ӱзгар-влакын лӱмышт; в) воштыр дене тодмо (пидме) арвер-влакын лӱмышт; г) воштыр дене пашам ыштыме процесс лӱм-влак.

Марий йылме мутерыште *пидаш* о.м., *пидӓш* к.м. мутын кандаш значенийжым ончыктымо, шымше значенийыже ‘плести, сплести; изготовить что-л. соединением, перевиванием каких-л. полос, нитей, прутьев’, мутлан: *чыптам пидаш* ‘плести циновку’; *шопнам пидаш* ‘плести кошель для сена’ – лач воштыр дене пидме паша дене кылдалтын [22, с. 106]. Каласен кодыман, кас-йӱдвел наречийыште *пидӓш* шомакын воштыр дене пидме дене кылдалтше ынже уке. Вес мут – *тодаш* воштыр дене пидме процессым ончыкташ кучылталтеш, мутлан: *комдым тодаш* о.м.‘плести короб’; *лачым тодаш* о.м. ‘плести

пестерь’; *печым тодаш* о.м. ‘плести плетень’; *шопнам тодаш* о.м. ‘плести кошель для сена’ [24, с. 122–123], *кукум тодаш* к.-й. ‘плести качели’ [7, с. 220], *шыпкам тодаш* Элн. ‘плести зыбку’ [3, с. 566]. Курыкмарий наречийыште *тодаш* шомакын кумшо значенийже пидме да тодмо сомыл дене кылдалтын, но тудо утларак паша процессын тӱҥалмыжым ончыкта, мутлан: *корзинкым тодаш* к.м. ‘начать плести корзинку’, *йыдалым тодаш* к.м. ‘начать плести лапти’ [18, с. 159]. Иктешлен каласаш гын, *пидаш* да *тодаш* шомак-влак шке коклаштышт синоним улыт, но утларакшым – воштыр паша дене кылдалтше посна мут дене кучылталтмышт годым гына. *Керышташ* шомакым налаш гын, тудо олык марий наречийыште йыдал шомак дене *йыдалым керышташ* ‘плести лапти’ [20, с. 172] значенийым ончыкта. Да тыгак Татарстан кундем Агрыз районысо Кадрек ялын кутыртышыштыжо вашлиялтеш, мутлан: да керышташ Кадр.: *Ниголыш – шкежат керыштам иле; тудым вопше мондышт ынде, жондалымат ныгӧ ок ӱйе* ‘Калоши из лыка – я и сам плел; их уже вообще забыли, да и лапти никто не носит’ [3, с. 174].

Воштыр дене тодмо (пидме) паша дене кылдалтше мутвундо калык тӱвыран ик эн кӱлешан ужашыжлан шотлалтеш. Тудо озанлык пашан историйжым, калыкын моло этнос дене чак кылжым ончыкта. Воштыр дене пидмаште кучылталтше арвер, ӱзгар, воштыр дене тодмо (пидме) арвер лӱм марий йылмыште да тудын диалектлаштыже кумдан ончыкталтыныт. Тиде статьяште марий йылме мутерым, сылнымут литератур да тулеч моло источниклам [3; 5; 6; 7; 9; 11; 13; 16–28] кучылтын, воштыр дене пидме паша дене кылдалтше мутвундым шымлена. Нине умылымаш-влак йылме могырым икымше гана шымлалтыт. Эн ондак пидаш кучылтмо воштырын тӱрлӧ улмыжым ончыктышо мут-влакым шергалына. Марий йылмыште пидаш кучылтмо эн кумда мут семын «*воштыр*» мутым палемдыман. Тудо финн-угор жап гычак палыме, кугезе иран йылме гыч пурен. Марий диалектлаште тиде шомакын тыгай фонетике вариант-влакшым ончыкташ лиеш: *ваштыр* к.м., к.-й., *воштыр* о.м., э.м. Воштыр шомакым утларакше мс. *aas ter, os ter* ‘хлыст, кнут, бич’, в. *ostor* тд. дене танастарат. Кумдан палыме шымлызе Ю. Вихманн фин. *vihta* ‘веник’, кар. *вашта* тд. Пример-влакым конда. Марий муттӱн **ваштер* [42, с. 77; 8, с. 78]. Вес шомак – *вазе* ‘прут, лоза; тонкий, гибкий стебель некоторых кустарников’. Тудым с. *vāžos* ‘столб’, ‘прут’, х. *wasa, wăsə* ‘прут’, ‘палка’, мс. *oša, βɔša* ‘шест’, ‘свая’, ‘палка’, в. *vessző* [14, с. 415] мут-влак дене танастараш лиеш. «Марий йылме этимологий мутерын» [1; 2] авторжо В.И. Вершининын шонымаште *воштыр* шомак финн-угор йылмыла гыч лекше лексеме огыл. Шымлышын мутшо почеш, «*вошт-*, *вашт-* мутвож ономатопоэтический да вес йылме-влак дене нимогай кыл уке» [1, с. 89]. *Воштыр* мут чыла наречий ден кутырымаште вашлиялтеш. Тӱрлӧ арвер пидме пашаште утларак тыгай пушенге воштырым кучылтыт: *уа* ‘ива, тальник; кустарник семейства ивовых,

растущий в низине возле реки’ [25, с. 7], *арама* ‘ива остролистная; ивняк, тальник (кустарник)’ [19, с. 99], *вӱдуа* ‘тальник, ива’ [19, с. 324], *ӱе* ‘ива; белая ветла’ [25, с. 163], *ӱепу* ‘ива белая, ветла; кустарник или дерево семейства ивовых с гибкими ветвями и узкими листьями’ [25, с. 164], *шаранге* ‘ветла, ива белая; дерево семейства ивовых’ [26, с. 38], *шертне* ‘верба, бредина, ива-бредина; дерево или кустарник семейства ивовых’ [26, с. 109]. Нине пушенге лӱм-влак *воштыр* мут дене ушалтын, пидме материалын лӱмжым ончыктат: *уа воштыр* о.м. ‘ивовые прутья’ (< *уа* ‘ива, тальник; кустарник семейства ивовых, растущий в низине возле реки’), *уа ваштыр* к.м. ‘лозина, ивовый прут’ (< *уа* ‘ива, тальник; ивовый, тальниковый [18, с. 174]), *арама воштыр* ‘ивовая лоза, ветки тальника’ [19, с. 99] (< *арама* 1. ‘ива остролистная’; 2. ‘ивняк, тальник (кустарник)’), *шаранге воштыр* ‘ивовый прут’ [5, с. 55] (< *шаранге* ‘ветла, ива белая; дерево семейства ивовых’), *шертне воштыр* ‘ивовая лоза’ [26, с. 109] (< *шертне* ‘верба, бредина, ива-бредина; дерево или кустарник семейства ивовых’). Тыгак, мутлан, корзинга пидме воштырым лӱмдаш *воштыр уа* ‘ива корзиночная’ [25, с. 7] ойсавыртышым да *корзинга воштыр* ‘корзиночные прутья’ муткылдыш-влакым вашлийына.

Арверым ышташ кучылтмо воштырым лӱмдаш тыгак моло шомак-влакат полшен шогат. Мутлан, *вӱдуа* ‘тальник, ива’ < *вӱд* + уа ‘ива, тальник; кустарник семейства ивовых, растущий в низине возле реки’ [19, с. 324], *вазе* диал. ‘прут, лоза; тонкий, гибкий стебель некоторых кустарников’ [27, с. 49]. Моткоч шуэн руш йылме гыч пурышо *лызе* ‘лоза, гибкие ветки дерева’ [21, с. 485] мут кучылталтеш, тг. р. *лоза*. Нине пример-влак гыч коеш, воштырым ончыктышо шомак-влак утларакшым простой улыт, лач *вӱдуа* да *ӱепу* шомак-влак кок мутым ушымо дене ышталтыныт. *Вӱд* о.м., э.м., *вӹд* к.м., *вӱд* к.-й. компонент – тӱп марий, тудын кугезе формыжо **вӱд* урал **wete* деке лишыл [12, с. 46; 14, с. 402]. А *уа* шомакше чув. сунд. *хуа* [2, с. 566] мут дене танастараш лиеш. *Ӱепу* шомакын кокымшо ужашыже – кугезе урал жап гычак палыме шомак [14, с. 403]. Каласен кодыман, системный кылым ончалаш гын, тӱҥ мутшо, але гиперонимже, *воштыр* лексеме лиеш. Молыжо – *уа воштыр* о.м. ‘ивовые прутья’, *уа ваштыр* к.м., *арама воштыр, шаранге воштыр, шертне воштыр* – гипоним-влак улыт, нуно воштырын тӱрлӧ улмыжым почын пуат. Икмыняр примерым ончалына. *Тудо кечынак тыгыде уа воштыр дене тодмо чатырат, кужу варат ямде лие* [28, с. 348]. *Цендуш умылыш: тудо уа воштыр дене тодмо мурдам терга* [16, с. 22]. *Чӱдын илыше-влакат йӧным муын моштенып: лӱнген шинчыше куп тӱрыштӧ емыж-саскам погенып, вӱдуа воштыр дене корзинка ден шопнам пидыныт* [17, с. 6]. *Кажныштын кидыште ведра але арама воштыр дене тодмо изи комдо* [6, с. 74]. *А шенгечын, арама воштыр дене тодмо носилкаш пыштен, Арпадым конденып, тудым эркын, эскерен нумал толыныт, сусыр вуйжо ынже чытырналт манын тургыжланеныт, кумылын*

тыршеныт [11, с. 43]. *Йоча верандыш лектеш, уа воштыр дене тудлан лӱмын тодмо модыш пӱкеным ниялткала* [9, с. 11]. *Корзинка-влакым ломбо да шертне воштыр дене ыштеныт [13]. (Левентей кугызан) тупыштыжо ний дене тодмо лаче, вачыштыже – пычал* [21, с. 317]. *Вазе дене печым печат* [27, с. 49].

Палемдаш кӱлеш: воштыр дене тодмо паша Юл энгерын пурла серыштыже илыше курыкмарий-влак коклаште, тыгак Марий Эл Республикысе Провой кундемыште кумдан шарлен. Тыште тыглай комдо гыч тӱҥалын (кол кучымо ӱзгар, клетке, сыра корзинга, олма комдо) пого корзинга, йоча коляске, пӧртарвер марте чыла пидыныт [10, с. 75–77]. Мутлан, кол кучымо дене кылдалтше шомак-влак: *ванда* ‘рыболовный инструмент, сплетенный из таловых прутьев с двухэтажными жерлами’ [15, с. 128], *уа ванды* к.м. ‘снасть из ивовых прутьев в виде школьной чернильницы’ [18, с. 17], *кырлан* ‘верша, морда; рыболовная снасть, сплетённая из ниток или ивовых прутьев, в виде низкой круглой корзины с воронкообразным входом, но в отличие от верши (морды) имеет створы’ [21, с. 274], *ваштар мурда* ‘морда из прутьев; ванда’ [21, с. 78], *вандыр* л., *ванды* г. ‘род большой верши, морды из лоз для ловли рыб в ярах и омутах’, *уа вандыр* о.м. ‘рыболовная снасть из ивовых прутьев’ [21, с. 180] да тулеч моло арверымат.

Каласен кодыман, воштыр дене тодмо (пидме) паша куштылго огыл. Тудо икмыняр ужаш гыч шога. Пидаш воштырым вӱд воктене погыман, тудым шошым, утларакшым шыжым ямдылат. Воштырым руат, шӱмжым корандат (*возат* о.м., *войзат* Элн., Кукл, *воктат, саратат*), воштырым коштат. Икмыняр примерым ончалына, мутлан: *Кодшо шыжым тудо (Одоким) шопнам пидаш уа воштырым ямдылен* [26, с. 235]. *Нымыште шӱмым кӱзӧ дене сарата* [23, с. 155]. *Мый нийым возен толам ыле* [3, с. 57].

Воштыр дене тодмо (пидме) пашаште мастар-влак тӱрлӧ ӱзгарым, утларакше кӱзым, кучылтыт: ямдылыме годым – корзингам пидме годым кучылтмо кӱжгӧ да анысыр лезвиян кӱзӧ, воштыр мучашым пӱчмӧ кӱзӧ, сорла шотан кӱзӧ; тодмо (пидме, керыштме) годым – вӱрж, вияш да кадыр сӱзлӧ да т.м. Шуко инструмент лӱм марий йылмыш руш йылме гыч але руш йылме гоч пурышо улыт, мутлан: *щемилке* – воштырын шӱмжым эрыктыме ӱзгар, *колунок* (*щепало*) – кӱжгӧ воштырым 3–4 ужашлан шеледыме ӱзгар, *шинок* – уа тасмам пужарыме йӧнештарыш (*шоф* – кӱжгыт шот дене, *шмол* – лопкыт шот дене пужарыме ӱзгар), *изер* – тодмо ужашым пенгыдемдаш кучылтмо ӱш, плоскогубцо, круглогубцо ден тӱрлӧ кусачке-влак [29]. Пытартыш жапыште мастар-влак лӱмын йӧнештарыме тӱрлӧ станокым кучылтыт.

Пример-влак гыч коеш: воштыр дене тодмо (пидме) дене кылдалтше мут-вундо структур могырым шукыж годым кок компонент гыч шогышо улыт. Ик компонентан мут-влак шуэн вашлиялтыт, мутлан: воштыр, вазе, кӱзӧ, сӱзлӧ да руш йылме гыч пурышо лызе шомак. Тодмо процессыште кучылталтше ӱзгар, процесс, арвер лӱм утларакше тӱп марий мут радамыш пурат. Южо ӱзгар лӱм-

влак кӱсынлымӧ улыт, утларакшым руш йылме гыч але руш йылме гоч пурышо улыт. Икманаш, воштыр дене пидме паша мутвундо марий йылмыште да диалектлаште изи огыл верым налеш. Тудым шымлымаш тиде пайдале сомыл дене кылдалтше шомак-влакым арален кодаш сай йӧным ышта.

Кӱчыкемдымаш-влак

в. – венгерский язык; диал. – диалектное слово; кар. – карельский язык; Кадр. – подговор д. Кадряково (Кадрек) Агрызского района Республики Татарстан; к.-й. – северо-западное наречие марийского языка; к.м. – горномарийская литературная норма; Кукл. – подговор д. Старый Куклюк (Кӱплык) Елабужского района Республики Татарстан; о.м. – лугово-восточная литературная норма; мс. – мансийский язык; р. – русский язык; с. – саамский язык; сунд. – сундырский диалект чувашского языка; тд. – так же; тҥ. – сравни; фин. – финский язык; х. – хантыйский язык; чув. – чувашский язык; э.м. – восточное наречие марийского языка; Элн. – с. Ильнеть Менделеевского района Республики Татарстан.

Литератур ден источник

1. *Вершинин В.И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии / В.И. Вершинин. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. – 794 с.

2. *Вершинин В.И.* Марий мут-влакын кушеч лиймышт (Этимологий мутер). Происхождение слов марийского языка (Этимологический словарь): в 2-х т. I том (А–М). – Йошкар-Ола, 2017. – 346 с.

3. *Вершинин В.И.* Марий мут-влакын кушеч лиймышт (Этимологий мутер). Происхождение слов марийского языка (Этимологический словарь): в 2-х т. II том (Н–Я). – Йошкар-Ола, 2018. – 395 с.

4. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 2: В–Д. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. – 288 с. 36.

5. *Егоров Я.М.* Ир шоган: роман, ойлымаш. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2012. – 272 с.

6. *Иванов В.М.* Вӱдшӧ келге, серже тура. Повесть. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во. 1968. – 101 с.

7. *Иванов И.Г.* Словарь северо-западного наречия марийского языка / И.Г. Иванов, Г.М. Тужаров. – Йошкар-Ола, 1971. – 304 с.

8. *Казанцев Д.Е., Патрушев Г.С.* Современный марийский язык. Лексикология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. – 184 с.

9. *Корнилов П.* Олма там. Повесть да ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1984. – 191 с.

10. *Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев XIX века. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. – 159 с.

11. *Кудрявцев В.* Кугезе корно // Ончыко. – 1971. – № 4. – С. 35–59.

12. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970. – 429 с.

13. МЭЭ 1962 (МЭЭ 62, д. Чураево // тет. № 46:13).

14. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финноугорских языков. – М.: Наука, 1974. – 484 с.

15. *Пекшеева Э.И.* Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2012. – 230 с.

16. *Петухов В.* Писе пикш, лывырге йоҥеж // Ончыко». – 1997. – № 10. – С. 4–65.

17. *Пирогов Г.М.* Кочо мӱй: Повесть ден койдарчыкан мыскара ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: «МПИК» савыктыш, 2006. – 148 с.

18. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. – 235 с.

19. Словарь марийского языка. Т. I: А–З / сост. А.А. Абрамова, И.С. Галкин, Н.И. Исанбаев и др. – Йошкар-Ола, Мар. кн. изд-во, 1990. – 488 с.

20. Словарь марийского языка, Т. II: И–К (и-коса) / сост.: А.А. Абрамова, В.И. Вершинин, А.С. Ефремов и др. – Йошкар-Ола, Мар. кн. изд-во, 1992. – 464 с.

21. Словарь марийского языка, Т. III: К–Л (косараш-ляпкыме) / сост. Л.И. Барцева, В.И. Вершинин, Л.П. Грузов и др. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. – 504 с.

22. Словарь марийского языка, Т. V: Ӧ (ӧрчыктарыме), П / сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, Г.С. Патрушев и др. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. – 508 с.

23. Словарь марийского языка, Т. VI: Р–С / сост. В.И. Вершинин, И.Г. Иванов, Н.И. Исанбаев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. – 368 с.

24. Словарь марийского языка, Т. VII: Т / сост.: В.И. Вершинин, В.Н. Максимов, С.С. Сибатрова и др. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. – 432 с.

25. Словарь марийского языка, Т. VIII: У–Ч / сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.И. Вершинин и др. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2003. – 511 с.

26. Словарь марийского языка, Т. IX: Ш, Щ / сост. А.А. Абрамова, Е.А. Черашова. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 520 с.

27. Словарь марийского языка. Доп. том: А–Я / авт.-сост. А.А. Абрамова, И.С. Галкин, М.Т. Ипакова и др. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. – 560 с.

28. *Юзыкайн А.* Эльян: роман. – Йошкар-Ола, 1979. – 400 с.

29. Заготовка и очистка прутьев от коры. Инструменты и приспособления для плетения из лозы // URL: https://studfile.net/preview/10101505/page:7/ (дата обращения: 23.04.2024).

Elvira Peksheeva

BASKET WEAVING VOCABULARY IN THE DIALECTS OF THE MARI LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of the vocabulary of basket weaving in the dialects of the Mari language. Glossary includes the following lexical and semantic groups: a) names of varieties of rods; b) names of tools; c) names of products made of rods; d) names of processes of working with rods. Dialect affiliation, principles of nomination are revealed, and the systemic relations between the lexemes of this group of words are determined. The concepts related to basket weaving represent the legacy of the Finno-Ugric period of language development. Some names appeared during the period of independent development of the Mari language and mainly represent two-component structures of native and borrowed words. Some names were borrowed from the Russian language.

Keywords: the Mari language, dialect vocabulary, craft, vocabulary, rod, basket weaving, principles of nomination, etymology, systemic relations.

УДК 070:947.8(470.343)

Петров О.М.
г. Йошкар-Ола

С.Г. ЧАВАЙН – ЖУРНАЛИСТ И РЕДАКТОР МАРИЙСКИХ ГАЗЕТ

Сергей Григорьевич Чавайн известен как первый поэт и основоположник марийской литературы. Вместе с тем он проявил себя и в других сферах. На заре образования Марийской автономии он стал журналистом газеты «Йошкар кече», переехав в 1921 г. вместе с редакцией в Краснококшайск (с 1927 г. Йошкар-Ола), вступил в РКП(б). Его пребывание в партии продолжалось всего два года (1921–1923), но было насыщено событиями. В это время он возглавлял агитационно-пропагандистский отдел и подотдел печати обкома, редактировал газеты «Йошкар кече» и «Голос мари».

Ключевые слова: газеты, НЭП, журналистика, печать, редакция, РКП(б), Марийская автономная область.

Сергей Григорьевич обладал воистину многогранным талантом и помимо писательской деятельности, которая всегда занимала доминирующее положение в его жизни, был еще и успешным педагогом, журналистом. Особый интерес представляет его работа в системе советской прессы, так как она связана с политической карьерой и пусть и недолгим, но продуктивным пребыванием в рядах большевистской партии.

Чавайн С.Г. стоял у самых истоков зарождения марийской периодики и литературы. Профессор К.Н. Сануков считал, что он наряду с П.П. Глезденевым и В.М. Васильевым участвовал в подготовке материалов для первого марийского периодического издания «Марла календарь» («Марийский календарь») [21, с. 74]. Вышедший в 1907 г. на волне Первой русской революции журнал сразу же полюбился читателям, а С.Г. Чавайн стал его постоянным автором. На момент выхода календаря ему было 18 лет, но уже тогда он занимал активную политическую позицию: участвовал в нелегальных кружках, распространял прокламации, рисовал плакаты и карикатуры. Казалось бы, строгие порядки и воспитание в духе православного монархизма должны были сказаться на характере, но революционные идеи все же завлекли молодого писателя. Во многом этому способствовала тяжелая крестьянская жизнь, бедность, сословное неравенство. Протестные настроения в те годы были широко распространены и среди других марийцев – учащихся семинарии. Рядом с С.Г. Чавайном обучались такие известные личности, как С.А. Черняков (первый заведующий Отделом мари при Наркомнац), В.А. Мухин (член ревкома МАО, пи-

сатель, журналист, первый директор МарНИИ), С.Г. Гаврилов (председатель Центрального союза мари, журналист, литератор) и др. [18, с. 14].

С 1908 г. на страницах «Марла календаря» начинают печататься его произведения, такие как «Юмо дечын ю патыр» («Знание сильнее Бога»), «Книга» и др. Его произведения имели огромное значение для развития марийского литературного языка, становления национальной печати. Конечно, один только литературный труд не мог обеспечить писателя, журнал издавался всего раз в год, к тому же цензура не позволяла публиковать все имеющиеся произведения. Окончив семинарию, С.Г. Чавайн с октября 1908 г. стал заниматься преподавательской деятельностью в Царевококшайском уезде Казанской губернии, но уже через год у него начались проблемы с властью. Полиции стало известно о том, что он во время учебы в семинарии распространял прокламации в Казани, поэтому летом 1909 г. в его доме прошли обыски. Тщательно спрятанную запрещенную литературу у него так и не нашли, но как вспоминал С.Г. Чавайн, после этого он оказался «под негласным надзором полиции» [19, с. 52–53].

В.М. Васильев, И.Н. Коведяев, С.Г. Чавайн. Казань, 1906 г. (Из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева)

Из-за отсутствия финансирования издание «Марийских календарей» прекратилось в 1914 г. Вскоре началась Первая мировая война, была объявлена мобилизация. Несмотря на революционные взгляды, Сергей Григорьевич всегда питал неприязнь к проявлению насилия. Чтобы не попасть в армию и опасаясь притеснения со стороны власти, он принял в 1915 г. решение уехать в Туркестан, где продолжил учительствовать [20, с. 132–133]. Находясь за тысячу километров, писатель тем не менее поддерживал связь с родным краем. В этом же году в первой марийской газете «Война увер» («Военные известия») вышло его стихотворение «Знание сильнее всего» [19, с. 59]. С большой надеждой и воодушевлением С.Г. Чавайн отнесся к Февральской революции. Снятие цензуры позволило марийской интеллигенции в Казани открыть газету

«Ӱжара» («Заря»), которая могла, не оглядываясь, открыто выражать идеи. В первом номере, вышедшем 25 августа 1917 г., было напечатано его стихотворение «Свободное утро», специально приуроченное к открытию. Подчеркивая название газеты, он писал, как огонь зари победил тьму, окутавшую марийскую землю. И хотя в стихотворении ничего не сказано о революции, его строки были наполнены радостью и ожиданием предстоящих перемен.

Вероятно, уже тогда С.Г. Чавайн задумался о работе в газете «Ӱжара», но принять участие в ее издании не смог. Находясь во время Гражданской войны в Туркестане в окружении белой армии, он потерял связь с марийской газетой. Только после прорыва фронта ему удалось вернуться на родину осенью 1919 г. Недолго побыв у родителей, он отправился в Казань [22, с. 9]. К тому времени «Ӱжара» уже была закрыта, а часть коллектива покинула редакцию. Однако вместо нее большевики открыли новую газету «Йошкар кече» («Красный день), издававшуюся при Отделе мари Народного комиссариата национальностей. Именно здесь и началась профессиональная журналистская деятельность писателя. О том, как устроился в редакцию, он впоследствии написал: «…3 ноября 1919 года прибыл в Казань. По сравнению с прошлым город стал совершенно иным, во всем чувствовалась революционная новь. На одной улице встретил старых знакомых. Они посоветовали мне пойти в Отдел мари, находящийся в доме 13 по улице Вознесенской. Зашел туда, а там – другие знакомые. Знакомые по семинарии, революционному подполью» [19 с. 52]. Говоря о знакомых, С.Г. Чавайн, конечно же, имел в виду В.А. Мухина, В.М. Васильева, С.А. Чернякова и С.Г. Гаврилова, работавших тогда в Отделе мари.

В редакцию писатель был принят не сразу. В Государственном архиве РМЭ сохранилось его заявление, датированное 1 марта 1920 г.: «Желая сотрудничать в издательстве Мари, прошу зачислить меня в штат служащим на какую-либо вакантную должность» [17, л. 20]. В углу заявления надпись с подписью заведующего издательством С.Г. Гаврилова о принятии С.Г. Чавайна на работу с 5 марта. С первых же дней на него был возложен большой объем работы. Он переводил на марийский для «Йошкар кече» все распоряжения советской власти, издавал брошюры, плакаты [20, с. 134]. С 22 мая его назначили во главе редакционной коллегии ответственным за выпуск марийской литературы [15, л. 33].

Одной из главных проблем издательства являлась постоянная нехватка сотрудников, многие из которых были отправлены в армию, либо на другие советские работы. Несмотря на просьбы оставить как «незаменимого работника», в августе 1920 г. на юго-западный фронт Гражданской войны был мобилизован ответственный редактор «Йошкар кече» В.А. Мухин. Это привело к тому, что в ноябре штат издательства сократился до трех человек: Л.В. Васильева, С.Г. Чавайна и Л.В. Малышева. Новый редактор «Йошкар кече» Логин

Васильев в связи с этим писал, что им троим в отсутствие технических сотрудников (бухгалтера, машинистки, секретаря, делопроизводителя) приходилось отрываться от своих прямых обязанностей и брать их дела на себя [16, л. 98].

Помимо всего этого, Сергей Григорьевич отправлялся в командировки с ответственными заданиями. Так, в январе 1921 г. он как сотрудник издательства был командирован в Моркинский кантон для информирования местного населения об образовании Марийской автономной области (МАО) [17, л. 202]. В конце июня выезжал в область с целью изучения и сбора материалов народной словесности [17, л. 275]. Номера «Йошкар кече» готовились тем не менее всегда вовремя, а имеющиеся перерывы в ее издании были связаны с технической стороной дела (переезд типографии, отсутствие наборщиков и бумаги). Работоспособность марийского писателя впечатляет, несмотря на широкий круг обязанностей, его литературное творчество не остановилось. В период работы в Казани в 1920–1921 гг. он опубликовал сборник стихов «Новые плоды», пьесу «Солнце всходит, черные тучи расходятся», рассказ «Грехи искупил грехом», совместно с В.А. Мухиным сборник стихов и рассказов для детей и другое [1, с. 37].

С энтузиазмом воспринял С.Г. Чавайн образование МАО. В короткий срок им была написана пьеса «Автономия», посвященная этому знаменательному событию. Однако выехать раньше времени на постоянную работу в родной край он не мог, в Краснококшайске отсутствовали условия для издания литературы и газет. Только после открытия типографии редакция «Йошкар кече» в ноябре 1921 г. была переведена в столицу области. Здесь же началась его партийная карьера. 15 декабря С.Г. Чавайн вступил в ряды РКП(б), пока в качестве кандидата. Одновременно с этим на него возложили руководство подотделом печати агитационно-пропагандистского отдела обкома [13, л. 9]. Однако партийные дела мало привлекали писателя, и все свои силы он отдавал газетам. Возглавивший в апреле 1922 г. агитпроп А.Ф. Эшкинин с некоторым упреком писал, что работа в подотделе почти не велась, а сам С.Г. Чавайн лишь изредка появлялся в обкоме [11, л. 84].

Отсутствие С.Г. Чавайна на рабочем месте вполне объяснимо и связано с тяжелым положением газет. Поначалу все шло хорошо. Вернувшийся с фронта В.А. Мухин стал редактором «Йошкар кече» и «Известий» (с 1922 г. «Голос марий»). Вокруг двух редакций сформировался весьма сильный и творческий круг авторов: Я.П. Майоров (М. Шкетан), Л.В. Васильев, Т.Е. Ефремов, А.Ф. Степанов (Федорыч), А.Г. Савинов (С. Эчан) и др. Появились планы о выпуске в городе художественной литературы, но с января 1922 г. ситуация резко изменилась в худшую сторону. Введение НЭПа и резкое сокращение дотаций поставили обе редакции на край гибели. Не обладая большими тиражами, они не могли даже окупить свой выпуск. Ухудшили ситуацию междоусобные

политические конфликты внутри марийской организации РКП(б), из-за которых В.А. Мухин был отстранен от редакторской деятельности и в марте 1922 г. вынужден был на время покинуть Марийскую область.

Назначенный вместо него руководить газетами С.Г. Чавайн большую часть времени тратил не на журналистский труд, а на изыскание средств, решение хозяйственных вопросов. Конечно, этому способствовало тяжелое экономическое положение и продовольственный кризис, в котором оказалась область. Основные ресурсы уходили на борьбу с голодом, газеты же финансировались по остаточному принципу. Сотрудники были лишены нормальных условий труда, большинство из них не имело своего жилья, они плохо питались, сами же газеты часто выходили на некачественной оберточной бумаге [19, с. 62]. Из-за того, что редакциям нечем было оплачивать гонорары, с ней отказывались сотрудничать авторы. Вспоминая об этом времени, С.Г. Чавайн писал, что порой выпускать очередной номер ему приходилось одному [19, с. 54].

Обе газеты тем не менее выходили регулярно, А.Ф. Эшкинин в связи с этим отмечал, что Сергей Григорьевич целиком отдался газетам, но один он не в состоянии справиться с работой в редакции и подотделе печати [11, л. 49]. О материальных проблемах С.Г. Чавайн дважды в марте и апреле заявлял на заседании бюро обкома, но никаких действенных мер принято не было. Деньги отсутствовали и откуда их взять было, не понятно. Крестьяне подписывались мало, а советские организации, исправно получая новые номера, отказывались за них платить. Устав от тяжелого труда, необеспеченности и не имея времени на писательскую деятельность, 20 апреля 1922 г. Сергей Григорьевич попросил освободить его от работы в газетах. Испытывая острую нехватку кадров, обком, конечно же, не отпустил его, освободив лишь от работы в «Голос мари», для которой была создана редакционная коллегия во главе с новым ответственным секретарем обкома Н.И. Ежовым и председателем облисполкома И.П. Петровым [12, л. 12 а].

С.Г. Чавайн в период работы в газете «Йошкар кече»

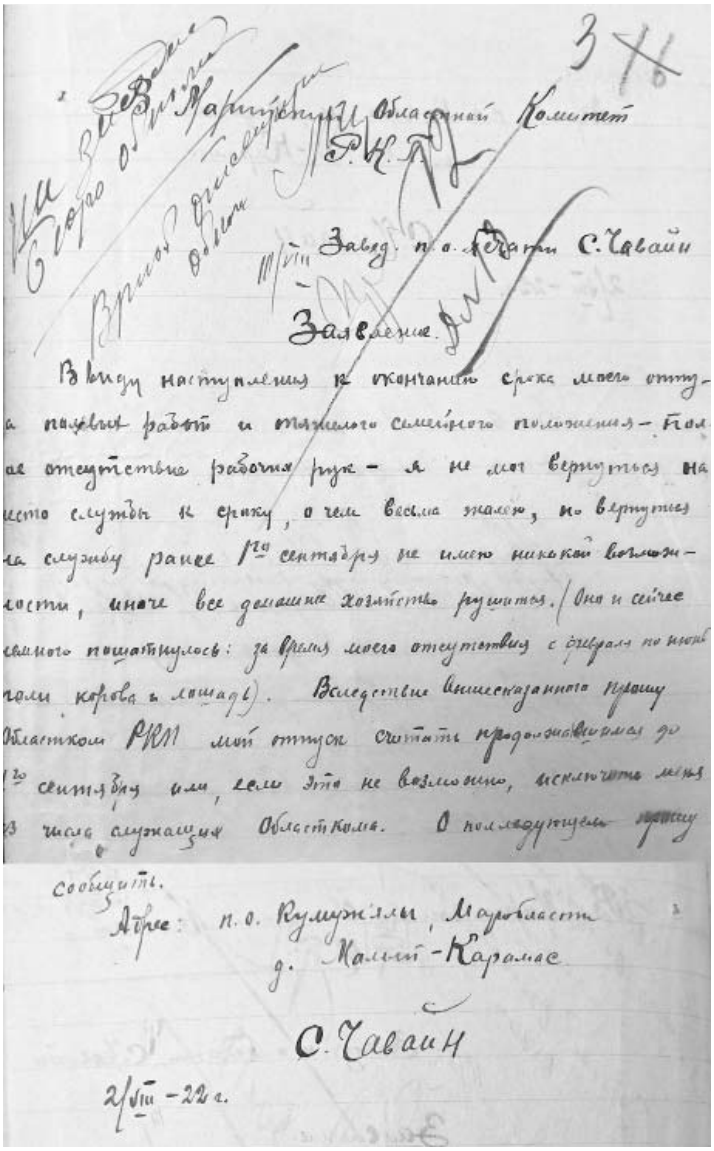
Находясь в рядах РКП(б), С.Г. Чавайн строго придерживался советского курса. Об этом свидетельствуют материалы его газетных публикаций. На страницах «Йошкар кече» и «Голос мари» он выступал с передовыми статьями, разъяснял суть международной и внутренней политики, пропагандировал решения партии и правительства. Искусно владея сатирическим жанром, он

умел метко подметить недостатки, высмеять их. Свои статьи писатель зачастую подписывал псевдонимами, которых у него было великое множество. Так, в «Голос мари» его произведения можно увидеть под подписью «Зуда». На страницах «Йошкар кече», а позднее журнала «У вий» он публиковался под именами: «Кргорий Сергей», «Чавай С.», «К. Сергей», «Марий», «Уэмше Марий», «Чын Марий» и др. [2, с. 54].

Еще более ухудшилась ситуация в редакции «Йошкар кече» к лету 1922 г. Из-за начавшихся полевых работ сократилось и то небольшое число крестьянских подписчиков, которыми располагала редакция. Для того чтобы помочь своим родителям по хозяйству, стремился уехать в деревню и С.Г. Чавайн. К тому же там должно было быть не так голодно, как в городе, где сотрудники газет откровенно влачили жалкое существование. 24 мая он написал заявление в обком с просьбой предоставить ему длительной отпуск, где кратко изложил основные причины: «…я слаб здоровьем и мои домашние обстоятельства таковы, что я летом обязательно должен быть дома и работать как и всякий другой крестьянин, ибо у меня кроме отца и матери, которым по 59 л. (к тому же мать еще больная), никого нет; бросать хозяйства не могу, иначе все мои старания о введении в нашей деревне шестипольной системы должны пропасть. Граждане моей деревни по моей инициативе решили от трехполья перейти к многополью с ведением посевов кормовых трав и корнеплодов. Коллегия Зем отдела ходатайство наших граждан постановила удовлетворить, и туда с 1-го июня выезжает землемер для внутриселенного землеустройства. Во время землеустройств мое присутствие крайне необходимо» [9, л. 139–139 об.].

Из-за того, что в редакции не хватало журналистов, ответственный секретарь обкома Н.И. Ежов отказался предоставить ему отпуск, но согласился вернуться к этому вопросу позднее. Так и произошло. 6 июня 1922 г. ему все же разрешили уехать на 20 дней, но по истечении срока С.Г. Чавайн в Краснококшайск не вернулся и долгое время от него не было никаких вестей [8, л. 115]. В «Йошкар кече» же ситуация сложилась критическая. Т.Е. Ефремова, заменявшего С.Г. Чавайна, отправили на другие работы. В редакции остался лишь Л.В. Васильев, который один выполнял обязанности редактора, выпускающего, секретаря и даже бухгалтера.

Лишь 3 августа от С.Г. Чавайна в обком пришло письмо, где он описал причины своего отсутствия: «Ввиду наступления к окончанию срока моего отпуска полевых работ и тяжелого семейного положения – полное отсутствие рабочих рук – я не могу вернуться на место службы к сроку, о чем весьма жалею, но вернуться на службу ранее 1-го сентября не имею никакой возможности, иначе все домашнее хозяйство рушится. (Оно и сейчас немного пошатнулось: за время моего отсутствия с февраля по июнь пали корова и лошадь.) Вследствие вышесказанного прошу Областком РКП мой отпуск считать

Письмо С.Г. Чавайна в марийский обком от 2 августа 1922 г. (ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 64. Л. 3-3 об.)

продолжающимся до 1-го сентября или, если нет возможности, исключить меня из числа служащих Областкома. О последующем прошу сообщить» [10, л. 3–3 об.]. На обороте письма сохранился ответ: «Быв. заведующему п/о печати т. Чавайн. Маробком РКП сообщает Вам ввиду неприбытия своевременно без разрешения, что вы с 1 августа с/г уволены от занимаемой должности» [10, л. 3 об.].

Казалось бы, на этом могла завершиться журналистская и политическая карьера, но обстоятельства сложились иначе. 1 октября в связи с нехваткой кадров С. Г. Чавайна вновь приняли в редакцию «Йошкар кече» на должность заведующего отделом хроники [22, с. 12]. Редактором на тот момент был Л.В. Васильев. Однако из-за внезапно открывшегося уголовного дела он в начале ноября был исключен из партии, а 5 декабря приговорен революционным трибуналом к реальному сроку заключения. Сегодня до конца не выяснены обстоятельства дела Л.В. Васильева. В документах обкома фигурирует лишь статья, по которой его осудили – за злоупотребление властью. Возможно, это было связано с тем, что, замещая несколько должностей, Логин Васильевич имел неосторожность получить зарплату сразу за двух сотрудников. Между тем, по правилам тех лет, полагалось лишь не более 1,5 ставки. В целом период правления Н.И. Ежова в Марийской организации РКП(б) был крайне напряженным и по разным причинам на скамье подсудимых оказалось довольно много ответственных работников.

Необходимость в срочном замещении должности привело к тому, что С.Г. Чавайн с 10 ноября 1922 г. вновь приступил к редакторским обязанностям [8, л. 251]. В это же время на постоянную работу в редакцию пришел Я.П. Майоров, ранее лишь сотрудничавший с газетой. Вернулся также Т.Е. Ефремов. Зимой положение «Йошкар кече» несколько наладилось, ее снова стали выписывать крестьяне, помогая редакции оставаться на плаву. Однако с началом посевной ситуация вновь пошла на спад. 4 июля 1923 г. С.Г. Чавайн вновь обратился в обком с просьбой освободить его от должности редактора и предоставить отпуск. В заявлении он писал, что хотел бы в дальнейшем сотрудничать с издающимся в Москве журналом «У илыш» (Новая жизнь) и заниматься составлением учебников для марийских школ [6, л. 99]. В обкоме были удовлетворены его работой и отпускать не стали, но месячный отпуск все же предоставили. За полгода писатель заметно поднял марийскую газету, это отмечалось в протоколе заседания бюро обкома, где указывалось, что она улучшилась как в отношении содержания, внешнего вида, так и технической постановки. Отмечалась и работа с селькорами. [4, л. 79 б]. Сергей Григорьевич постоянно вел переписку с ними, указывал на недостатки, давал советы, сам редактировал их тексты.

Самой большой бедой по-прежнему оставалась острая нехватка материальных средств. С.Г. Чавайну приходилось отрываться от своих прямых обязанностей и искать источники финансирования, обращаясь в том числе и к кредиторам. Постепенно «Йошкар кече» все более увязала в долгах. Местные власти оказывали поддержку лишь бумагой. Подписчики и публикация платных объявлений приносили совсем небольшие деньги. Единственной

ниточкой, позволявшей все же существовать редакции, являлась помощь, поступавшая из ЦК РКП(б), но и она уменьшилась. Так, в августе 1923 г. средства из центра пришли только на одну газету. В обкоме долго решали, разделить деньги между «Йошкар кече» и «Голос мари» или закрыть последнюю, оставив всю сумму за марийской газетой. Учитывая, что русское население области имело возможность выписывать центральные газеты, после некоторых колебаний обком принял решение 4 сентября временно закрыть «Голос мари» [4, л. 97 в].

Разгрузив расходы, власти надеялись улучшить состояние «Йошкар кече», но этого не произошло. В конце сентября – начале октября 1923 г. С.Г. Чавайн отправил докладную записку в облисполком, описав отчаянное положение. Долги закрытой «Голос мари» тяжким бременем легли теперь на марийскую газету. Бывшие сотрудники один за другим стали предъявлять требования по невыплаченным зарплатам: «Редактор и заведующий конторой находятся в самом бессмысленном положении: с одной стороны, сотрудники и типография в буквальном смысле пристают с ножом к горлу, а с другой – областные органы не оказывают газете должного внимания. В довершение всего обкомхоз гонит редакцию из занимаемого его помещения и хочет запереть ее в темной комнате, в помещении, занимаемой типографией. Обстановка создалась такая, что работать совершенно невозможно. Будущие перспективы чрезвычайно мрачны» [7, л. 51–52].

Заметно ухудшились отношения у С.Г. Чавайна с местными властями. Желая решить финансовый вопрос, Облисполком задумал повысить плату на подписку «Йошкар кече», с чем категорически был несогласен Сергей Григорьевич. Он уверял, что для крестьян это станет неподъемной ношей и они вовсе отвернутся от газеты. Вопреки мнению редактора, Облисполком 1 октября все же поднял цену на месячную подписку в два раза – с 40 до 80 коп. [14, л. 29]. В ответ на это С.Г. Чавайн 5 октября 1923 г. отправил новую записку в Облисполком, где в довольно жесткой форме требовал обеспечить регулярное финансирование газеты, в противном случае просил освободить его от обязанностей: «Если Обисполком вышеуказанные условия считает для себя неприемлемыми, то я прошу с 20-го сего октября освободить меня от занимаемой должности редактора «Йошкар кече» и отозвать в распоряжение ОБОНО для привлечения меня к работе по моей главной специальности, т.е. в качестве школьного работника, ибо работать, а главное – заставлять работать других в таком необеспеченном учреждении, как редакция, в настоящее время я больше не могу» [7, л. 55].

Записки в облисполком наполнены возмущением и ярко характеризуют эмоциональное состояние марийского писателя, что не могло не повлиять на дальнейшие события. Получив вскоре повестку из военкомата с указанием

явиться для обучения военному строю, С.Г. Чавайн 11 октября в резкой форме написал письмо ответственному секретарю обкома, где категорически отказался от участия. По-видимому, желая уже порвать с партией и газетой, он писал: «Если же в Марийской организации РКП не может быть никакого исключения даже и для первого Марийского ПОЭТА – таковым меня считает вся читающая марийская масса, то, видимо, я недостаточно ясно понимаю задачи компартии, а поэтому должен выбыть из ее рядов» [5, л. 77 об.].

Это письмо стало последней каплей в противостоянии с руководством. 11 октября его не стали более удерживать и исключили из партии, что автоматически привело и к уходу из газеты. Оставшись без своего лидера «Йошкар кече» впала в череду неудач, поставивших ее на грань закрытия. После С.Г. Чавайна в ноябре редакцию покинули Я.П. Майоров и А.Г. Савинов. Последний перед уходом пригрозил редакции обращением в трудовую инспекцию в случае невыплаты причитающегося ему гонорара [5, л. 108–109]. Как и предупреждал С.Г. Чавайн, повышение цены существенно сократило и без того небольшое число подписчиков. Поправить положение и спасти газету удалось лишь в следующем году А.К. Эшкинину, специально вызванному для этой цели из Москвы, где он издавал журнал «У илыш». Сам же С.Г. Чавайн вернулся в родную деревню, где приступил к работе в школе и своему любимому делу – писательству.

Закончившаяся на этом карьера в РКП(б) не отбросила писателя на обочину. Проживая в деревне, он продолжал активную общественную деятельность, участвовал в создании сельскохозяйственного кооператива. Не оставил он журналистскую деятельность. 17 октября 1927 г. он снова устроился в Йошкар-Оле в редакцию газет, где проработал рядовым журналистом до 15 июля 1928 г. В дальнейшем свои усилия он сосредоточил на выпуске первого литературного журнала на марийском языке «У вий» («Новая сила»). Как и в бытность работы в «Йошкар кече», он занимался не только редактированием журнала, но и решал хозяйственные и организационные вопросы. С.Г. Чавайн способствовал профессиональному и творческому росту молодых писателей. Он читал их произведения, приглашал на работу, беседовал, выявлял недостатки. Рядом с С.Г. Чавайном выросла целая плеяда молодых писателей: Г.Т. Смирнов (Смирнов Кавырля), И.С. Степанов (Олык Ипай), Д.Ф. Богословский (Орай), Н.С. Еремеев (Н. Лекайн), А.Н. Семенов (А. Эрыкан) и др. [3, с. 6.]. Преуспел он и во многих других областях. В 1930-е гг. он участвовал в создании объединения марийских писателей, возглавлял литературную часть Маргостеатра, был уполномоченным Литфонда [20, с. 136–137]. Воистину огромный вклад, оставленный писателем в культуре своего народа, поражает и еще долго останется предметом изучения как исследователей, так и всех, кто интересуется марийской историей и литературой.

Литература и источники

1. *Асылбаев А.* Сергей Чавайн: Очерк жизни и творчества. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1963. – 144 с.
2. *Васин К.К.* Псевдонимы марийских литераторов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. – 92 с.
3. *Васин К.К., Клюкин К.* «У вий» гыч «Ончыко» марте // Ончыко. – 1976. – № 5. – С. 3–8.
4. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 103.
5. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 109 а.
6. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 109.
7. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 139.
8. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 57.
9. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 61.
10. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 64.
11. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 90.
12. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 91 а.
13. ГА РМЭ. Ф. П–1. Оп. 3. Д. 2380.
14. ГА РМЭ. Ф. Р–250. Оп. 1. Д. 203.
15. ГА РМЭ. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 40.
16. ГА РМЭ. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 52.
17. ГА РМЭ. Ф. Р–627. Оп. 1. Д. 64.
18. *Патрушев А.С.* Чавайн в Казани. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. – 48 с.
19. Певец народа: воспоминания и документальные очерки о С.Г. Чавайне. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. – 198 с.
20. *Петрова Н.С.* Документы Государственного архива Республики Марий Эл о жизни и творчестве С.Г. Чавайна // Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха: Сб. науч. трудов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. – 200 с.
21. *Сануков К.Н.* «Марийскому календарю» 100 лет // Финно-угроведение. – 2007. – № 1. – С. 70–80.
22. *Сануков К.Н.* С.Г. Чавайн: жизнь и судьба (К 125-летию со дня рождения). – Йошкар-Ола, 2013. – 80 с.

Oleg Petrov

S.G. CHAVAIN IS THE JOURNALIST AND EDITOR OF MARI NEWSPAPERS

Sergey Grigorievich Chavain is known as the first poet and founder of Mari literature. At the same time, he distinguished himself in other areas. At the beginning of the formation of the Mari Autonomous Region, he was a journalist in the newspaper “Yoshkar Keche”, in 1921he also moved with the editorial board to Krasnokokshaysk (since 1927 Yoshkar-Ola). He was a member of Russian Communist Party from 1921 to 1923 only, but it was eventful. During that time, he headed the agitation and propaganda department and the press sub-department of the regional committee, edited the “Yoshkar Keche” and “Golos Mari” newspapers.

Keywords: Newspapers, NEP, journalism, press, editorial board, RCP(b), Mari Autonomous Region.

УДК 821.511.151.0

Петрова Е.Г., Булыгина А.Н.
г. Йошкар-Ола

С.Г. ЧАВАЙНЫН ТВОРЧЕСТВЫЖЫМ ЛОНЧЫЛЫШО ИКЫМШЕ ШЫМЛЫЗЕ ФЁДОР КУЗЬМИЧ КАЗАНЦЕВ

Статья посвящена первому исследователю жизни и творчества основоположника марийской литературы Сергея Григорьевича Чавайна Фёдору Кузьмичу Казанцеву (1908–1937). Внимание уделяется трудам ученых, которые изучали жизнь и творчество Ф. Казанцева. Дается анализ его книги «С.Г. Чавайнын творчэство корныжо: пӱтынь творчэствым лончылмо опыт» («Творчество С.Г. Чавайна: опыт критико-монографического анализа»), которая была издана в 1936 г. в Йошкар-Оле.

Ключевые слова: Ф.К. Казанцев, Пумар Вӧдыр, С.Г. Чавайн, исследователи творчества С.Г. Чавайна.

Чавайным шындыме, но тудын олмеш
лу Чавайн кушкын шогалеш.
Пумар Вӧдыр

2023 ийыште мемнан кундемыште веле огыл марий сылнымутлан негызым пыштыше кумдан палыме поэт, писатель, драматург Сергей Григорьевич Чавайнын шочмыжлан 135 ийым палемдат.

«Марий литератур историйыште Сергей Григорьевич Чавайн ик кугу верым налын шоген да кызытат налын шога. Марий сылне литературым ыштымаште да шочыктымаште Чавайным тӱҥалтыш писательлан, «пионерлан» шотлаш лиеш», – тыге возен самырык критик Фёдор Кузьмич Казанцев [2, с. 5]. Чаманен гына каласаш кодеш: Чавайным реабилитироватлымеке, ятыр ен тудым марий литературын пионерже манын, школысо уроклаштат, вузласе лекцийлаштат ойлат, а ты ойсавыртышын авторжым огыт каласе.

Кызытсе жапыште Казанцевын (Пумар Вӧдырын) лӱмжӧ йӧршын гаяк мондалтын. А вет тудо 1930-шо ийласе литературоведенийыште жаплыме да шотлымо айдеме лийын. Тыгай пагалымашым самырык шымлызе С.Г. Чавайнын мурпашажым нигӧ деч ончыч кумдан лончылен лекме дене налын. Кугу писатель-критик Ким Васин ден Александр Александров Пумар Вӧдыр нерген тыге возеныт: «Кумлымшо ийласе марий критикыште С.Г. Чавайнын творчествыжым лончылымо дене Ф. Казанцев ойыртемалтын. Тудын шымлымыже икымше марий писательын ончыл мировоззрениян улмыжым, 1905-ше ийысе

революций тулеш шуаралтмыжым, социализм жапыште кугу талантыш савырнымыжым критик чын ончыктен» [1. с. 21].

Тачысе кечылан Пумар Вӧдырын (Ф.К. Казанцевын) лӱмжӧ йӧршынак мондалтын манме деч 1975 ийыште лукмо «Тӱҥалтыш ошкыл» («Первые шаги») сборникым ушештараш келшен толеш. 1920–1930-шо ийласе марий литературоведений ден критикын могай улмыштым иктешлен ончыктышо ты книгашке тудын кок пашажым – «С.Г. Чавайнын Совет власть жапысе творчествыже» да «М. Шкетанын «Эреҥер» романже» нерген возымыжым – пуртымо. А шкеж нерген книгаште тыгерак каласен кодымо: «Казанцев Фёдор Кузьмич (литературный псевдонимже-влак: Пиштер Вӧдыр, В. Озаҥын, В. Мариоз, Пумар Вӧдыр) Марий АССР, Параньга район, Пумарий (Елеево) ялысе кресаньык ешеш 1908 ий 12 июньышто шочын. 1931–1935 ийлаште Марий педагогический институтышто тунемын, вара Шернур педтехникумышто пашам ыштен. Литература илыш нерген статьяже-влак «У вий» журналеш, «Марий коммуна», «Рвезе коммунист», «Ямде лий», «Литературная газета» газетлаш печатлалтыныт. Тудо М. Шкетанын «Эреҥер» романже нерген («Марий коммуна». 1935. 24, 26 май), «Чодыра пеледыш» антологий нерген (1936) сай, кӱлешан статьялам возен».

Студент улмыж годымак Пумар Вӧдыр «У вий» журнал редколлегийын членже лийын, тушан шкежат ятыр статьям савыктен. Пумар Вӧдырым 1937 ий 27 январьыште Писатель ушем членын кандидатшылан пеҥгыдемденыт. Шочмо йылме декат шымлызе мелын шоген. 1934 ийыште тудо шагал грамотан еҥ-влакым туныктымо школлан «Марий йылмэ тунеммэ книга: шагал тунэмшэ кугу йэҥ-влак школлан» марий грамматикым возен да печатлен луктын.

Фёдор Кузьмич кумлымшо ийлаште ятыр возен шоген. Палыме журналист, краевед Гельсий Зайниев «Пумарий гыч шымлызе марий» очеркыштыже палемден: «Тудо шкаланже псевдонимым шочмо (Кугу Пумарий) ялжын лӱмжӧ гыч шонен луктын да ятыр серымыжым Пумар Вӧдыр подпись дене савыктен» [3, с. 231].

1931 ийыште тунемаш пурышо кум студентым Марий пединститутышто 30-шо ийлаште марий йылмым туныктышо Шабдар Осып (Иосиф Архипович Шабдаров) критик-литературовед марте кушташ шонен пыштен. Тыге ик курсышто улшо кум йолташ: Параньга кундемын эргыже Фёдор Казанцев, Пошкырт гыч толшо Ахмет Асылбаев да граждан сарын тӱтанже гоч эртыше Урал марий Семён Байбулатов – тудо жапысе кум мастарын (С. Чавайнын, М. Шкетанын да Шабдар Осыпын) мурпашашт нерген диплом пашам сераш пижыт. Тидым ышташ куштылгак лийын огыл, тунам марий критик ден литературоведений йол ӱмбак шогалаш тӱҥалыныт гына улмаш. Дипломым возымо жапыште кӱлеш ой-каҥашым налаш уста писатель-педагог Шабдар Осыпын пачерышкыже тунемше-влак ик гана веле огыл миеныт.

1935 ий июль тылзыште икымше гана Марпединститутын йылме ден литератур факультетыште марий литератур дене диплом пашам тергымаш эртен. Выпускной государственный комиссий ончылно тунемше-влак: Ахмет Асылбаев – «М. Шкетанын творчествыже», Семён Байбулатов – «Шабдар Осыпын прозыжо» да Фёдор Казанцев «С.Г. Чавайнын творчество корныжо» дипломыштым араленыт.

Институтым тунем лекме ийыштак кум йолташын тӱҥалтыш критик пашашт «У вий» журналеш савыкталтын (1935. № 6, № 7–8, № 9–10, № 11–12). Савыкталтме шотышто Пумар Вӧдыр утларак пиалан лийын: «С.Г. Чавайнын творчество корныжо» лӱман посна книгаже 1000 экземпляр дене 1936 ийыште лектын. «Пӱтынь творчествым лончылымо опыт» книгаште – 72 лаштык. Тиде книгам серен пытарымыж годым авторлан улыжат 27 ий гына темын улмаш.

Ончылмутышто Марий издательствын литератур пӧлкаже тыге палемден:

«…Казанцев йолташ «С.Г. Чавайнын творчество корныжо» книгам возымыж дене кугу пашам ыштен. Тиде книга – писательын творчество корныжым тергымаш шот дене первый паша, Казанцевынат первый пашаже. Садлан опыт шот дене, ончыкыжым келге наук шымлымашлан сай материал лиеш манын, адак марий литературым туныктышо-влаклан Чавайнын творчествыжым терген туныкташ, тунемше, студент-влаклан тунемаш полша манын, печатлен луктына. Тиде книган кӱлешлыкше кугу, тиде – Чавайнын пӱтынь творчествыжым келгын лончылышо первый критик паша» [2, с. 3].

Кумло ий жапыште (1905 гыч 1937 ий) марте С.Г. Чавайн 100 утла почеламутым, поэмым да мурым, 18 пьесым, 30 утла ойлымашым, очеркым да повестым, «Элнет» романым возен.

Самырык шымлызе «С.Г. Чавайнын творчество корныжо» книгаштыже, марий литератур классикын кумло ияш творчествыжым **ныл пагытлан** шелын да кажне сылнымут пашажлан иктешлымашым пуэн. **Пагыт гыч пагытыш** Чавайнын творчество жанрже вашталт толеш:

– Тӱҥалтыш *Октябрь революцийлан ямдылалтме пагыт* жапыште утларакшым почеламут-влакым воза: «Ото» (1905), «Йыланда» (1908), «Шылше» (1908) да молат.

– Кокымшо пагытыште (*военный коммунизм*) кум жанр лектеш: почеламут, ойлымаш ден пьесе – почеламут-влак «Автономий» (1921) да «Революций» (1935), ойлымаш «Язык гыч язык сулыш» (1920). Марий кундем шочмылан пӧлеклыме «Шем пыл шула, кече лектеш» (1920) пьеса да молат.

– *Калык озанлыкым йол ӱмбак шогалтыме* жапыште (восстановительный период) шукыжым пьесе-влак возалтыныт: «Ямблат кӱвар» (1923), «У мланде» (1925), «Мӱкш отар» (1928) да молат.

– *Реконструкций жапыште* писатель адак тӱрлӧ жанрым кучылтеш. Нунын кокла гыч тӱҥ верым драме жанр налеш: «Илыше вӱд» (1930) да «Акпатыр» (1935), тошто марий илыш гыч «Элнет» роман (1936).

Руш литературысо Пушкин семынак марий литературышто Чавайнымат шуко тӱрлын возышо (многогранный) писатель манын кертына.

Писательын чыла возымыжым лончылымеке, самырык литературовед мучаште **кандаш пунктан** иктешлымашым пуа: «С.Г. Чавайнын кумло ий коклаасе творчество корныжым чумырен каласена. Чавайн – марий литературышто **пионер**. Тудо первый революций жапыште – 1905 ийыште – возаш тӱҥалын» [2, с. 69]. А ик пунктыштыжо теве мом палемда: «С.Г. Чавайн илыш деч шеҥгелан ок код, социализм илыш лонгаште шолеш да эше шуко сай произведенийым пуэн кертеш». Иктешлымашыжым тыге кошарта: «Чавайнын творчествыжым лончылен лекме гыч ик ойыртемым пенгыдемден кодаш логалеш: писатель утларакше историй тематике дене мастарын возен кертеш, а кызытсе илыш тематике дене серыме-влак тунарак сылнын ок лек («Семон ден Джон», «Штурм», т.м.), тыште схематизм кугу верым налеш. Илен-толын кызытсе эпохымат Чавайн адак утларак сылнын возен кертеш манын ӱшанена…» [2, с. 72].

Но ты ӱшанлан шукталташ пӱралтын огыл улмаш. Пӱралтын огыл тыгак Фёдор Кузьмич Казанцевланат Чавайнын умбаке возымыжым да моло писательын творчествыштым шымлаш, лончылаш да иктешлаш.

…1937 ий 7 июньышто Шернур селасе Кооперативный уремыште верланыше 3-шо номеран пӧртыш вучыдымо уна-влак толыныт. Шернур педагогический училищын туныктышыжо Казанцев Фёдор Кузьмичым арестоватлыме годым мӧнгыж гыч 63 книгам, журнал ден брошюрым, 61 лаштык тӱрлӧ кагазым (переписким), 7 паша тетрадьым, 130 лаштык рукописьым, 1 записной книжкам, тӱшкан снимаялтме ик фотом, паспорт ден военный билетым поген каеныт [3, с. 233]. Сурт озам шындымеке, руш ватыже Валентина Арсентьевна Извощикова (1909 ийыште шочын), куд ияш Римма ӱдыржӧ да 60 ияш аваже Екатерина Тихоновна нимогай энертыш деч посна кодыныт.

Сергей Чавайн, Шабдар Осып, Олык Ипай да моло марий писатель семынак Пумар Вӧдырланат лу пачашан языкым язык деч посна сакеныт – «участник контрреволюционной, буржуазно-националистической, троцкистско-бухаринской, диверсионно-вредительской и шпионской организации». Тыге Шернурышто «осалланыше контрреволюционный группо» нерген 7765-ше номеран дела шочын. Делаште Шернур педучилищысе комсомол комитет секретарь марий рвезе Иван Грязинын ойлымыжо уло: «1937 ийыште урок годым Казанцев арестоватлыме буржуазный националист Чавайн нерген чаманен ойлыш: «Чавайным петыреныт, но тудын олмеш лу еҥ кушкеш да нуно МАССР-ыште шкеныштым ончыктат». (С.Г. Чавайным 25 майыште шынденыт.) Чавайнын портретшым чыла вере корандаш кӱштымӧ ыле. Но тыгодым Фёдор Кузьмич Сталинын портретшымат корандаш тоштын. Коранден гына огыл, а кушкедын да пуракан шкаф ӱмбак пыштен, тудын

ӱмбакыже Чавайнын портретшым веранден. Тыге лектеш, Казанцев Чавайным Сталин «вождь» деч кӱкшынрак аклен.

Вескана йолташыже-влак коклаште туныктышо тыге ойлен: «Чавайнын пьесе-влакым шындаш чарыме гын, ынде сценыш лукташыжат нимом, – моло пьесе уке». 1930-шо ийлаште Марий театрын репертуарыштыже тӱҥ верым Чавайнын драматургийже налын шоген.

Титаклыме кагаз 1937 ий 14 августышто возалтын да эрлашыжымак критик-литературовед Фёдор Кузьмич Казанцевым титакшылан кӧра лӱен пуштыныт. Улыжат Пумар Вӧдырын титакше Чавайнын творчествыжым лончылымо дене кылдалтын.

Дипломым возымо жапыште Фёдор Кузьмич С. Чавайным да тудын ойпогыжым уло чонжо дене йӧратен шынден. Пӱтынь шымлымашыже кугу писательым чот пагалыме кумыл дене шыҥдаралтын. Пумар Вӧдырын поро пашажым – С.Г. Чавайнын пӱтынь творчествыжым эн ончыч келгын шымлен кодымыжым – порын шарналтена да таум ыштен пагален вуйнам савена.

Литератур ден источник

1. *Васин К.* Марий критика ден литературоведенийын тӱҥалтышыже / К. Васин, А. Александров // Тӱҥалтыш ошкыл: 20–30-шо ийласе марий литературоведений ден критика. – Йошкар-Ола, 1975. – С. 3–23.

2. *Казанцэв Ф.К.* С.Г. Чавайнын творчэство корныжо: пӱтынь творчэствым лончылмо опыт = Казанцев Ф.К. Творческий путь С.Г. Чавайна: опыт критико-монографического анализа / Ф.К. Казанцев. – Йошкар-Ола, 1936. – 72 с.

3. Пумарий гыч шымлызе марий // Зайниев Г. Муро сугынь: очерк-влак / Гельсий Зайниев. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 231–239.

4. *Соловьёв А.* Классикын возымыжым эн ончыч шымлен / А. Соловьёв // Марий Эл. – 1998. – 3 окт. – С. 4.

Elena Petrova, Antonina Bulygina

FYODOR KUZMICH KAZANTSEV IS THE FIRST RESEARCHER OF S.G. CHAVAIN'S WORKS

The article is dedicated to Fyodor Kuzmich Kazantsev (1908-1937), who was the first researcher of the life and work of the founder of Mari literature Sergei Grigorievich Chavain. Attention is also paid to the works of scientists who studied the life and work of F. Kazantsev. An analysis of his book, which was published in 1936 in Yoshkar-Ola, "S.G. Chavaynyn tvorchestvo kornyzho: pütyn' tvorchestvym lonchylmo opyt" ("S.G. Chavain's Work: the Experience of Critical and Monographic Analysis") is given.

Keywords: F.K. Kazantsev, Pumar Vödyr, S.G. Chavain, researchers of S.G. Chavain's works.

УДК 355.233:374.3(470+571)

Святкин М.И.
г. Саранск

О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ И ЕГО РОЛИ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается проблема сохранения историко-культурного наследия народов России в современных условиях. Уделено внимание нормативно-правовому аспекту в области ее решения. Автор приходит к выводу, что историко-культурное наследие имеет большое значение в воспитании, образовании и формировании гармонично развитой личности.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; гражданская идентичность; патриотизм; объекты культуры; культурное пространство.

Объекты историко-культурного наследия являются достоянием государства. Однако со временем они могут быть утрачены. В связи с чем выработано ряд мер в области сохранения памятников культуры.

Основной закон государства – Конституция Российской Федерации – согласно статье 44 предписывает каждому гражданину право пользования культурными ценностями, а также определяет обязанность сохранять историческое и культурное наследие. В последующем было принято ряд законов и нормативных актов, регламентирующих деятельность в области сохранения и использования историко-культурного наследия [1].

9 октября 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации утвердил отдельные общие нормы, касающиеся проблемы сохранения памятников культуры в Основах законодательства о культуре РФ, в которые 23 июля 2008 г. были внесены изменения. Согласно утвержденному документу, под культурным наследием народов Российской Федерации понимается материальная и духовная ценность, созданная в прошлом. Упомянутый нормативно-правовой акт относит к культурному наследию народов Российской Федерации памятники и территории, имеющие историко-культурное значение, а также обладающие значимостью в сохранении и развитии самобытной культуры народов страны [1].

Уникальные объекты культурного наследия Российской Федерации защищены законодательством государства, которым определен их правовой статус. В качестве базового закона, регламентирующего вопросы использования и охраны памятников исторического и культурного значения, выступает Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории

и культуры) народов Российской Федерации», который приняли в Государственной Думе 24 мая 2002 г. и одобрили в Совете Федерации 14 июня 2002 г. Следует отметить, что в вводной части закона большое внимание уделено ценности объектов культурного наследия, а также памятников исторического и культурного значения народов Российской Федерации. Так, в Федеральном законе отмечено, что объекты культуры, представляющие неотъемлемую часть Всемирного культурного наследия, являются уникальной ценностью для российского народа, который в своей основе многонациональный и поликонфессиональный. В качестве приоритетной цели органов госвласти РФ и органов местного самоуправления выделена в документе задача охраны объектов культуры. В Федеральном законе четко определены объекты, относящиеся к культурному наследию. Данное положение было дополнено Федеральным законом № 245-ФЗ от 23 июля 2013 г. и ФЗ № 315-ФЗ от 22 октября 2014 г. В соответствии с документом к культурному наследию относятся имеющие историческую и культурную ценность: недвижимое имущество (в том числе археологическое наследие), произведения живописи, скульптуры, декоративно-прикладное искусство, научные и технические объекты и другие предметы, относящиеся к материальной культуре и возникшие в результате событий исторического развития, а также которые представляют историческую, археологическую, архитектурную, градостроительную, научную, техническую, эстетическую, этнологическую, антропологическую, социально-культурную ценность. Объекты культурного наследия Федеральный закон подразделяет на три вида: памятники, ансамбли и достопримечательные места. В соответствии с законом памятником может являться отдельная постройка, здание и сооружение с исторически сложившейся территорией, мемориальная квартира, мавзолей, отдельное захоронение, произведение монументального искусства; научные, технические, военные, археологические объекты. С принятием 30 ноября 2010 г. Федерального закона № 327-ФЗ было передано религиозным организациям имущество, имеющее религиозное назначение, которое находилось в ведении государства или муниципалитета. В связи с этим к памятникам, являющимся объектами культурного наследия, стали относить имущество религиозного назначения, обладающее исторической и культурной ценностью. Следующим видом культурного наследия являются ансамбли, под которыми, в соответствии с Федеральным законом, понимают четко локализуемую на исторически сложившейся территории группу памятников, располагающихся в изолированном или в объединенном состоянии. Также к ним относят фортификационные, дворцовые, жилые, общественные, административные, торговые, производственные, научные, учебные строения и сооружения; памятники, имеющие религиозное назначение; фрагменты исторической планировки и застройки поселений, имеющих культурную ценность; ландшафтную архитектуру, садово-парковое искусство, археологические объекты.

В качестве достопримечательного места может выступать творение, созданное в результате человеческой деятельности или совместно с природой; место, где по-прежнему существуют народные художественные промыслы [9]; центр исторического поселения или фрагмент городской строительной планировки и застройки, памятное место, культурный и природный ландшафт, связанный с историческим развитием государства, этнической историей того или иного народа России, археологический объект, место совершения религиозного обряда, захоронение жертв массовых репрессий; места, имеющие религиозно-историческую ценность [10].

Каждый объект историко-культурного наследия народов России содержит пласт исторической информации, характеризующий этногенез и этническую историю, культуру того или иного народа, развитие государства, поэтому приобщение молодого поколения к историческому и культурному богатству страны имеет важное значение в рамках формирования гармонично развитой личности. Так, в Стратегии развития воспитания в РФ, принятой Правительством РФ в 2015 г. на период до 2025 г., большое внимание уделено воспитательному потенциалу использования историко-культурного наследия [6].

В настоящее время актуальна проблема формирования патриотизма среди детей и молодежи, на решение которой направлены политические и общественные силы. Организация историко-культурных, патриотических и экологических слетов, фестивалей и праздников, сохранение памятников культуры показывают свою эффективность при воспитании личности, уважающей историю, традиции, достояние государства и населяющих его народов. Соприкосновение с объектами исторического прошлого, изучение истории и культуры своего рода, региона, народа способствуют формированию гражданской идентичности, а также укрепляют и объединяют общество.

В соответствии с утвержденными в 2014 г. Правительством РФ «Основами государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года» в рамках осуществления поставленных целей предполагается: реализовать просветительские и иные программы, направленные на формирование межконфессионального и межнационального согласия среди молодежи; популяризировать среди молодого поколения культурные и национальные традиции, вовлекать молодежь в деятельность по сохранению исторического и культурного наследия, традиционных промыслов; привлекать молодежь к активной деятельности в поисковом, археологическом, военно-историческом и краеведческом направлениях. Таким образом, в документе особое внимание придается воспитательному потенциалу молодого поколения в сохранении историко-культурного наследия народов России [2, 5].

В 2016 г. Правительством РФ утверждена Стратегия государственной культурной политики до 2030 г. Одним из приоритетных направлений Стратегии является сохранение историко-культурного наследия народов России. Большое

внимание в документе обращено на создание и охрану единого культурного пространства, обеспечивающего национальную безопасность и территориальную целостность государства. По вопросу государственной финансовой поддержки сохранения историко-культурного наследия в Стратегии приведены следующие данные: в 2014 г. на ремонтные работы и содержание объектов культуры выделено 43,6 млрд руб. Однако, как отмечается в документе, без увеличения объемов финансирования данного направления тенденция уменьшения количества объектов культуры будет сохраняться, возможна, их полная утрата. В связи с этим в качестве ожидаемых результатов реализации Стратегии предполагается создание эффективной и ресурсно обеспеченной системы, гарантирующей сохранение историко-культурного наследия, позволяющей уменьшить количество памятников, имеющих неудовлетворительное или руинированное состояние. Большое значение уделяется привлечению меценатов в сохранении объектов культуры. В рамках осуществления Стратегии предполагается обеспечить государственной охраной 100 % памятников историко-культурного наследия, а также занять лидирующую позицию среди стран, входящих в пятерку по количеству объектов культуры, которые включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Не менее действенной практикой сохранения исторического и культурного богатства страны является его использование в образовании и воспитании молодого поколения, на что обращено внимание в утвержденной Стратегии [7].

Велика роль волонтеров в сохранении памятников культуры. В 2018 г. Правительством РФ утверждена Концепция развития добровольчества в РФ до 2025 г. В качестве одного из основных направлений развития добровольчества выделена деятельность волонтеров в области сохранения памятников истории и культуры, а также организации мероприятий, популяризирующих волонтерство в данном направлении [8].

В 2019 г. Правительством РФ было принято Постановление № 1828, в соответствии с которым утверждены особенности участия добровольцев в сохранении историко-культурного наследия [3]. Следующим важным шагом в данном направлении стала реализация программы «Волонтеры культуры», на осуществление которой до 2024 г. включительно определена ежегодная финансовая поддержка в размере 100 млн руб. Программой запланировано участие в проекте с 2019 по 2024 г. около 100 000 добровольцев. Таким образом, результатом осуществления станет не только формирование социального института волонтерства в области сохранения историко-культурного наследия, но и вовлечение большого количества молодых людей в данное направление. Одной из задач указанного проекта является разработка методов использования объектов культуры в культурной и хозяйственной сферах. Следует отметить, что к программе «Волонтеры культуры» присоединились многие субъекты Российской Федерации. Добровольцами было организовано ряд

мероприятий, направленных на сохранение историко-культурного наследия. Во многих субъектах осуществлен ремонт и реставрация памятников культуры. Важное значение в настоящее время имеет популяризация добровольчества, в рамках данной деятельности волонтерами было снято ряд фильмов, а также организовано множество акций и конкурсов. Не менее значимой является деятельность добровольцев в области распространения эффективных практик в рамках сохранения историко-культурного наследия через организацию онлайн-курсов и публикацию сборников. Привлечение внимания общественных и политических сил к охране памятников культуры возможно, в частности, с помощью распространения исторической информации об объектах историко-культурного наследия народов России, что также входит в сферу деятельности волонтеров [4].

В настоящее время большое распространение получила практика шефства образовательными и общественными организациями над объектами культуры. Во многих школах организованы историко-патриотические и краеведческие музеи, за которыми часто закрепляют памятники, места захоронений и т.д. Дети и молодежь с большим энтузиазмом устраивают субботники, акции и разные мероприятия, имеющие цель не только сохранить объекты культуры, но и популяризировать деятельность в данном направлении. Безусловно, подобная работа имеет большой воспитательный, патриотический и образовательный результат. Молодое поколение, заботясь о памятных местах, осознает важность данной деятельности, старается найти больше исторической информации об объектах культуры, что стимулирует ребят заниматься поисково-исследовательской деятельностью.

Велик туристический потенциал историко-культурного наследия. В настоящее время в Российской Федерации актуальна проблема развития внутреннего туризма. Следует отметить, что во многом благодаря использованию памятников культуры в образовательном, воспитательном процессах, а также в туристической деятельности удается сохранить большую часть объектов культуры. Включение историко-культурного наследия в туристические маршруты позволяет не только увеличить объем поступлений, необходимых для сохранения объектов культуры, проведения реставрационных работ, но и способствует распространению исторической информации о них.

Таким образом, сохранение историко-культурного наследия народов России является важной государственной задачей, кроме этого способствует единению общества, формированию гражданской идентичности, патриотизма, уважения к истории и культуре того или иного этноса, а также выступает в качестве основы для воспитания гармонично развитой личности. Только при условии единства и тесного взаимодействия общественных, политических и научно-исследовательских сил возможно решить данную проблему, в рамках которой Правительством РФ уже принято и реализовано ряд мер, показавших свою эффективность на практике.

Литература и источники

1. Законодательство РФ о наследии // Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. URL: https://voopik.ru/our-heritage/legislation-heritage/ (дата обращения: 20.08.2023).

2. *Попп И.А.* Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 12. – С. 42–49. URL: https://pedobrazovanie. ru/images/JOURNAL/ archive2018/2018-12/7.pdf (дата обращения: 20.08.2023).

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.12.2019 № 1828 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/0001202001040024 (дата обращения: 20.08.2023).

4. Программа «Волонтеры культуры» // Министерство культуры Российской Федерации. URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/creative-people/volunteers/ (дата обращения: 20.08.2023).

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/all/93887/ (дата обращения: 20.08.2023).

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 г. № 996-р // Правительство России. URL: http://static.government.ru/media/files/ f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tE FnyHlBitwN4gB.pdf (дата обращения: 20.08.2023).

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 г. № 326-р // Правительство России. URL: http://static.government.ru/media/files/ AsA9RAyYVAJnoBuKg H0qEJA9IxP7f2xm.pdf (дата обращения: 20.08.2023).

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.12.2018 г. № 2950-р // Правительство России. URL: http://static.government.ru/media/files/ e6LFLgABRP4MyQ8m W7HClCGR8esYBYgq.pdf (дата обращения: 20.08.2023).

10. *Святкин М.И.* Промысловая специализация мордовских поселений // Экономическая история. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 221–232.

11. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерациии» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/18230/page/1 (дата обращения: 20.08.2023).

Mikhail Svyatkin

ON THE PRESERVATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF RUSSIA AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF PATRIOTISM OF MODERN YOUTH

The article considers the problem of preserving the historical and cultural heritage of the peoples of Russia in modern conditions. Attention is paid to the regulatory and legal aspect in the field of its solution. Historical and cultural heritage is of great importance in the upbringing, education and formation of a harmoniously developed personality.

Keywords: historical and cultural heritage, civic identity, patriotism, cultural objects, cultural space.

УДК 811.511.151

Сибатрова С.С.
г. Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЕ АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ КРАТНУЮ СТЕПЕНЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКА

В статье описываются марийские словосочетания с опорными именами прилагательными, передающие степень проявления предметного признака – бóльшую или меньшую в каком-либо количественном выражении (а именно в несколько раз). Излагаются основные формы главного (качественное прилагательное) и зависимого (имя числительное количественное и местоимение количественное с послелогами *пачаш* и в редких случаях *гана* ‘раз, раза’) компонентов. Отмечаются синтаксическое отношение (обстоятельственное) и грамматическая связь (приадъективное послеложное управление) между составляющими изучаемых словосочетаний. Прослеживается функционирование опорных прилагательных в речи – их употребление в атрибутивной и предикативной позициях.

Ключевые слова: марийский язык, адъективное словосочетание, качественное прилагательное, количественное числительное, количественное местоимение, послелог *пачаш* ‘раз, раза’, послелог *гана* ‘раз, раза’, обстоятельственное отношение, послеложное управление.

Статья посвящена адъективным словосочетаниям, выражающим интенсивность (степень) проявления признака предмета посредством именных конструкций с послелогами *пачаш*, (изредка) *гана* ‘раз, раза’, т.е. синтаксическим конструкциям модели ИЧ(М)$_{кол.\ пачаш\ (гана)}$ + ИП$_{кач.}$ Такие словосочетания до настоящего времени не нашли какого-либо отражения в специальной литературе ни по морфологии (см.: [7, с. 98–101; 9, с. 111; 4]), ни по синтаксису марийского языка (см.: [1, с. 10; 8, с. 4; 2, с. 15–17; 3, с. 68–73]). Нет никаких лингвистических сведений о способности марийских имен прилагательных распространяться в предложении конструкциями с названными послелогами. Между тем словосочетания указанной модели играют важную роль в языке в передаче степени проявления предметного признака – степени, которая кратно выше или кратно ниже.

Цель и задачи статьи – представить результаты анализа адъективных словосочетаний модели ИЧ(М)$_{кол.\ пачаш\ (гана)}$ + ИП$_{кач.}$, при этом определить формы выражения главного и зависимого компонентов, установить синтаксическое отношение и грамматическую связь между ними, изложить основные особенности функционирования стержневых прилагательных в предложении.

Источником для изучения подобных словосочетаний послужили языковые материалы по лугово-восточной марийской литературной норме, представленные в электронном собрании текстов (в объеме около 20 миллионов словоупотреблений), прежде всего художественных и публицистических, созданном для корпуса марийского языка. Необходимые синтаксические конструкции выявлялись путем поиска (и лингвистических наблюдений) как по ядерным прилагательным, так и по зависимым послеложным конструкциям.

Анализ и описание словосочетаний проводились применением, наряду с общенаучными методами (обобщения, анализа, синтеза), элементов таких широко известных лингвистических методов и методик, как описательный и структурный, дистрибутивного и контекстуального анализа.

Итак, судя по материалам источника, наиболее употребительными являются словосочетания с послелогом *пачаш* ‘раз, раза’, т.е. структурной схемы $ИЧ(М)_{кол.\ пачаш}$ + $ИП_{кач.}$ (имя числительное количественное или местоимение количественное с послелогом *пачаш* + имя прилагательное качественное). Позицию главного компонента в них занимают качественные имена прилагательные, выражающие признак предмета, степень проявления которого может быть определен в какой-либо кратной величине (как правило, по отношению к признаку другого предмета или данного же предмета в других обстоятельствах). Например, это предметные признаки по величине (чаще всего), весу, температуре, физическим и внутренним качествам живых существ и др. Вполне естественно, что в опорной позиции могут быть представлены некоторые относительные (по своему образованию) прилагательные, уже перешедшие в разряд качественных или употребленные в значении качественных (типа *виян*, *куатан* ‘сильный’, *пиалан* ‘счастливый’ и др.). В зависимой части выступают прежде всего количественные числительные различных разрядов – определенно-количественные (типа *вич*, *визыт* ‘пять’, *лу* ‘десять’), приблизительного счета (типа *ик-кок* ‘один-два’, *кок-кум* ‘два-три’) и неопределенно-количественные (*шуко* ‘много’, *ятыр* ‘довольно много, достаточно много’); реже местоимения количественного значения – в основном неопределенные, в иных случаях указательные и вопросительные (в основном: *ала-мыняр*, изредка *ала-кунар* ‘несколько, сколько-то’ и *икмыняр* ‘несколько’, в единичных случаях *тунар* ‘столько’ и *мыняр* ‘сколько’). Например (марийские опорные прилагательные, выраженные чаще всего формой положительной степени, не говоря уже о снабженных сравнительным суффиксом *-рак*, передаются на русский язык, согласно его грамматическим нормам, почти всегда формой сравнительной степени): *кок пачаш куан (кече)* ‘вдвойне (букв. в два раза) радостный (день)’, *шӱдӧ пачаш неле (ойго)* ‘в сто раз (стократно) тяжелее (букв. тяжелое) (горе)’, *тӱжем пачаш осал (тушман)* ‘в тысячу раз (тысячекратно) страшнее (враг)’, *кок-кум пачаш кугу (янлык)* ‘в два-три раза больше (зверь)’, *кум-ныл пачаш*

шерге (пӧлек) ‘в три-четыре раза дороже (подарок)’, *шуко пачаш чолга (рвезе)* ‘во много раз (многократно) смелее (парень)’, *шуко пачаш виян (чон йӧсӧ)* ‘во много раз (многократно) сильнее (душевная боль)’, *ятыр пачаш изи (пасу)* ‘во (довольно) много раз меньше (поле)’, *ятыр пачаш сай (паша)* ‘во (довольно) много раз лучше (работа)’; *ала-мыняр пачаш сылне (илыш)* ‘в несколько раз красивее (жизнь)’, *ала-мыняр пачаш шерге (материал)* ‘в несколько раз дороже (материал)’, *ала-мыняр пачаш кугу (айдеме)* ‘в несколько раз больший (человек)’, *ала-кунар пачаш виян (школ)* ‘в несколько раз сильнее (школа)’, *(ӱдырамаш) ала-кунар пачаш куатан* ‘(женщина) в несколько раз сильнее’, *икмыняр пачаш кӱжгӧ (пырня)* ‘в несколько раз толще (бревно)’, *икмыняр пачаш виян (вещества)* ‘в несколько раз сильнее (вещество), *мыняр пачаш виян (мут)* ‘во сколько раз сильнее (слово)’, *(айдеме) тунар пачаш поян* ‘(человек) во столько раз богаче’. (Обращает внимание то, что, исходя из материалов источника, в подчиненной части словосочетаний данной модели не может быть конструкции *шагал пачаш* ‘мало раз’, что, очевидно, объясняется несовместимостью понятий, выражаемых ее составляющими, – неопределенно малого количества и кратной повторяемости.)

Подобные адъективные словосочетания с зависимыми количественными конструкциями с послелогом *пачаш* ‘раз, раза’ выражают степень проявления предметного признака в какой-либо (определенной, приблизительной, неопределенной, указываемой) кратной величине. Следовательно, смысловое (синтаксическое) отношение между их составляющими, как и в адъективных словосочетаниях с наречиями меры и степени (см.: [5, с. 226, 235]), обстоятельственное. Компоненты грамматически связываются между собой послеложным управлением, о чем ярко свидетельствуют и иллюстративные предложения, где стержневые прилагательные выступают в наиболее характерной для них предикативной позиции (см. ниже). Нужно добавить, что Л.П. Васикова, отмечая особенности грамматической связи управления в марийском языке, в числе управляющих частей речи («*виктарен кертше мут*») называет и некоторые имена прилагательные («*южо пале мут*»), а в качестве определяющих слов – именные части речи, изменяющиеся (правда, только) по падежам [1, с. 13; также 2, с. 33]. В аналогичной работе В.Т. Тимофеевой по синтаксису простого предложения, в части, касающейся управления, нет какого-либо указания на лексико-грамматическую особенность опорного компонента, однако отмечается выражение зависимого слова падежной формой или послеложной конструкцией («сочетанием») [8, с. 6].

Словосочетания рассматриваемой модели наблюдаются в речи нечасто. При этом опорные прилагательные функционируют в предложении или (преимущественно) как именная часть сказуемого, или (реже) как приименное определение (в последнем случае само имя существительное может

использоваться и как часть составного сказуемого). Понятно, что предикативное прилагательное, как и в других случаях, может сопровождаться различными глагольными связками – прежде всего личными (утвердительными и отрицательными) и иногда неличными формами глаголов улаш ‘быть’, лияш ‘быть, стать’ в их модальном и временном проявлениях и значениях. Например (предикативное употребление): *Мемнан тиражше* ***кок пачаш кугу*** *– 14 тӱжем!* (В. Колумб) ‘А наш тираж **в два раза больше** (букв. большой) – 14 тысяч!’; *Пашадар* ***кум-ныл пачаш кугу*** (Ю. Соловьев) ‘Зарплата **выше в три-четыре раза**’; *Теве тылат муро гын, муро! Тыйын мурет деч* ***шуко пачаш виян*** (К. Исаков) ‘Вот тебе песня так песня! **Во много раз сильнее** твоей песни’; *Кантеле дене шоктышо кугыза пушенге дечат* ***ятыр пачаш кӱкшӧ*** («Марий Эл») ‘Старик, играющий на кантеле, **во** (довольно) **много раз выше** (даже) дерева’; *Тыгай айдеме моло деч* ***ала-мыняр пачаш пиалан*** *лийшаш* («Кугарня») ‘Такой человек должен быть **в несколько раз счастливее** других’; *Уке гын илышна* ***ала-мыняр пачаш йокрок*** *лиеш ыле дыр* (Г. Макартук) ‘Иначе наша жизнь была бы **в несколько раз скучнее**’. *Эн изин койшо шӱдыржат кече деч* ***ала-мыняр пачаш кугу*** *лийын кертеш* (В. Егоров) ‘Даже звезда, которая выглядит самой маленькой, может быть **в несколько раз больше** солнца’. – (Атрибутивное употребление:) *Тушманлан ӱчым мый шуктем* ***Тӱжем пачаш кугу*** *вий дене* (М. Казаков) ‘Отомщу я врагу **в тысячу раз большей** силой’; *Шке жапыште ен-влак тылеч* ***лу, шӱдӧ пачаш кугу*** *нелылыкым, нужналыкым чытеныт* (В. Колумб) ‘В свое время люди выдерживали **в десять, сто раз бóльшую** тяжесть, нищету, чем это ’; *Пурса вике деч* ***кок-кум пачаш кугу*** *пайдам пуа* (А. Волков) ‘Горох дает **в два-три раза больше** пользы, чем вика’; *(Автоматчик) ик ручной гранат дене рото деч* ***шуко пачаш кугу*** *вий вашташ шоген кертын огыл* (М. Павлов) ‘Одной ручной гранатой (автоматчик) не смог противостоять силе, **во много раз большей**, чем рота’; *Тудо регент! Мый дечем* ***ала-мыняр пачаш кугу*** *айдеме* (К. Исаков) ‘Он регент! Человек (который) **в несколько раз выше** (букв. большой) меня’; *Пытартыш коло ий жапыште Унчо комплекс деч* ***ала-кунар пачаш куатле*** *озанлык-влак шаланен пытышт* (З. Дудина) ‘В течение последних двадцати лет развалились хозяйства **в несколько раз мощнее** шоруньжинского комплекса’.

Так как описываемые словосочетания передают силу проявления признака предмета в каком-либо кратном выражении, причем, как правило, в сравнении с аналогичным признаком какого-либо другого предмета или в иных обстоятельствах этого же предмета (что не всегда находит формальное выражение в самом предложении, а выявляется по более широкому контексту), то в речи опорные прилагательные, преимущественно предикативной функции, могут факультативно присоединять к себе суффикс сравнительной степени *-рак*. Правда, суффикс *-рак* не привносит в грамматическое значение

словосочетания существенно нового, а только дополнительно подчеркивает сравнительный характер конструкции. Например (предикативное употребление): *(Аркаш) кыша ӱмбак кем йолжым пыштен ончыш. Маскатын тудын деч* ***кок пачаш кугурак****!* (Г. Макартук) ‘Аркаш попробовал приложить на след свою ногу в сапоге. Медвежьи **в два раза больше,** чем у него!’; *Коремже пий келгыт веле, а вес ийлан* ***кум пачаш келгырак*** *лиеш* (Я. Егоров) ‘Овраг-то глубиной только с собаку, а на следующий год будет **в три раза глубже**’; *Абонент-влак деч налме суммо роскотым ок петыре, вет тудыжо* ***кок-кум пачаш кугурак*** («Марий Эл») ‘Сумма, полученная от абонентов, не покроет расходы, ведь они **в два-три раза больше**’; *– Эргычым туныкташ тӱҥалам тыште. Тудо тый дечет* ***шуко пачаш виянрак*** («Ончыко») ‘– Твоего сына буду учить здесь. Он **во много раз сильнее** тебя’; *Тунам кормажат кызытсе деч* ***ала-мыняр пачаш сайрак*** *лийын* («Марий Эл») ‘Тогда и корм был **в несколько раз лучше,** чем сейчас (букв. нынешнего)’; *Театрлан ожнысо деч* ***ала-мыняр пачаш виянрак*** *лийман* (Ю. Галютин) ‘Театру нужно быть **в несколько раз сильнее** прежнего’; *Мыйжын тиде кевытыште ушем кайыш, вет колын акше налме дечна* ***икмыняр пачаш шулдырак*** *улмаш* («Ончыко») ‘В этом магазине я чуть с ума не сошел, ведь цена рыбы была **в несколько раз дешевле** той, что мы купили’. – (Атрибутивное употребление:) *Александр Васильевич шке ӱмбакыже* ***кок пачаш кугурак*** *сулыкым налын* («Марий Эл») ‘Александр Васильевич взял на себя **в два раза больше** греха’; *Кодшо кок кече жапыште тудо пашам* ***лу пачаш кугурак*** *куат дене ыштыш* (А. Богданов) ‘В последние два дня он работал **в десять раз энергичнее** (букв. **большей** силой)’; *Рожамак шкеж деч* ***коло-кумло пачаш кугурак*** *нелытан янлыкым пуштын кертеш* («Марий коммуна») ‘Росомаха может убить зверя весом **в двадцать-тридцать раз тяжелее** (букв. **больше**) самого себя’; *Тушманын* ***шуко пачаш кугурак*** *вийже ваштареш бой ныл шагат наре шуйнен* («Марий Эл») ‘Бой против силы врага, **превосходящей** (букв. **большей**) **во много раз,** шел четыре часа’.

В предложениях при прилагательных рассматриваемой модели, независимо от того, снабжены они суффиксом сравнительной степени или нет, параллельно с количественными конструкциями могут быть именные с послелогом *деч(ын)* ‘от’ (что можно прослеживать и в некоторых предыдущих иллюстративных предложениях). Они передают предмет или лицо (а в случаях замещения субстантивных сочетаний предмет или лицо по отношению ко времени или месту), с подобным, как правило, не названным, признаком которого сравнивается признак кого-либо или чего-либо, выраженный в речи опорным прилагательным и проявляющийся с кратно большей или меньшей силой (интенсивностью). Например: *Ай, курыкшо могай кугу. Ял шеҥгелнысе корем* ***арка деч кок пачаш кӱкшӱ*** (П. Корнилов) ‘Ай, гора-то какая большая. **В два**

раза выше овражного **пригорка**, что за деревней’; *А йӱкшӧ, йӱкшӧ-ӧ!* ***Ӱдыра-машын деч кок пачаш вичкыжрак*** *лиеш* (Ю. Галютин) ‘А голос-то, голос-то! **В два раза тоньше, чем у женщины (женской)**’; *Теве ик кутко* ***шке дечше кум пачаш кугу*** *копшаҥгым шӱдыра* (А. Арзайн) ‘Вот один муравей тащит жука **в три раза больше (самого) себя**’; *Кумдыкшо* ***Марий Эл деч кум-ныл пачаш изирак*** («Марий Эл») ‘Его площадь **меньше Марий Эл в три-четыре раза**’; *(Шашков)* ***Спирин деч ала-мыняр пачаш виян*** (М. Илибаева) ‘(Шашков) **в несколько раз сильнее Спирина**’. (Об адъективных словосочетаниях с зависимыми конструкциями с послелогом *деч(ын)* ‘от’ см.: [6].)

К данной модели следует отнести также словосочетания типа *шӱдӧ гана сылне (кундем)* ‘в сто раз красивее (местность)’, в зависимой позиции которых выступают именные конструкции с синонимичным (вышерассмотренному *пачаш*) послелогом *гана* ‘раз, раза’. Как правило, такие послеложные конструкции функционируют при глаголах, выражая кратность действия (*кум гана каласаш* ‘три раза сказать’, *кум-ныл гана миен толаш* ‘три-четыре раза сходить’, *шуко гана ужаш* ‘много раз видеть’, *икмыняр гана ончӓлаш* ‘несколько раз посмотреть’). Однако в отдельных случаях они наблюдаются и при качественных именах прилагательных. При этом словосочетания с *гана* ‘раз, раза’, как и с *пачаш*, передают интенсивность проявления признака предмета в каком-либо кратном выражении (в сопоставлении с подобным признаком другого предмета или этого же предмета в иных условиях): *шӱдӧ гана сай (мланде)* ‘в сто раз лучше (земля)’, *лу гана йӧсырак (илыш)* ‘в десять раз тяжелее (жизнь)’, *(йӱд) кум гана кужу* ‘(ночь) в три раза длиннее’, *(тудо) ятыр гана шучкырак* ‘(он) во (довольно) много раз страшнее’. Стержневые прилагательные таких словосочетаний выступают в речи главным образом в знаменательной части именного сказуемого. Например (предикативное употребление без глагольных связок или с ними): *Ӱмыр мучкылык корным ыштышна, йот элысе деч* ***лу гана сай*** (Я. Ялкайн) ‘Мы сделали дорогу на всю жизнь, **в десять раз лучше**, чем в других странах’; *Нуно яллан шке шонымыштым ышташ кӱштат гын,* ***шӱдӧ гана чын*** *улыт* (М. Шкетан) ‘Если они скажут в деревне (букв. деревне) исполнить задуманное (ими), то **во сто раз правы**’; *Технике да салтак-влак дене нуно (немыч-влак)* ***ятыр гана виянрак*** *ыльыч* (И. Иванов) ‘Техникой и солдатами немцы были **сильнее во** (довольно) **много раз**’; *Мер илышыште тудын деч* ***ятыр гана ушанрак*** *лийман* (Ю. Галютин) ‘В общественной жизни нужно быть **во** (довольно) **много раз умнее** его’; *Пӱтырымӧ ӱштым ӱшталаш ок йӧрӧ. Ӱштым мыняр гана пӱтырен ыштыме, азам ыштымаш* ***тунар гана неле*** *лиеш* («Кугарня») ‘Нельзя подпоясываться крученым поясом. Роды будут **настолько** (букв. **во столько раз**) **тяжелыми**, насколько (букв. сколько раз) скручен пояс’. – (Атрибутивное употребление:) *Шкеж деч* ***кок гана кӱкшырак*** *машина ӱмбак самырык комбайнер куанен кӱзыш* (А. Асаев) ‘Молодой

комбайнер с радостью взобрался на машину **в два раз выше** себя’. Как видно из примеров, опорные прилагательные и здесь могут принимать суффикс сравнительной степени *-рак* и иметь при себе именные конструкции с послелогом *деч(ын)* ‘от’.

Таким образом, в ряду моделей марийских адъективных словосочетаний представлена и модель ИЧ(М)$_{кол.\ пачаш\ (гана)}$ + ИП$_{кач.}$ (имя числительное количественное или местоимение количественное с послелогами *пачаш*, изредка *гана* ‘раз, раза’ + имя прилагательное качественное). Ее главный компонент, как правило, выражается качественными прилагательными, только в иных случаях – относительными, перешедшими в разряд качественных или употребленными в значении качественных; в речи он может употребляться как в форме положительной степени, так и с суффиксом сравнительной степени *-рак*, что почти никак не отражается на грамматическом значении словосочетаний. В подчиненной позиции выступают именные слова количественного значения – преимущественно числительные (определенно-количественные, приблизительного счета и неопределенно-количественные), реже местоимения-числительные (неопределенные, в отдельных случаях указательные и вопросительные). Адъективные словосочетания с зависимыми послеложными конструкциями с *пачаш* и *гана* ‘раз, раза’ передают степень проявления признака предмета в каком-либо кратном выражении, причем обычно в сравнении с аналогичным признаком другого предмета или в иных обстоятельствах данного же предмета (что не всегда находит выражение в самом предложении). Поэтому их составные компоненты находятся в обстоятельственных смысловых отношениях, а грамматическая связь между ними – приадъективное послеложное управление. Опорные прилагательные таких словосочетаний, как и прилагательные в целом, функционируют в речи в качестве именного сказуемого (с формами глагольных связок или без них) или присубстантивного определения.

Литература и источники

1. *Васикова Л.П.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. – 144 с.

2. *Васикова Л.П.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис: пособие для учителя. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. – 152 с.

3. *Максимов В.Н.* Послеложное управление в марийском языке: моногр. / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 1999. – 160 с.

4. *Сибатрова С.С.* Синтаксические особенности послелогов в марийском языке // Труды по финно-угроведению. – Тарту: ТГУ, 1986. Вып. 13. – С. 117–127.

5. *Сибатрова С.С.* Марийские адъективные словосочетания с наречиями меры и степени // Этнокультурные традиции и культурно-образовательная деятельность (история

и современность): материалы VI Респ. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш» (п. Сернур, 11 апр. 2019 г.) / отв. ред. Н.С. Попов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. – С. 225–236.

6. *Сибатрова С.С.* Об одной структурной модели адъективных словосочетаний в марийском языке // Финно-угроведение. – 2023. – № 64. – С. 31–42.

7. Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. Н.Т. Пенгитов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 324 с.

8. *Тимофеева В.Т.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 120 с.

9. *Учаев З.В.* Марий йылме: туныктышо-влаклан. 1-ше ужаш. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. – 184 с.

Serafima Sibatrova

MARI ADJECTIVE PHRASES EXPRESSING A MULTIPLE DEGREE OF MANIFESTATION OF A FEATURE

The article describes Mari phrases with supporting adjectives that convey the degree of manifestation of a subject feature – greater or lesser in any quantitative expression (namely, several times). The main forms of the main (qualitative adjective) and dependent (quantitative numeral and quantitative pronoun with postpositions *pachash* and, in rare cases, *gana* ‘time, times’) components are presented. The syntactic relationship (adverbial) and grammatical connection (adjectival postpositional governing) between the components of the studied phrases are noted. The functioning of supporting adjectives in speech is traced – their use in attributive and predicative positions.

Keywords: the Mari language, adjectival phrase, qualitative adjective, cardinal numeral, cardinal pronoun, postposition *pachash* ‘once’, postposition *gana* ‘time, times’, adverbial relation, postpositional governing.

УДК: 371 02

Суворова З.В.
г. Ижевск

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ УДМУРТСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ И.С. МИХЕЕВА В СОВРЕМЕННОМ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье раскрывается роль педагогических идей удмуртского просветителя И.С. Михеева, которые внедрялись во многих национальных школах Поволжья в начале XX в. Прогрессивная система обучения родному и русскому языкам актуальна и в современном этнокультурном образовании. Педагогические принципы и методы И.С. Михеева и сегодня являются основой технологии обучения двуязычию и активно развиваются в методических системах авторов учебников и пособий для начальной школы.

Ключевые слова: И.С. Михеев, педагогические идеи, обучение двуязычию, современное этнокультурное образование.

Удмуртские демократы-просветители Г.Е. Верещагин, Михеев И.С., Яковлев И.В. и другие написали и опубликовали работы на самые разные темы, адресованные взрослым и детям. Сельскохозяйственные календари, пособия по методике обучения национально-русскому двуязычию, сборники колыбельных песен и стихотворений для детей, художественные произведения для взрослых, статьи по этнографии удмуртов – такой разнообразный перечень работ просветителей.

Основоположники народной школы создали учебники и пособия по удмуртскому и русскому языкам, арифметике и геометрии, истории, географии и этнографии для работы среди населения.

Труды просветителей в свое время исследовали удмуртские ученые И.П. Тукаев, Г.Д. Фролова, А.Н. Уваров, Ф.К. Ермаков, В.М. Ванюшев, А.Н. Кутявин и другие. Г.Н. Волков, чувашский этнопедагог, академик, отмечал, что, следуя гуманистическим, прогрессивным идеям К.Д. Ушинского, Л.Н.Толстого и других русских педагогов, самобытные отечественные педагоги создали свои национальные системы обучения [2]. Марийский ученый, профессор П.А. Апакаев открыл наследие И.С. Михеева для современных методистов, авторов школьных учебников по марийскому языку и литературе [1].

Иван Степанович Михеев (1876–1937), как наиболее яркий методист, известен развивающей системой обучения детей-удмуртов родному и русскому языкам. Если в церковноприходских школах обучение начиналось на русском языке, он свои занятия начинал с родного языка и все уроки проводил на

родном языке. Развивая методические идеи обучения в инородческой школе Н. Ильминского, Н. Блинова, В. Ислентьева и других И.С. Михеев издал «Букварь для вотских детей» [3] и «Наглядный арифметический задачник для начальных школ» [5]. Учебники своим содержанием, системой упражнений, кроме обучения грамоте и счету, способствовали общему психическому развитию ребенка. После букваря дети занимались по первой книге для чтения на родном языке. Увлекательный и доступный материал на краеведческой основе способствовал формированию речевой и мыслительной деятельности учащихся.

Михеев И.С. считал, что усвоение языка должно идти естественным путем, через живое общение, как ребенок усваивает материнский язык в семейных условиях. Запоминание новой информации должно быть эффективным благодаря осмыслению через активные формы познания. Автор всегда уделял большое внимание умственной активности ребенка.

Выступая против шаблонного обучения в нерусской школе, он подчеркивал важность содержания и методов обучения в формировании умственных способностей и нравственных качеств учащихся. Считал, что язык является основой развития родной речи ребенка, познания истории, культуры, научных достижений. Доказывая необходимость изучения родного языка и культуры, удмуртские просветители не были национально ограниченными, они много внимания уделяли приобщению своего народа к великой русской культуре.

Для формирования удмуртско-русского двуязычия учащихся начальной школы И.С. Михеев разработал и издал учебник «Наглядный букварь и первая книга для обучения русскому языку в инородческих школах» [6], позже опубликовал вторую, третью и четвертую книги по развитию русской речи детей-удмуртов. Подготовлены и изданы «Руководство к ведению разговорных уроков по русскому языку в инородческих школах» [7], руководства ко второй, третьей, четвертой книгам в помощь учителям инородческих школ. Автор впервые научно обосновал и раскрыл национальную специфику обучения русскому языку нерусских детей.

Выступая против механического повторения изучаемого материала, он предложил стройную систему изучения новых слов и грамматических форм в их родной стихии – в предложении. Свои приемы преподавания языков он называл «методом целых предложений».

В методике И.С. Михеева словарной работе отводилось большое место (объяснение значения слов, многозначности, использование перевода, наглядных примеров). После такой работы слово включалось в предложение и использовалось в синтаксической конструкции. Накопив активный словарный запас, методист знакомил детей с разными типами текста: описание, рассуждение, рассказ, сказка, басня и т.д.

Объектом изучения в грамматике являлось предложение, как естественное органическое звено человеческой речи. Работа начиналась с наблюдения над разговорной речью (диалогом), изучения небольших произведений, предложение выделялось из текста. Используя метод сравнения, проводили аналогию между зданием и речью, цепью и предложением (здание строится из кирпичей, речь из предложений; цепь состоит из звеньев, предложение – из слов) и т.д. [10].

Педагог подчеркивал, что падежные формы имен и спряжения глаголов являются результатом словосочетания и синтаксическими формами языка. Они составляют основу языка, поэтому при изучении этих тем необходимо уделять особое внимание.

Таким образом, условиями развития связной, грамотной, выразительной речи ребенка методист называл обогащение его лексики, знакомство с грамматическими формами, формирование умений строить синтаксические конструкции.

В «Руководстве к ведению разговорных уроков по русскому языку в инородческих школах» И.С. Михеев предложил для учителей большое количество методических разработок на разные темы: «Семья», «Школа», «Одежда», «Птицы», «Дикие и домашние животные», «Труд крестьян», «Времена года», «Праздники» и др. Уроки составлял таким образом, что наряду с тематической соблюдается определенная грамматическая последовательность.

Во второй и третьей книге для чтения много оригинальных текстов И.С. Михеева на нравственные темы, широко использовано устное народное творчество. Произведения из учебников К.Д. Ушинского «Детский мир» и «Хрестоматия» [14] редактировал и включал в свои учебные книги для нерусских школ: «Как рубашка в поле выросла», «Четыре желания», «Три медведя» и др. Использовал художественные тексты Л.Н. Толстого из «Азбуки» и «Новой Азбуки» [12], к примеру: «Ученый сын», «Филиппок», «Пожарные собаки» и другие. Удмуртский просветитель был знаком и высоко оценивал учебные издания русских педагогов, уместно использовал их в своей работе.

Стихотворения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.З. Сурикова, басни И.А. Крылова и других русских писателей и поэтов вошли в четвертую книгу для чтения. Все учебники состоят из четырёх разделов, в которых много интересных и доступных для детей текстов на природоведческую, географическую и историческую тематику.

Яковлев И.В. в 1905–1910-е гг. в педагогических журналах опубликовал положительные отзывы об учебниках и пособиях И.С. Михеева. А в «Указателе лучших, по отзывам печати, учебников», изданном в Санкт-Петербурге ещё в 1909 г. он пишет о том, что содержанием книг, принципами обучения и воспитания И.С. Михеева интересуются ученые и педагоги всего Поволжья [9].

Учебники И.С. Михеева переиздавались более 10 раз, а «Сочинения в начальной школе по картинкам» [8], пособие по изложению своих мыслей в школе и дома, развитию письменной речи – 17 раз. Учебные пособия педагога использовали в своей работе учителя не только Поволжья, но и Сибири, Средней Азии, русско-арабские школы Палестины. Причиной такой популярности данных учебных книг является то, что они созданы с учетом закономерностей развития детской психологии и особенностей обучения в нерусской школе [10].

Педагогические идеи И.С. Михеева были прогрессивными, они отличались неформальным подходом к обучению и воспитанию, что способствовало развитию всех психических процессов учащихся начальной школы.

В начале XX в., закладывая основы школьного национально-русского двуязычия, И.С. Михеев разработал методику преподавания русского языка как неродного. Решалась серьезная задача приобщения нерусских народов к русской культуре. Сегодня русский язык, являясь доминирующим языком общения во многих семьях, официальным языком обучения в образовательных учреждениях, становится родным для большинства учащихся школ многонациональной России.

Такая же ситуация и в Удмуртской Республике, несмотря на то, что с 1994 г. официально функционируют два государственных языка: русский и удмуртский. «Современные реалии таковы, что в школьном двуязычном образовании республики всё острее заявляет о себе иная педагогическая и социолингвистическая проблема: это обучение удмуртскому языку как родному» [13, с. 250].

За последние два-три десятилетия резко изменилась мотивация языкового воспитания и в семьях республики. Мониторинговые исследования сферы функционирования удмуртского языка показывают сокращение его использования как в семейном общении, так и в обучении в образовательных учреждениях [11, с. 8]. Следует отметить, данные структуры являются основными в сохранении, развитии и воспроизводстве языка народа.

Именно поэтому все чаще слышны рассуждения современных ученых о сохранении родных языков, возрождении семейных ценностей, традиций и духовной культуры народов. Глобальные геополитические изменения, современные технологические процессы в мире актуализируют сохранение базовых основ воспитания: историко-культурной среды и языков народов Российской Федерации. Духовная и материальная культура несёт в себе богатый педагогический потенциал. Использовать его в воспитании детей и молодежи, передавать новым поколениям – задача семьи и образовательных учреждений.

В связи с этим особо интересны философские рассуждения И.С. Михеева: «Всякий народ, среди которого укоренились и процветают науки, своей драгоценной собственностью считает отечественный язык и культуру. Изучая древние

предания, нравы, взгляды, он восходит своей мыслью к началу своего бытия, откуда извлекает для себя точное представление о своем настоящем положении, а также черпает необходимое осознание своей силы и значения» [15, л. 6].

Свои теоретические взгляды И.С. Михеев реализовал в школьных учебниках. В них большое количество произведений устного народного творчества. Пословицы и поговорки развивают образную речь и нравственный опыт ребенка. (Хочешь есть калачи, не сиди на печи. Правда дороже солнца. Хлеб – всему голова). Загадки используются для формирования быстроты и гибкости ума. (Полная печка пряников, а в середине – каравай. Рубят, рубят – щепок нет. В белой горе пекут хлеб). С целью поддержания детской любознательности и познавательной активности в учебные книги включаются побасенки. В них описываются короткие истории и задаются вопросы: «Почему?», «Как?», «Когда?». Почему у зайца уши длинные, а хвост короткий? Когда петух кукарекает и почему? Как называется жёлтый длинный корнеплод? и т.д.

Яковлев И.В. в «Каталоге учебников и учебных пособий И.С. Михеева» отмечал преимущества учебных изданий методиста. «Дети по его книгам без труда овладевают языками, ... правильно пишут, как следствие этого – более осознанно производят арифметические действия» [4, с. 2].

Педагогические идеи И.С. Михеева остаются актуальными и сегодня. Ученые-методисты, авторы современных учебников и пособий по удмуртскому языку для начальной школы, разрабатывая свои методические системы, опираются на дидактические принципы, сформулированные в своё время И.С. Михеевым. Следование по пути естественного развития речи ребенка, практическая направленность в обучении языку, осмысление языка как знаковой системы, влияние языкового воспитания на развитие мышления ребенка – все эти принципы учитываются при обучении удмуртскому языку в современной школе.

В учебниках для начальной школы «Удмурт кыл» («Удмуртский язык») (автор Ю.Т. Байтерякова) большое внимание уделяется обогащению словаря, развитию удмуртской речи и мышления младшего школьника.

Работа по развитию речевой и мыслительной деятельности строится на основе теории текста. Большое внимание уделяется художественным и научным текстам, лирическим произведениям, фольклорным материалам. Незнакомое слово выделяется из предложения, проводится работа по его осмыслению, чтобы снова включить слово в предложение, а предложение в текст. Подобная система упражнений и методов обучения способствуют формированию позитивно-созидательного отношения к родному слову, потребности использовать его творчески, по определенному замыслу. Такая работа создаёт основу воспитания творческой языковой личности, способной создавать и воспринимать тексты на удмуртском языке.

При обучении удмуртскому языку как второму по учебно-методическому комплексу для начальных классов «Ӟеч-а, бур-а, удмурт кыл!» («Здравствуй, удмуртский язык!») (авторы Баталова Н.П., Перевозчикова Е.В.) практикуется коммуникативный подход, практическая направленность, диалоговая форма работы, учет и сопоставление закономерностей функционирования родного и русского языков. Уделяется большое внимание изучению особенностей грамматических форм и синтаксических конструкций, как наиболее сложного материала для нерусских детей. Активные формы познания, осмысленное запоминание, творческий подход в обогащении словаря и развитии удмуртской речи на краеведческом материале формируют этнокультурные потребности учащихся младших классов.

Таким образом, идеи удмуртского педагога-просветителя по обучению в национальной школе развиваются современными авторами, методистами и педагогами. Его система воспитания носителя языка, формирования удмуртско-русского двуязычия актуальна и сегодня. Тем более важно помнить имя И.С. Михеева, внесшего большой вклад в педагогическую науку и практику народного образования, и других самобытных талантливых педагогов, многие из которых в годы культа личности необоснованно подверглись репрессиям.

Просветители решали задачи приобщения детей и взрослых, наряду с обучением грамоте, к родной и русской культуре, создавали народную школу на научной основе и в соответствии с требованиями жизни. Следуя принципам культуросообразности воспитания отмечали, что живой язык народа формировался столетиями, он является базой духовной и материальной культуры. Язык сохраняет в себе старые колыбельные песни, мифы и легенды, мелодии праздников и танцев, элементы национальной одежды, идеи художественных ремесел и трудовых традиций. Изучая материнский язык, участвуя в разных видах деятельности и эмоционально проживая их, ребенок впитывает в себя «готовые» знания, духовные ценности, социально-коммуникативный опыт, выработанный народом за многие века.

Литература и источники

1. *Апакаев П.А.* Просветители марийского края. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. – 178 с.

2. *Волков Г.Н.* Этнопедагогика. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. – 375 с.

3. *Михеев И.С.* Букварь для вотских детей. – Казань: Центр. тип., 1907. – 48 с.

4. *Михеев И.С.* Каталог учебников и учебных пособий И.С. Михеева. – Казань: Центр. тип., 1910. – 52 с.

5. *Михеев И.С.* Наглядный арифметический задачник для начальных школ. – Казань: Центр. тип., 1908. – 72 с.

6. *Михеев И.С.* Наглядный букварь и первая книга для обучения русскому языку в инородческих школах. – Казань: Центр. тип., 1904. – 96 с.

7. *Михеев И.С.* Руководство к ведению разговорных уроков по русскому языку в инородческих школах. – Казань: Православ. миссионер. о-во, 1904. – 23 с.

8. *Михеев И.С.* Сочинения в начальной школе по картинкам. Книжка для учащихся. – Казань: тип. И.В. Ермоловой, 1906. – 31 с.

9. *Соллогуб Б., Симоновский В.* Указатель лучших, по отзывам печати, учебников. – СПб.: Общественная польза, 1909. – 419 с.

10. *Суворова З.В.* Педагогические идеи удмуртского просветителя И.С. Михеева. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 96 с.

11. Текущее состояние и динамика этноязыковой ситуации в сфере образования Удмуртской Республики. Информационно-аналитический сб. / Н.И. Ураськина (отв. ред.). Вып. 5. – Ижевск: Шелест, 2020. – 130 с.

12. *Толстой Л.Н.* Азбука. Новая азбука. – М.: Просвещение, 1978. – 510 с.

13. *Ураськина Н.И., Пантелеева В.Г.* Истоки билингвального образования и его роль в системе современного образовательного пространства // Вестник Удмуртского государственного университета. – 2018.– Т. 28, № 2. – С. 249–256.

14. *Ушинский К.Д.* Детский мир. Хрестоматия // Педагогические сочинения в 6 т. Т. 3. – М.: Педагогика, 1989. – 511 с.

15. ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р – 229. Оп. 1. Д. 4.

Zoya Suvorova

PEDAGOGICAL IDEAS OF THE UDMURT EDUCATIONIST I.S. MIKHEEV IN MODERN ETHNO-CULTURAL EDUCATION

The article reveals the role of the pedagogical ideas of the Udmurt educator I.S. Mikheev, which were introduced in many national schools of the Volga region at the beginning of the 20th century. The progressive system of teaching native and Russian languages is also relevant in modern ethno-cultural education. The pedagogical principles and methods of I.S. Mikheev are still the basis of bilingual teaching technologies and are actively developing in the methodological systems of the authors of textbooks and manuals for primary schools.

Keywords: I.S. Mikheev, pedagogical ideas, teaching bilingualism, modern ethno-cultural education.

УДК 821.511.151.0

Федосеева Н.А.
г. Йошкар-Ола

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО С. ЧАВАЙНА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ЭПОХИ

Личность и творчество Сергея Григорьевича Чавайна занимают особое место в общественном сознании его эпохи, особенно в контексте марийской культуры и литературы. Будучи основоположником марийской национальной литературы, он внёс огромный вклад в развитие языка, литературы и национального самосознания марийского народа. Его творческое наследие, в особенности произведения, направленные на прославление родного края и осмысление исторического пути марийцев, стали важной частью культурного кода и коллективной памяти народа. Его личность ассоциировалась с борьбой за сохранение и развитие марийской культуры, за права марийского народа на своё культурное и национальное самовыражение. Таким образом, в общественном сознании его эпохи он воспринимался не только как писатель и поэт, но и как национальный герой. Его имя стало символом не только культурного подъёма, но и жертвенности, что усилило его значимость в общественном сознании. В целом личность и творчество Сергея Чавайна в общественном сознании эпохи играли роль катализатора национального самосознания и сохранения культурного наследия марийского народа. Его вклад в литературу и культуру Марий Эл остаётся актуальным и в наши дни, продолжая вдохновлять новые поколения на сохранение и развитие национальной идентичности.

Ключевые слова: марийская литература, национальная культура, самосознание, основоположник, личность, творчество, Сергей Чавайн.

Творчество основоположника марийской литературы Сергея Чавайна не укладывается во временные рамки. В его творениях – глубина художественного осмысления, в ней сокрыто общечеловеческое значение (именно этим объясняется творческое долголетие первого художника слова). Творчество Сергея Чавайна представляет собой уникальное явление, когда народная культура зачинает словесность, формы народной культуры естественно и органично переходят в произведения письменного словесного искусства. Кажется, в данном случае правомерно вести речь не о влиянии традиций народной культуры на творчество Чавайна, а об органиченном единении его творческого наследия с народной культурой.

Сергей Чавайн стремился сохранить и развить марийский язык, создать национальную литературу, которая бы отражала уникальные черты и самобытность марийского народа. Его произведения, с одной стороны, соответствовали требованиям времени, они отображали реалии жизни и изменения в обществе. С другой стороны, они сохраняли национальный колорит и были проникнуты любовью к родной земле, что делало их близкими и понятными широкому кругу читателей.

Действительно, еще на молодого Чавайна сразу же обратили внимание известные люди. Так, этнограф Стефан Кузнецов отмечал: «Что получится из симпатичного черемисского поэта, выйдет ли из него черемисский Кольцов или Никитин, или же финляндский Рунеберг? Поживем – увидим. Произведения его проникнуты симпатией к своему народу и видимым желанием пробудить в нем любовь к старине и к своей самобытности» [19, с. 74]. Его слова оказались пророческими. Уже юный Чавайн проявил себя не только как талантливый начинающий писатель, но и как личность своей эпохи. Не зря его коллеги и друзья по перу называли марийским Пушкиным [20, с. 583; 13, с. 35].

Роль Чавайна уникальна тем, что он не просто писал произведения, а создавал сами жанры, на которых затем выросла вся марийская литература. Его перу принадлежат не только первое стихотворение, но и первый сборник литературных произведений, и первая пьеса. Написанное в декабре 1905 г. стихотворение «*Ото*» («Роща») стало не только первым поэтическим, но и первым оригинальным художественным произведением на марийском языке. Этот короткий лирический пейзаж положил начало всей марийской художественной литературе и был впоследствии переведён на 45 языков мира [16, с. 72]. В 1908 г. Чавайн издал сборник «*Марий калыкын тошто годсо илышыже*» («Прошлая жизнь марийского народа»), куда вошли его рассказы «Йыланда», «*Чодыраште*» («В лесу») и стихотворения. С этого момента началось развитие марийской прозы. В 1910 г. им написана комедия «*Кайык лудо*» («Дикая утка»), которая стала первой пьесой в истории марийской драматургии. В ней он использовал сатиру, чтобы высмеять царских чиновников.

Литературоведы отмечают значительную эволюцию творчества Чавайна, в котором можно выделить несколько тем и этапов, ключевыми из них являются фольклорная основа и отражение национального самосознания.

Творчество Чавайна глубоко укоренено в марийском фольклоре. С детства слушая песни и сказки, он использовал народные сюжеты, мотивы и образы, а также богатство родного языка, чтобы создавать аутентичную литературу [17, с. 15; 2, с. 100–102; 21, с. 107–108; 14, с. 136–151]. В его произведениях нашли отражение национальные герои, традиции и быт марийского народа. Он стремился пробудить в народе любовь к своей истории и самобытности [15, с. 78; 10, с. 35–37].

Вспоминая годы учебы в Казанской учительской семинарии и революционные события тех лет, критик Владимир Мухин-Сави писал: «Мы быстро сдружились. По вечерам я играл на скрипке марийские мелодии, а он вдохновлял меня своими сказками, прибаутками, которых знал множество. Сергей выделялся среди однокурсников как хороший знаток математики. Если бы не революция 1905 года, он, пожалуй, стал бы математиком, а я навеки связал бы свою судьбу с музыкой! Но революционная ситуация круто повернула наши пристрастия на новый трудный и неизведанный путь...» [13, с. 32].

В июне 1908 г. Чавайн успешно закончил семинарию. В выданной характеристике отмечено: «Сергей Григорьев – юноша нрава кроткого и мягкого, несколько скрытен (и склонен к увлечениям). Григорьев любит беззаветно свое родное племя и несомненно (будет) может быть весьма полезным для него учителем.

Путем усердной практики Григорьеву удалось приобрести порядочный навык в деле переводов на черемисский язык. Его переводы, равно как и самостоятельные статьи на черемисском языке, отличаются правильностью слога и красотою выражения. Некоторые из его статей имеются в печати. Трудом и старанием С. Григорьева была составлена и представлена к печати 3-я книга для чтения на черемисском языке. С. Григорьев весьма интересуется прошлым своего народа и усердно собирает черемисские предания и сказания.

Пробный урок С. Григорьевым дан был по объяснительному чтению на черемисском языке исторического содержания во всех отношениях прекрасно. Разборы уроков товарищей писаны им очень хорошо» [12, с. 42–43].

В те годы в Казанской учительской семинарии также обучались В.А. Мухин, А.К. Эшкинин, в Казани работали В.М. Васильев, П.П. Глезденев и другие. Вместе с С. Чавайном учились удмурты П. Бурбуров, П. Главатских, М. Прокопьев, основоположник мордовской литературы Захар Дорофеев и др., а преподавателями были также и представители других этносов, как удмурт И.С. Михеев, чуваш И.В. Яковлев. Общение с такими же талантливыми людьми, каковым сам С. Чавайн является, с первым поколением марийской интеллигенции, а также с активными деятелями культуры других народов благотворно влияло как на начало, так и на всю дальнейшую творческую деятельность писателя.

Так, И.С. Михеев, посвятивший свою жизнь делу просвещения удмуртского народа, вдохновил классика марийской литературы к созданию учебников на марийском языке. Изданная С. Чавайном (совместно с В. Ипатовым) в 1910 г. «Третья марийская книга» по своему содержанию близка к пособию И. Михеева.

Педагогическая деятельность первого марийского писателя была плодотворной. Прежде чем приступить к урокам, Чавайн рассказывал что-то инте-

ресное из жизни, поднимал настроение учеников. Он был всегда подтянутый, в костюме. На уроках дети сидели тихо и внимательно слушали своего учителя. В воспоминаниях своих учеников он остался спокойным и уравновешенным педагогом, хорошо знающим свое дело, умеющим доходчиво объяснить любую тему. Если в жизни он был ласковым и отзывчивым человеком, то на работе – строгим наставником и требовательным учителем, детям он открывал безграничный мир фольклора, прививал любовь к поэзии, театру и музыке [4, с. 90].

Оставив работу в школе, он трудился в Марийском книжном издательстве, преподавал в Марийской студии музыкально-драматического искусства, возглавлял литературную часть Марийского театра, принимал участие в организации Марийской ассоциаций пролетарских писателей (1930).

1930-е гг. в творчестве Сергея Чавайна являются одним из наиболее плодотворных. Им были созданы производственные очерки, историко-революционные пьесы, историческая драма «Акпатыр» (1935), водевиль «Окса тул» («Клад», 1935) и роман «Элнет» (1935–1937), ставший вершиной его творчества.

30 декабря 1935 г. в Марийском государственном театре марийская общественность отметила 30-летие творческой деятельности С. Чавайна. Во время торжественного юбилейного вечера он сделал признание: «Творческий огонь в моем сердце зажегся не для моей личной славы, а ради моего народа, ради его просвещения. Горе народа было моим горем, его радости моими радостями. Никогда не думал я обособить себя от народа, от его судьбы» [11, с. 51].

29 декабря 1935 г. Президиум Марийского Областного Исполнительного комитета вынес постановление, в котором говорится: «Отмечая крупные заслуги Сергея Григорьевича Чавайна в развитии марийской художественной литературы и драматургии, Президиум Марийского Областного Исполнительного комитета постановляет:

1. Возбудить ходатайство перед ЦИК-ом о присвоении Сергею Григорьевичу Чавайн звания заслуженного деятеля искусств.

2. Обязать Марийское издательство в 1936 г. начать выпуск полного собрания сочинений С.Г. Чавайна.

3. Аринской средней школе и Медведевской неполной средней школе присвоить имя Сергея Гигорьевича Чавайна.

4. Премировать тов. Чавайна Сергея Григорьевича пишущей машинкой.

Председатель Петров, секретарь Косарев» [8, с. 3.].

Но еще намного ранее, 8 декабря 1927 г. в газете «Марийская деревня» (ныне «Марийская правда») сообщалось, что в городе Краснококшайске «именем марийского поэта Чавайна названа улица, идущая между улицами Чехова

и Льва Толстого, а улица, идущая параллельно Гоголевской и бульварной названа именем марийского композитора Палантая» [5, с. 4].

Приведенные документы свидетельствуют о раннем и всестороннем признании заслуг Сергея Григорьевича Чавайна еще при его жизни. Уже в 1927 г., спустя всего несколько лет после начала его активной творческой деятельности, именем поэта была названа одна из улиц Краснококшайска – столицы Марийской автономной области. Это говорит о высоком авторитете Чавайна в глазах современников и о его большом значении для национальной культуры.

Постановление Президиума Марийского облисполкома от 29 декабря 1935 г. подтверждает, что к середине 1930-х гг. вклад Чавайна в развитие марийской литературы и драматургии был официально признан на уровне региональной власти. Решение о ходатайстве о присвоении звания заслуженного деятеля искусств, об издании полного собрания сочинений, об увековечении его имени в названиях школ, а также о персональной премии (пишущая машинка) демонстрирует не только уважение, но и практическую заботу о развитии национального писателя и его наследия.

Таким образом, оба факта – и названная в 1927 г. улица, и комплексное постановление 1935 г. – показывают, что Сергей Григорьевич Чавайн ещё при жизни воспринимался как основоположник марийской литературы, а его творчество и личность пользовались глубоким уважением как у широкой общественности, так и у руководства республики.

Юбилею творческой деятельности С.Г. Чавайна были посвящены выпуски главных республиканских изданий от 30 декабря 1935 г. – газет «Марий коммуна» и «Марийская правда», а номера 11–12 журнала «У вий» («Новая сила») полностью освещали творчество Сергея Чавайна.

В этот юбилейный год на русский язык было переведено первое произведение Чавайна «Ото» («Роща»):

«На берегу голубого озера стоит одинокая роща.
Там ягоды сочны, красивы их кисти,
Там много деревьев и деревцев низких,
Там звонкие песни поет соловей.
Там заросли трав зеленее зеленых,
И цветы там красивей красивых.
Из рощи пустынной родник серебристый
Выходит, как лось молодой и пугливый.
На берегу у большого озера стоит одинокая роща».

[18, с. 3. – *Перевод Фил. Дудурова*].

Надо заметить, что переложение заметно отличается от оригинала. Оно более описательно и даже несколько архаично («деревцев низких»), что лишает стихотворение его первозданной силы. Прямая, почти декларативная кон-

цовка – «я люблю... ругаю...» – в переводе размыта и заменена пассивными конструкциями, теряя гражданский пафос. Ключевое различие кроется в последней строке. Сравнение «лось молодой и пугливый» – это художественное решение переводчика, которого нет в оригинале.

Творческое наследие Сергея Григорьевича Чавайна стало неиссякаемым источником вдохновения для целой плеяды его последователей. Отношения «учитель – ученик» здесь обрели форму прямых поэтических посвящений, которые стали не просто знаком личной благодарности, но и актом осознанной преемственности в марийской литературе.

Одним из ярчайших примеров такого служения учителю служит творчество Олыка Ипая, которого сегодня по праву считают поэтом-новатором. Вспоминая о том, что именно Чавайн был его первым учителем словесности, Олык Ипай посвятил своему наставнику книгу «*Курым муро*» («Песни эпохи», 1933). На её страницах молодой поэт оставил знаковое посвящение: *«Тиде почеламут-влакем мыйым туныктышо, шемер марий калыкын куго писательжылан – Сергей Григорьевич Чавайнлан пӧлеклем*» [9, с. 3] («Эти стихи я посвящаю своему учителю, великому писателю трудового марийского народа Сергею Григорьевичу Чавайну»). Этот жест – не просто дань уважения, он символически закреплял передачу эстафеты.

Значение этой преемственности выходит далеко за рамки личных отношений. Следуя примеру Чавайна, Олык Ипай стал реформатором марийского стиха, одним из первых внедрив в национальную поэзию сложные жанровые формы, такие как сонет, октава и триолет. Сама форма его посвящений была глубоко символичной. Например, в 1935 г. он создал триолет «Поэт», а также октавы «Раздумья Йынаша» – сложные для марийской традиции жанры, демонстрирующие, как далеко шагнул ученик, перенимая и развивая заветы учителя. Поэт как бы заявлял: «Учитель создал литературу, я – создаю ее новую форму». Это был не просто дар признательности, а декларация новой художественной эстетики.

Глубинная связь между творчеством Сергея Чавайна и Олыка Ипая наглядно проявилась и в их совместной работе. Они стали соавторами эпической поэмы «Песнь о богатыре Чоткаре» (1936), созданной вместе с Шабдаром Осыпом. В 1936 году известными поэтами Евгением Долматовским и Константином Симоновым поэма была переведена на русский язык. На марийском языке текст впервые опубликован в газете «Кугарня» в 2000 г. [3, с. 233]. Этот факт окончательно стирает грань между простым ученичеством и равноправным сотворчеством, знаменуя расцвет новой, уже многоавторской марийской литературной традиции, истоки которой заложил Чавайн. Таким образом, посвящения Олыка Ипая – это яркое литературное свидетельство рождения

нового поколения, которое, признавая своего «отца-основателя», смело двигало родную словесность вперед. В этом отношении его современники очень верно подчеркивали, что Чавайн – любимый писатель, что он – первый писатель, что он прост в общении и готов прийти на помощь: «*Чавайн – шэмэр марийын йӧратымэ писатэльжэ. Тудым изижат, кугужат пагалат, йӧратэн лудыт. Чынак, С.Г. Чавайн – пэрвой марий поэт-писатэль, тудо поэзийын сылнылыкшым шкэ шочмо йылмыж дэнэ нигэ дэч ончыч ончыктэн, шэмэрын шӱмышкыжӧ пыштэн. Тудо – национальный поэзийын пэрвой мурызыжо. Тидэ чын. Тудо поэзий кадрым куштымаштэ, таптымаштэ – апшат-бригадир. Тидат чын*» [6, с. 67] («Чавайн – любимый писатель марийских тружеников. Его уважают и дети, и взрослые, читают с любовью. Действительно, С.Г. Чавайн – первый марийский поэт и писатель, который показал красоту поэзии на родном языке, вложил её в душу трудящегося. Он – первый певец национальной поэзии. Это так. Он является кузнецом-бригадиром в деле ковки поэтических кадров. И это тоже верно» – здесь и далее пер. наш. – *Н.Ф.*); «*Сэргэй Григорьйэвич Чавайн пэш тыгылай айдэмэ. Марий совэт литературышто тудо пэш кугу гигант гынат, нэрым кадыртылмаш укэ. Иктаж могай полышым йодат гын, пашажэ уло гынат, тудым ӧрдышкӧ пыштэн, умылтараш тӱҥалэш. Вэрымат тудо ок шотло. Кэч учрэждэньыштэ, кэч урэмэш ваш лийын йод, кэч пачэрышкыжэ мийэ – чыла вэрэат тыйым пэш сай приниматла да тыланэт пэш сайын умылтара. Сэргэй Григорьйэвич Чавайным шэмэр марий-влак пэш пагалат. Тудын произвэдэньыжым йоратэн лудыт. Ужмо годым ӧрдэак мутланаш шогалыт. Тудо шэмэр калык кокла гыч лэктын, тудынак поэт-писатьыльжэ лийын*» [1, с. 72] (Сергей Григорьевич Чавайн – очень простой скромный человек. В марийской советской литературе он хоть и большой гигант, но зазнайства в нём нет. Если о чем-то попросишь помощи, он, даже если занят, отложит свои дела и начнёт объяснять. Он не обращает внимания на место. В учреждении ли, на улице ли встретишь и попросишь, к нему ли домой придёшь – везде тебя очень хорошо принимает и все тебе очень хорошо объясняет. Марийские труженики очень уважают Сергея Григорьевича Чавайна. С любовью читают его произведения. При встрече всегда остановятся поговорить. Он вышел из простого народа и стал поэтом-писателем этого же народа»).

В своем эскизе В. Мухин о Чавайне как писателе и личности сделал многозначащий вывод: «*Чавайнын кушмо корныжо: Сэргэй Григорьэв савырныш Сэргэй Чавайныш; Сэргэй Чавайн савырныш мэмнан пагалымэ писатэльыш – Сэргэй Григорьэвич Чавайныш. Марий литэратурым С.Г. Чавайн овартэн кушкыктыш. Марий литэратурын ачажлан – эн кугу салам*!» [7, с. 66] («Путь роста Чавайна: Сергей Григорьев превратился в Сергея Чавайна; Сергей Ча-

вайн превратился в нашего уважаемого писателя – Сергея Григорьевича Чавайна. С.Г. Чавайн раздул и заставил расти марийскую литературу. Отцу марийской литературы – самый большой привет!»).

Таким образом, уже в оценках современников, таких как В. Мухин, К. Алдиар, К. Марский и др., четко обозначается восприятие Чавайна не просто как автора отдельных произведений, а как фигуры, чей личностный и творческий рост стал символом становления всей национальной словесности. Метаморфоза, описанная Мухиным – от простого юноши Сергея Григорьева до признанного «отца марийской литературы», – это не только биографическая эволюция, но и отражение процесса рождения литературы как института. Именно это понимание роли Чавайна позволяет с полным основанием утверждать: имя Сергея Григорьевича Чавайна по праву занимает уникальное место в марийской культуре. Он выступил не просто как талантливый писатель, но как создатель жанрового канона национальной словесности. Его перу принадлежат первые образцы основных литературных жанров на марийском языке. Тем самым он заложил фундамент всей последующей марийской литературы, определил векторы её развития.

Творчество Чавайна демонстрирует не просто влияние фольклора, а глубинное, органическое сращение с традиционной культурой марийского народа. Используя народные сюжеты, образы и языковые средства, он сумел создать аутентичную письменную литературу, сохранившую живую связь с устным народным творчеством. Это единство обеспечило его произведениям долгую жизнь и актуальность для последующих поколений.

В общественном сознании первой половины XX века Чавайн воспринимался не только как писатель, но и как национальный герой, борец за сохранение и развитие марийской культуры. Его ранние произведения, проникнутые сочувствием к родному народу и стремлением пробудить в нём любовь к старине и самобытности, стали манифестом национального возрождения. Присвоение высоких званий, увековечение имени в топонимике и образовательных учреждениях, торжественное чествование – все это свидетельствует о высоком общественном признании его заслуг.

Личность и творчество Сергея Григорьевича Чавайна представляют собой целостный феномен, в котором сошлись просветительство, художественное новаторство, гражданское служение и национальная идентичность. Его наследие не утратило своего значения и в наши дни, оставаясь путеводной звездой для новых поколений марийских писателей и деятелей культуры. Изучение его жизненного и творческого пути – это не только дань уважения прошлому, но и ключ к пониманию современных процессов в литературе и культуре Республики Марий Эл.

Источники и литература

1. *Алдиар К.* Мэмнан туныктышына // У вий. – 1935. – № 11–12. – С. 70–72.

2. *Бояринова Г.Н.* Роль фольклорно-этнографических элементов в драмах С. Чавайна // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность. материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию вхождения удмуртского народа в состав Российского государства (29–30 нояб. 2007 г., г. Глазов). – Глазов: Глазовский гос. пед. ин-т, 2007. – С. 100–102.

3. *Зайниев Г.* Умылтарымаш // Чоткар патыр. Сергей Чавайн: палыме да палыдыме: почеламут, поэме, статья, шарнымаш / Г.З. Зайниев ямдылен. – Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2013. – С. 231–237.

4. *Коряков К.* Шокшо шӱм // Ончыко. – 1963. – № 5. – С. 86–94.

5. Кратко сообщаем // Марийская правда. – 1927. – 8 дек. – С. 4.

6. *Марский К.* Мэмнан йӧратымэ писатэльна // У вий. – 1935. – № 11–12. – С. 67–69.

7. *Мухин В.* Сэргэй Григорьэвич Чавайн // У вий. – 1935. – № 11–12. – С. 53–66.

8. Об ознаменовании тридцатилетней литературной деятельности Сергея Григорьевича Чавайна // Марийская правда. – 1935. – 30 дек. – С. 3.

9. *Олык Ипай.* Курым муро. – Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1933. – 62 с.

10. *Охотникова А.Г., Бояринова Г.Н.* С. Чавайнын «Элнет» романже: социокультурный ден калыкле проблеме кышкар // Марийское краеведение: опыт и перспективы развития. – 2021. – Т. 1. № 1. – С. 35–37.

11. Очерки истории марийской литературы в 2-х ч. Ч. II. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. – 412 с.

12. *Патрушев А.С.* Чавайн в Казани. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. – 46 с.

13. *Сави В.* Сергей Григорьевич Чавайн // Певец народа: воспоминания и документальные очерки о С.Г. Чавайне / сост. К. Васин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. – С. 32–42.

14. *Федосеева Н.А.* Истоки формирования художественной словесности народа мари. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2017. – 229 с.

15. Чавайн Автобиографий // Чоткар патыр. Сергей Чавайн: палыме да палыдыме: почеламут, поэме, пьесе, статья, шарнымаш / Г.З. Зайниев ямдылен. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2013. – 240 с.

16. *Чавайн С.Г.* Ото: почеламут [Роша: стихи] / пер. на 45 яз. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. – 72 с.

17. *Чавайн С.* Начало поэзии // Певец народа: воспоминания и документальные очерки о С.Г. Чавайне / сост. К. Васин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. – С. 14–17.

18. *Чавайн С.* Роща // Марийская правда. – 1935. – 30 дек. – С. 3.

19. *Шкалина Г.Е.* Марий илышын тошто кышаже: очерк-влак. – Йошкар-Ола: МПИК, 2006. – 143 с.

20. *Шкетан М.* Чумырен лукмо ойпого. III том: Роман, ойлымаш, повесть, очерк, фельетон, новелле, статья, серыш-влак (С. Черных ямдылен, тудынак умыландарымашыже). – Йошкар-Ола: Марий книга издательстве, 1991. – 624 с.

21. Чавайн дэн фольклор // У вий. – 1935. – № 11–12. – С. 107–108.

Nadezhda Fedoseeva

THE PERSONALITY AND WORK OF S. CHAVAIN IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE EPOCH

The personality and works of Sergei Grigorievich Chavain occupy a special place in the public consciousness of his era, especially in the context of Mari culture and literature. As the founder of the Mari national literature, he made a huge contribution to the development of the language, literature and national identity of the Mari people. His creative legacies, especially the works, are aimed at glorifying his native land and understanding the historical path of the Mari. His works became an important part of the cultural code and collective memory of the people. His personality was associated with the struggle to preserve and develop the Mari culture, for the rights of the Mari people to their cultural and national self-expression. Thus, in the public consciousness of his era, he was perceived not only as a writer and poet, but also as a national hero. S. Chavain became the symbol of not only cultural upsurge, but also sacrifice, which increased his significance in the public consciousness. In general, the personality and creativity of Sergei Chavain in the public consciousness of that era played the role of a catalyst for national self-awareness and the preservation of the cultural heritage of the Mari people. His contribution to the literature and culture of Mari El remains relevant today, continuing to inspire new generations to preserve and develop national identity.

Keywords: Mari literature, national culture, self-awareness, founder, personality, creativity, Sergei Chavain.

СПИСОК АВТОРОВ

Бояринова Галина Никитьевна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Булыгина Антонина Николаевна – ведущий библиотекарь Национальной библиотеки имени С.Г. Чавайна

Быкова Дарья Ивановна – студент 4 курса ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Быкова Кристина Владимировна – студент 4 курса ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Водясова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

Галиева Ляйсан Шаукатовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Ельцова Елена Власовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Зайцева Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Зиявадинова Ольга Сайфидиновна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Ключева Мария Аркадьевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ, ИСП РАН

Макарова Ксения Яковлевна – студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Милютина Алина Ивановна – студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Миннуллина Фатыма Халиулловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Митрускова Анжелика Ананьевна – младший научный сотрудник МарНИИЯЛИ, аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Михайлов Виталий Тимраевич – кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Мушкина Наталья Валерьевна – научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пекшеева Эльвира Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Петров Олег Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Петрова Елена Григорьевна – главный библиотекарь Национальной библиотеки имени С.Г. Чавайна

Святкин Михаил Ильич – аспирант ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

Сибатрова Серафима Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Суворова Зоя Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент, эксперт КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования»

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Чугунова Евгения Ивановна – магистрант ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3
Бояринова Г.Н. С. Чавайнын «Ӱдыр-влак» поэмыжын сылнылыкше 8
Бояринова Г.Н. С. Чавайнын «Октябрь» поэмыже: йӱксавыш ойыртем 15
Бояринова Г.Н. М. Шкетанын поэзийже 24
Быкова Д.И. С. Чавайнын «Илыше вӱд» драмыже: сылнылык ойыртем 33
Быкова К.В. С. Чавайнын «Элнет» романже: йӧратымаш йодыш 39
Водясова Л.П., Чугунова Е.И. Синтаксические средства выразительности в произведениях Т. Разгуляевой 42
Галиева Л.Ш. Жанровое многообразие литературно-критической деятельности Мансура Валиева 48
Ельцова Е.В. Любовная лирика Ашальчи Оки и Александры Мишариной: общее и особенное 52
Зайцева Т.И. Традиционные и экспериментальные тенденции в развитии современной удмуртской прозы: на примере жанра романа .. 62
Зиявадинова О.С. Человек и природа в лирике В.М. Ванюшева и А.Е. Ванеева: диалог культур 70
Ключева М.А. Именное число в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения…» (1841) 79
Макарова К.Я. Дмитрий Орайын «Чолга шӱдыр» повестьыштыже фольклор материалын сылнымут сомылжо 99
Милютина А.И. М. Шкетанын «Эренгер» романыштыже интерьер дене кылдалтше сӱрет-влак 104
Миннуллина Ф.Х. Проблемы и тенденции развития татарской драматургии конца XX – начала XXI в. 110
Митрускова А.А. Антонимы в произведениях С.Г. Чавайна 118
Михайлов В.Т. Ю. Артамоновын «Чавайнын куэже» повестьыштыже тоталитар кучем да марий интеллигенцийын пӱрымашыже 122
Мушкина Н.В. О песнях на стихи С.Г. Чавайна 133
Пекшеева Э.И. Марий диалектлаште воштыр дене пидме паша дене кылдалтше мутвундо 142
Петров О.М. С.Г. Чавайн – журналист и редактор марийских газет... 148
Петрова Е.Г., Булыгина А.Н. С.Г. Чавайнын творчествыжым лончылышо икымше шымлызе Фёдор Кузьмич Казанцев 159

Святкин М.И. О сохранении историко-культурного наследия народов России и его роли в формировании патриотизма современной молодежи 164
Сибатрова С.С. Марийские адъективные словосочетания, выражающие кратную степень проявления признака 170
Суворова З.В. Педагогические идеи удмуртского просветителя И.С. Михеева в современном этнокультурном образовании 178
Федосеева Н.А. Личность и творчество С. Чавайна в общественном сознании эпохи 185
Список авторов 195

СЕРГЕЙ ЧАВАЙН.
ЛИЧНОСТЬ. ТВОРЧЕСТВО. ЭПОХА

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
«Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха»,
посвященной 135-летию со дня рождения
основоположника марийской литературы
Сергея Григорьевича Чавайна (1888–1937)

(г. Йошкар-Ола, 5 октября 2023 г.)

Составитель Н.А. Федосеева

ISBN 978-5-94950-145-0

Редактор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Дизайн обложки *З.Г. Воронцовой*

12+ Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: (8362) 64-19-28, 45-06-47
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 04.05.2026. Формат 70x100/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,25. Печать офсетная.
Заказ № 918. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Малое Чигашево, д. 4.
Тел.: 8(8362) 55-12-77 www.string12.ru